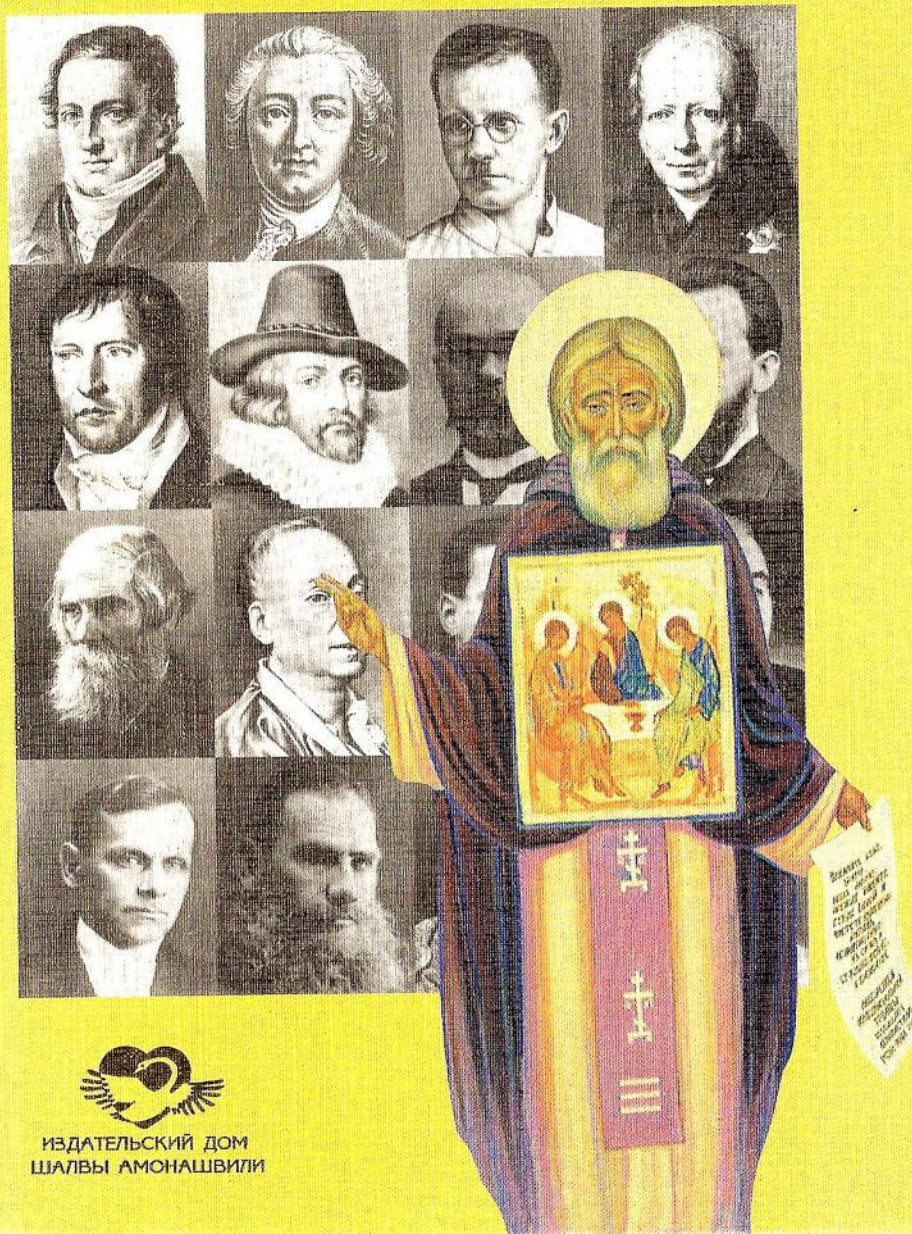

АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ
СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Амонашвили Ш.А. — глава Издательского Дома

Асмолов А.Г.

Бордовский Г.А.

Загвязинский В.И.

Зуев Д.Д. — главный редактор

Кезина Л.П.

Матросов В.Л.

Никандров Н.Д.

Ниорадзе В.Г.

Петровский А.В.

Рябов В.В.

Сартания В.Ш.

Семашкин А.А.

Шадриков В.Д.

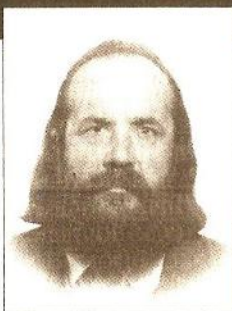

**ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ
МОСКВА**

СОСТАВИТЕЛЬ И
АВТОР ПРЕДИСЛОВИЯ

ПЕРВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

**Петров
Виктор
Михайлович**
Доктор
педагогических
наук,
г. Орехово-Зуево

**Бирич
Инна
Алексеевна**
Учитель,
доцент МГПУ,
г. Москва

**АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ**

СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

**ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ**

**МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**МОСКВА
2000**

УДК 24
ББК 86.34
С15

«Федеральная программа
книгоиздания России»

При оформлении обложки использован фрагмент картины
«Сергий Радонежский». Художник Василий Животягов.

Сергий Радонежский. — М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2000. — С. 224 (Антология гуманной педагогики).

Сергий Радонежский стоял у истоков формирования русского народа, его нравственных идеалов, он много сделал для становления и укрепления собственно русского государства, находившегося в те времена в состоянии раздробленности и национального унижения. Природа этого уникального исторического феномена тесно связана с понятием «Школа Сергия Радонежского», в недрах которой воспитывались учителя русской нравственности, чей авторитет в народе в течение нескольких веков был настолько высок, что этот период в народной памяти остался под именем **Святая Русь**. Значение учительства в тяжкие годы истории страны как никогда бывает высоко.

ШКОЛА ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ

«Ученик не выше учителя...
Довольно для ученика, чтобы он
был, как учитель его...»

(Мф. 10. 24—25)

Сергий Радонежский (ок. 1314—1392) жил и творил в эпоху формирования собственно русского (великорусского) этноса и становления в лесах Восточной Европы нового государства — Московская Русь — в тяжелейших условиях татаро-монгольского завоевания. Он, его сподвижники, ученики и последователи заложили основы русского мирозерцания, а также традиции в области воспитания и образования, определившие главное направление в развитии духовного просвещения народа.

Исследователь истоков педагогических традиций того времени, включая и проблему целеполагания воспитания, сталкивается с серьезными трудностями, обусловленными, в частности, особым характером текста рукописных книг, житийной литературы, отражающих воззрения «учительных людей», мысливших целостно, синкретично, без видимого вычленения собственно педагогического аспекта. Отметим, что и сама практика воспитания и обучения в Московской Руси была плотно вкраплена в общекультурную народно-бытовую, домашне-семейную, церковную, монастырскую и трудовую жизнь. Она настолько была сращена с религиозными идеями, православными обрядами, другими видами деятельности, что выявить педагогический «субстрат» в чистом виде, как это ныне для нас привычно, для того времени чрезвычайно сложно. Но мы попытаемся это сделать.

Предшествующие Сергию Радонежскому религиозные деятели, прежде всего Московские митрополиты Петр (управлял церковью в 1308—1326 гг.) и Алексий (1354—1378), ставили в качестве основной задачу определения цели воспитания подрастающих поколений. Общеизвестно, что цель — это то, к чему стремятся, что необходимо осуществить, в нашем случае — воспитать телесно и душевно здоровое поколение. В церковнославянском языке слово «здоровье» звучит как «целость» (т.е. «цельность»). Воспитателя, наставника добродетельной жизни издревле сравнивали с целителем, именуя «целомудрителем», врачующим ра-

зум, формирующим «целоумие», т.е. совершенное состояние ума. Далеко не случайно слова «цель» и «целый» переплетены в церковнославянском языке и выражают мысль о необходимости нравственного движения человека от его рождения, зрелости до самой смерти во имя сохранения и спасения души. Так, первый на московской кафедре митрополит Петр в «Починении игуменам, попам и дяконам» называл прямой обязанностью священников религиозно-нравственное воспитание своей паствы, чтобы пастырь был духовным целителем народных масс.

Идея формирования целостного человека, т.е. духовно целеустремленного, пустила глубокие корни, расцвела в деятельности святителя Алексия и игумена Сергия Радонежского, повлияв на характер воспитания в Московской Руси. Оба являлись сподвижниками на ниве христианского просвещения народа. Алексий стал зачинателем в нашем Отечестве особых духовно-образовательных центров, в которых могли бы воспитываться высокопросвещенные настоятели монастырей и «учительные люди», так необходимые для консолидации населения вокруг нового государственного центра.

В 1353—1354 гг. Алексий по делам русской митрополии находился в Константинополе, оказавшись в эпицентре споров о духовном предназначении Византии и судьбе восточной христианской церкви. Душе и уму московского святителя осталась чуждой идея возрождения греко-римской образованности, хотя он и не отрицал античного наследия, если оно освящено и облагорожено христианской верой. Более близки ему оказались те религиозные деятели и мыслители Византии, которые объединились вокруг константинопольского патриарха Филофея и создали в «монашеской республике» на горе Афон крупный центр православного, включая русское, иночества. Григории Синаит, Григорий Палама и Николай Кавасила разработали и обосновали религиозно-философское учение об **исихазме** («исихия» по-гречески — безмолвие, внутреннее спокойствие, тишина, отрешенность), опиравшееся на духовную практику отцов восточной церкви IV—VII вв., которое и было поддержано в 1347 г. на Константинопольском соборе. После многолетних дискуссий в обществе оно было принято в качестве официальной идеологии Византийского государства. Данное учение и было перенесено святителем Алексием на русскую почву.

Суть этого учения, воспринятого в Московской Руси и развитого в деятельности Сергия Радонежского и его учеников, заключалась в том, чтобы создать **школу духовной преемственности**, которая способствовала бы продвижению учеников по ступеням духовного совершенствования. Главная воспитательная цель достигалась не на путях дидактически выверенного книжного образования и «умствования», как это было на Западе, а вдохновенным созерцанием «горного мира», проявленного в слове Божественного писания, в трудах Отцов Церкви, в молитве и пра-

ведной жизни. Исихасты активно использовали также и религиозный опыт более древних православных мыслителей, таких, как Авва Дорофей, Максим Исповедник, Симеон Новый Богослов, собранный в книгах «Добротолюбия».

Алексий, будучи не только главой русской церкви, но и регентом-правителем при малолетнем великом князе Дмитрие, пошел по пути создания новых монастырских центров «ученья книжного». В созданных по его инициативе иноческих обителях, таких как Спасо-Андроников, Алексеевский женский, Чудов мужской монастыри, вводился привезенный им с Афона «общезительный устав» (киновия), по которому иноки были обязаны создавать «книжницы» — книгохранилища и мастерские переписчиков для обучения талантливых послушников. Так, в Московской Руси XIV в. в целостности сохранилась идущая еще из Киевской Руси традиция обучения юношества на церковно-славянском языке, идея «духосообразного» религиозно-нравственного просвещения с этого времени действительно становится стержневой, системообразующей целью формирования русского православного человека.

Новые цели воспитания реализовывались именно в новых монастырях, которые стали прообразами будущего высшего духовного образования. Сергей Радонежский, основав в 40-е годы XIV столетия Троицкий монастырь, что «на Маковце» близ Москвы, создал в нем образцовую школу духовности и святости. Именно им впервые в полной мере было рассмотрено и найдено верное решение проблемы целеполагания воспитания как формирования целостного человека, раскрытое в сложном религиозном понятии «Троица» и реализованное в его воспитательной деятельности.

Истинный учитель — всегда вместе с учеником! Эту педагогическую мудрость всей своей жизнью выстрадал преподобный Сергей. Опорой ему служило библейское высказывание: «Малый наравне с большим, учителя наравне с учениками» (I. Пар. 25.8). В «Житии Сергия Радонежского», созданном в 1417—1418 гг. Епифанием Премудрым, учеником и «собеседником» Сергия в годы его игуменства в Троицком монастыре, учительный характер и подвижнический дух русского святого, его воззрения на задачи просвещения раскрыты в полной мере. Само «Житие», по словам его автора, также замыслено в целях «просвещения» и адресовано не только к образованному читателю, но в большей мере к юношеской аудитории, к «младоумным отрочатам», имеющим еще «детский смысл», чтобы образы и идеи этого произведения помогли им войти в «разум свершен».

На страницах «Жития» под пером Епифания разворачивается широкая панорама просветительской деятельности преподобного Сергия на территории складывающегося Московского государства, образно и глубоко раскрываются его мысли о воспитании. Умственная и практическая работа учителей того времени была

направлена на поиск совершенной христианской жизни, духовно-нравственное воспитание молодежи и книжное образование, построенное на основе учений Отцов восточно-христианской Церкви, прежде всего Иоанна Златоуста и Иоанна Дамаскина. На церковнославянский язык переводилась с греческого литература, которая освещала прежде всего духовно-душевный аспект воспитания, например «Диоптра, или Душезрительное зеркало» Филиппа Пустынника, «Измарагд» и «Златоуст» — свособразные учебники нравственности той эпохи, «Лествица» Иоанна Синайского, раскрывающая ступени духовного восхождения и самосоиздания человека, «Мудрость Менандра» — сборник душеспасительных изречений античных и раннехристианских авторов.

Все это вело к сосредоточению на религиозном мирозерцании, построенному на методе откровения и следования церковным авторитетам, боговдохновенного проникновения в истину, понимаемую исключительно как путь целостного восхождения человека и его воспитания в Свете Христовом.

Сама «святость» в русской культуре понималась как животворный источник света внутреннего мира праведного, «учительного» человека. Слово «святой» в Древней Руси применялось для обозначения людей, устремленных к идеалу, к Богу. Сергием Радонежским в него был вложен смысл достижения целей христианского воспитания, высшего нравственного поведения в различных практических ситуациях как на внутреннем, так и на внешнем, социальном уровнях проживания. Развитие духовного потенциала человека в Свете Христовом — вот педагогическое наполнение понятия «святость», трансформированного в XIV столетии на Руси.

Духовная деятельность Сергия Радонежского дала великорусскому народу высокий идеал добронравной жизни. В этом свете В.О.Ключевский, наш известный историк XIX в., справедливо называл его «нравственным воспитателем народа», создавшим «практическую школу благонравия». В подмосковном Троицком монастыре великий русский подвижник не только осуществлял образцовое иноческое воспитание, но и обогащал своих духовных детей «житийскими науками», формируя в них такие качества, как трудолюбие, дисциплинированность, стойкость, патриотизм, человеколюбие.

Возрождение раннехристианского идеала человека (в опоре на Новый Завет, творения Отцов Церкви и пример христианских святых, мучеников за веру), воплощенного преподобным Сергием, дало прочный ориентир в деле консолидации русского народа перед лицом угрозы теперь уже мусульманского нашествия. Авторитет Сергия Радонежского был настолько высок, что именно к нему за благословением пришел великий князь Дмитрий, отправляясь на битву с Мамаем. Плоды христианского воспитания подрастающих поколений проявились уже в личных качествах победителей на поле Куликовом, прежде всего Дмитрия Дон-

ского, а также монахов Сергиева монастыря Пересвета и Осляби. В народных представлениях, раскрытых в знаменитой поэме «Задонщина», образ совершенного человека совместился с образом монаха-подвижника, обращенного в своей внутренней жизни и житейских делах не к мирскому, суетному, а прежде всего к духовному, нравственному совершенствованию, что помогало ему совершать благие дела и в миру.

Во времена Сергия Радонежского устойчиво закрепился взгляд на воспитание и образование человека как на духовное восхождение по ступеням «лестницы», ведущей к идеалу, совершенству, образу. Движение к этой цели понималось как жизнь («житие»), осуществляемая по евангельским заповедям. Любовь к Богу, сопряженная со «страхом» быть, оказаться вне этой любви, признавалась во всем христианском мире основной движущей силой развития человека. Это мышлечувствие является основой педагогических воззрений Сергия Радонежского, вернее, их отправной точкой. По словам Епифания — агиографа русского святого, именно Бог дает «незлобивым мудрость и юному отроку ум и сознание, поскольку истолкование слов его всех просвещает и даже младенцам понятно». (Все цитаты даются по книге «Жизнь и житие Сергия Радонежского». — М., 1991. С. 12). Подобную педагогическую позицию можно определить как софийный («софия» по-гречески — мудрость) подход к образованию, перенесенный из Византии на Русь еще в XI в.

Образ Бога, воплощающего в себе совершенную мудрость, являлся целеуказующим для организации воспитания и основанием для определения содержания образования. Согласно Библии, Бог сотворил человека по образу своему, искаженному в людях вследствие первородного греха и требующему восстановления посредством воспитания, образования и самосовершенствования. Образы святых и подвижников, продвинувшихся на пути духовного совершенствования, являлись примерами для подражания, практическими ориентирами в ходе поэтапного, поступательного становления христианина.

Сергий Радонежский развил данную традицию, основываясь на учении о Троице. Образование он понимал не просто как «учение книжное», осуществляемое в процессе систематического чтения, запоминания и толкования прочитанного, а прежде всего как движение человека к Живоначальной Троице. В человеке святоотеческим воспитанием необходимо восстановить ту гармонию, тот триединый лад духа, души и тела, который был в Адаме до грехопадения. Эта цель может быть достигнута внутренним духовным напряжением человека на пути его к Троице.

Символически идеал воспитания, нацеленного на духовную полноту, изображен в знаменитой иконе «Троица», созданной в первой четверти XV в. Андреем Рублевым, вдохновленным житием Сергия Радонежского: это всепоглощающая любовь, укрепляющая веру в наше единое целое с Богом. Содержание

образования символизировано иконописцем в духовной пище, ангельской трапезе, которая заключена в чаше, — в гармоничном замкнутом пространстве, круге, обозначающем свет и жертвенную любовь. Дадим толкование: свет, а значит и его производное — просвещение — возможны лишь в круге любви. Именно это создает необходимое напряжение образовательного поля, устремленного своими силовыми линиями к триединому Творцу. Все три ангела иконы указывают на чашу, которая и соединяет их в единое и нераздельное целое. Так сквозь видимую богословскую оболочку — спасение рода человеческого — высвечивается педагогическая мысль о необходимости духовного водительства человека.

Как в символической образности иконы Андрея Рублева, так и в словесном тексте Епифания Премудрого отчетливо звучит призыв к спасению человека. Прежде всего, это развитие его внутреннего духовного мира, понимаемого Сергием Радонежским как высшая на земле ценность. Каждый факт жизни преподобного Сергия, каждое его действие и высказывание агиограф преобразует в таинственный, многозначный символ, наделенный сильнейшим воспитательным воздействием. Эти словесно-образные символы при необходимом развертывании и наполнении конкретным содержанием учат человека преодолевать в себе низменного человека, влекут его к высшим, идеальным целям, чтобы он следовал за теми, кто дальше всего продвинулся на пути к Троице.

Так образ Сергия Радонежского обрел в веках непреходящее педагогическое звучание, ибо кто из нас скажет, что он продвинулся далее? Господство духовного начала в русском средневековом педагогическом опыте — ведущая и характернейшая черта, отличающая его от западноевропейского. Духовный труд ученика должен предшествовать его учебной, умственной работе и сопровождать ее. Воспитание в православной Руси рассматривалось как детоводительство по пути спасения души, как акт творения учителем целостного внутреннего мира ученика. Не развитие ума (рациональная педагогика), а формирование духовно-нравственной сферы, внутреннего человека («троичная» педагогика) — главная забота Сергия Радонежского. Средневековые формы университетского образования, характерные для западноевропейской педагогики, отступали в Московской Руси на задний план, предпочтение отдавалось духовным формам целостного формирования человека.

Сергий Радонежский не писал книг, и его идеи, его практический вклад в становление и развитие русского образования мы черпаем прежде всего из агиографической, то есть житийной литературы. Первоначальный подробный вариант «Жития Сергия Радонежского» был создан Епифанием Премудрым в последние годы его жизни. Несколько ранее, на исходе XIV в., им было написано «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом».

Епифаний Премудрый получил высшее по тем временам образование в епископском монастырском училище г. Ростова, которое называлось «Братский затвор». В этой «ученой обители» будущий агиограф изучил церковнославянский и греческий языки, учился свободно ориентироваться в святоотеческой византийской и древнерусской литературе, решать сложнейшие вопросы жизни. В годы учебы он был соучеником («собеседником») будущего друга и соратника преподобного Сергия епископа Стефана Пермского. Известно, что Епифаний совершил путешествие в Константинополь, Иерусалим и на Афон. Являясь высокообразованным человеком, Епифаний становится иноком Троицкого монастыря и учеником Сергия Радонежского, собирая и записывая все, что мог узнать о житии святого, его воззрениях и просветительской деятельности. Еще при жизни преподобного Сергия Епифаний являлся духовником обители. Известно, что духовник по своим функциональным обязанностям отвечал в монастыре за образовательный процесс, «списание книжное», духовное здоровье и самосовершенствование послушников. Отсюда и постоянное внимание Епифания Премудрого к педагогической проблематике.

Согласно Епифанию Премудрому, к образовательным целям, единым в Троице, ведут два возможных пути. Первый — последовательное и систематическое школьное образование, начетническое усвоение книжных знаний в специальных архиерейских училищах и монастырских образовательных центрах, своеобразных русских «братских академиях». Этот путь дан им в подробном жизнеописании Стефана Пермского. Второй — овладение книжной культурой через божественное озарение, получение совершенного знания и способностей как духовного дара от Бога и развитие их в практике иноческой жизни. Это путь преподобного Сергия Радонежского.

В педагогической лексике Епифания Премудрого реалии воспитания и обучения определяются одними и теми же словами, как правило, сложными, где начальные части слов выражают нравственный аспект понятия: добропамятство, доброразумие, благодатие и т.п. Под «добропамятством» он понимал твердую, хорошую память и в то же время способность запоминать хорошее, доброе, нравственное, чистое содержание учения, полезное для души, «разума душевного»; под «доброразумием» — богособразную природную доброту человеческого разума. Лишь «благодатное» учение может быть успешным; оно должно осуществляться в рамках православной веры и сопровождаться формированием особых качеств христианина: телесной и душевной чистоты, целомудрия, чувства временности всего мирского. Все они необходимы для правильного, с точки зрения Епифания, организованного обучения, «почитания книжного». Знания, питающие ум, дух и душу, черпаются от Бога; когда ум внимает — душа должна наслаждаться. Это основа целостного воспитания че-

ловека по образу Троицы. В заключительной части «Жития...» Епифаний, подводя итог учительской деятельности Сергия Радонежского, писал: «душеполезные словеса не токмо телеса, но и самую душу могут укрепить и окормляти к духовным подвигам» (там же, с. 92). Не только учить, но в большей мере творить внутреннего духовного человека — вот цель и задача учителя.

В «Житии Сергия Радонежского» особое внимание агиограф уделяет младенческим, детским и юношеским годам жизни Варфоломея, в иночестве — Сергия. Первые годы жизни будущего святого раскрываются не формально, не по устоявшимся канонам агиографического жанра, а по живому семейному преданию, рассказам самого преподобного Сергия, осмысленных Епифанием с богословской и педагогической точек зрения. Они даны в динамике возрастной периодизации «от самого рождения его и младенчество, и детство, и в юность» (там же, с. 11). Отметим, что, с нашей точки зрения, детские годы Варфоломея под пером Епифания приобрели характер образного выражения педагогических воззрений самого Сергия Радонежского.

В «Житии...» духовный путь Сергия Радонежского начинается еще до его рождения. Будущий святой, находясь в утробе матери, троекратно прокричал во время Богослужения. Агиограф убеждает, что еще до времени рождения формируется в дитяти образ Божий, слагается цельность его человеческого существа, определяется вектор его служения Святой Троице — Богу Троице единому. Посему матери необходимо тщательно оберегать плод, окружая его заботой, ей следует быть воздержанной, избегать излишеств, поститься и молиться. Полны сокровенного воспитательного смысла слова «Жития...»: «младенца во утробе носящи яко некое съкровище многоценное» (там же, с. 15).

Комментируя данный отрывок «Жития...», святитель Филарет, митрополит Московский (XIX в.), замечал: «О, родители, если бы вы знали, сколько добра или, напротив, сколько зла можете вы сообщить вашим детям еще до их рождения! Вы удивились бы точности суда Божия, который благославляет детей в родителях и родителей в детях и отдает грехи отцев на чаде (*Числ. 14:28*); и, помышляя о сем, с благоговением проходили бы служение, веренное всем от Того, из Него же всяко отечество на небесах и на земли именуется» (*Ефес. 3:15*). (Цит. по: «Преподобный Сергий Радонежский. Житие, подвиги». — М., 1998. С. 19). И тогда и ныне таких родителей, видящих предназначение, особый жизненный путь ребенка еще до его рождения, — единицы.

Родительская педагогика ранней поры Московской Руси под пером Епифания раскрывается в важнейших деталях на примере благочестивой семьи, в которой сознательно и целенаправленно осуществлялось первоначальное формирование духовного мира ребенка. Варфоломей — средний сын родовитых супругов — Кириллы и Марии, истинных христиан, отличающихся чистой и богоугодной жизнью. Лишь в такой атмосфере могли сформиро-

ваться характер, личность и проявиться лик святого: «Бог и устроил таковаа праведна родителя его и потом от нею своего си произведе угодника» («Жизнь и житие...», с. 13).

Главная роль в домашнем воспитании детей принадлежит матери. Однако агиограф подчеркивает, что позиция матери целиком и полностью поддерживается отцом. Единство родительского влияния на ребенка, как это явствует из «Жития...», является неперменным условием правильного семейного воспитания. Конкретизируя характер раннего формирования человека, Епифаний отмечает чуткую ориентацию матери Варфоломея на индивидуальные особенности сына, желания и предпочтения своего ребенка.

Питается Варфоломей исключительно молоком родной матери. Попытка родителей передать ребенка кормилице-няне оканчивается тем, что Мария до «полного возраста» сама вскармливает своего сына. Обязательность чувственного контакта младенца с матерью, по мысли агиографа, формирует особую душевную чистоту характера человека. Об этом удивительном поведении, как и о трехкратном возгласе в церкви во время службы, родители в дальнейшем неоднократно напоминают Варфоломею, тем самым помогая ему осознать свое предназначение. Епифаний приводит из Священного Писания и святоотеческих книг множество параллелей, убедительных примеров, свидетельствующих, что уже во внутриутробном и новорожденном дитяти родители «сердечными очами» могут увидеть предстоящий жизненный путь, призвание, подвиг и, следовательно, верным образом целенаправить его воспитание.

До семилетнего возраста развитие Варфоломея осуществлялось «по закону естества». Родители сознательно и планомерно организовывали воспитание ребенка «по обычаю телесного возраста», т.е. следуя его индивидуальной природе, но также и в традиционном, общепринятом русле.

Книжный язык Епифания, который историки русской литературы называют «плетением словес», не был распространен в устной народной речи. В средневековых московских былинах, звучавших в простонародной среде, более четко раскрывалась суть перехода от домашнего воспитания к школьному обучению. Считалось, что родители в детях воспитывали «вежество природное», а в школе в них формировалось «вежество ученое», соединяющее естественного человека с мировыми ценностями. Ныне слово «вежество» исчезло из нашего лексикона, хотя сохранился антоним — невежество. В слове «вежество» был отчетливо обозначен акцент на духовное становление и нравственное воспитание.

Семья и школа на Руси делали одно дело — развивали ребенка как доброе, «вежественное» существо, что и объединяло эти два этапа в образовании человека в единое целое. Нынешнего разрыва между семьей и школой в русской средневековой прак-

тике воспитания не наблюдалось. Именно в этом ключе следует понимать епифаньевское словосочетание «по закону естества», что вовсе не означает одно лишь физическое воспитание. В основу педагогических воззрений, получивших отражение в «Житии Сергия Радонежского», определенно положен принцип целостного становления человека, ясное понимание, что ребенок и до 7 лет, и после этого возрастного рубежа формируется, «преуспевая душою и телом, и духом, исполняяся разума и страха Божия» (там же, с. 22). Заметим, что Епифаний Премудрый, являясь учеником и последователем Сергия Радонежского, выражал в «Житии...» педагогические убеждения своего великого учителя, его целостный подход к процессу воспитания человека по образу Троицы.

Все дети Кирилла и Марии были в равной мере воспитаны «съ всяким наказанием (наставлениями. — В.П.) въ благочестии и чистоте». Однако если старший Стефан и младший сын Петр быстро и основательно овладели грамотой, то Варфоломей «не скоро выкнуша писанию, но медленно некако и не прилежно» (там же). Почему же духовно развитый мальчик, со слезами молящий Бога научить его грамоте, не выказывал способности к «учению книжному»? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сделать небольшой историко-педагогический экскурс.

Переход от семейного воспитания к школьному обучению отражен на иконах с клеймами, иллюстрирующими жития русских православных святых. На них, как правило, изображены сюжеты самых важных событий в жизни подвижника. После клейм, отмечающих акт рождения, а затем некоего события дошкольной жизни, следовал устойчивый сюжет русской средневековой иконографии, получивший название «Приведение ко учению». Обычно на клеймах с изображением этого сюжета делалась пояснительная надпись: «отдают грамоте учить».

На клеймах этих икон мы видим, что оба родителя, отец и мать, почтительно подводят ребенка семи лет к мастеру грамоты и отдают ему свое дитя на попечение и учение. Иконописцами подчеркивалась торжественность самого момента перехода ребенка из-под домашней опеки к школьной жизни. Известно, что этот переход на Руси сопровождался стоговором между родителями и учителем, где, например, обозначалось, в какие сроки и чему конкретно должен научиться ребенок.

Учитель изображался восседающим на возвышении, празднично одетым в платье мирянина, однако своим фасоном приближающимся к одеянию игумена. Это вполне понятно, поскольку мастер грамоты возглавлял училище подобно тому, как игумен — монастырь, становясь для своих питомцев не столько уроководителем, сколько духовным отцом, пастырем. Так зримо выражалась в Московской Руси идея неразрывности семьи и школы, мысль об ответственности родителей и учителей за под-

готовку ребенка к новым условиям жизнедеятельности, к процессу обучения.

Традиционно на Руси детей исподволь приучали к «учению книжному». Например, существовал обычай домашнего чтения. Взрослые, как правило отец, за трапезой и перед сном читали вслух поучительные тексты из рукописных сборников устойчивого содержания: «Пролога», «Пчелы», «Измарагда», «Златой цепи» и др. Чтение предвлялось общей молитвой и являлось наглядным примером отношения к книге как особой духовной и жизненной ценности. Тексты Священного Писания дети слышали и в церкви, куда они приходили со своими родителями. Эти тексты нацеливали детей на особый лад, на положительное отношение к учению, развивали их память книжными словосочетаниями, давали им наглядные представления о различных явлениях духовной жизни. Например, начальные главы «Измарагда» раскрывали перед детьми смысл словосочетания «почитание книжное»; они нацеливали будущих учеников на положительное отношение к учению, на выработку умения вступать с книжным текстом во внутренний диалог, который расценивался как путь в «горний» божественный мир, как дорога самосовершенствования.

Домашнее родительское чтение давало детям образец для подражания, способствуя адаптации их к школе. От чтения книги, изустного знакомства с миром православной культуры, в русских семьях той поры переходили к обучению детей грамоте. Археологами найдены специальные, предназначенные для письма дощечки, которые, несомненно, имели учебное назначение. Известна пятиугольная дера с вырезанной на ее обратной стороне азбукой (XIV в.). Подобные азбуки были доступны даже беднейшим представителям общества. В московских былинах устойчив сюжет обучения сына матерью: «посадила его мать грамоте учиться, а грамота ему в наук пошла». В былинах отражен факт приглашения отцами знатных семей учителей на дом: «Он даст ему попа, отца духовного, дает игумена и пострижника, дает монаха и учителя» («Добрыня Никитич и Алеша Попович»).

Акт перехода из семьи в училище был на Руси не только семейным делом, он освещался православной церковью, принимавшей участие в процессе приобщения детей к школе. Церковь широко использовала метод детской исповеди, отраженный в текстах «Поновления детям младым». Начиналась исповедь с увещевания, направленного на то, чтобы убедить юного исповедника в необходимости откровенного разговора. Для этого зачитывались наиболее яркие отрывки из текстов Священного Писания, велась доверительная беседа. Само место исповеди в тайном уголке церковного помещения настраивало внимание и обостряло внутреннее чувство («Бог все видит», «ангелы тебя слышат»). В «Поновлении детям младым» греховными назывались «родителей своих непослушание, старшим досаждение», сквернословие, ложь, «играния

и плясания» и т.п. Исповедь приобщала детей к миру взрослых, являясь своеобразным посвящением детей в ученики.

«Житие Сергия Радонежского» свидетельствует, что отрок Варфоломей должным образом был подготовлен в семье к обучению, к почитанию книжному. В чем же причина его неспособности учиться? Может, в учителе? Агиограф подчеркивает, что и вины учителя в этом нет: «учитель же съ многым прилежаниемъ учаше его, но отрок не внимаше и не умеаше, не точен бысть дружине своей, учащимся с ним. О сем убо много браним бываше от родителю своею, боле же от учителя томим, а от дружины укаряем. Отрок же втайне чясто съ слезьми моляшеся Богу, глаголя: «Господи! Ты дай же ми грамоту сию, ты научи мя, въразуми мя!» (там же, с. 22). В этом отрывке, реалистично отражающем характер педагогического процесса ранней поры московской государственности, показано, что образование детей осуществлялось в насыщенной заботой воспитательной среде, согласованно — родителями, учителем и сотоварищами-учениками («дружиною»).

Усилия учителя и родителей не приводили к положительному результату, поскольку — и тут обратите внимание на епифаньевскую педагогическую диагностику — Варфоломей «не точен бысть дружине своей». Древнерусское словосочетание «не точен» означает — не похож, особенный. Индивидуального подхода к своему необыкновенному ученику мастер грамоты явно не мог найти, а посему, замечает автор «Жития...», «немалу же тшету вменяше себе учитель его». Однако, как мы видим, дело было не в подтягивании Варфоломея до уровня остальных учеников, а в особом пути просвещения ребенка. Епифанием Премудрым отмечено, что воспитатели не разглядели в отроке «вышнего строения Божия промысла», что не от людей, а от самого Бога он должен был получить книжное учение, «что и сбилось» (там же). Так на конкретном примере агиографом-педагогом был дан анализ двух равновозможных путей образования русского православного человека, которые, как показано в «Житии...», приводят в итоге к единой цели.

Мы видим, что отстающий ученик неожиданно обретает способность к усвоению не сразу давшейся ему грамоты. Этот путь представлен как чудесный, но вполне реальный. Жизнеописатель Сергия Радонежского выводит на страницы «Жития...» таинственную личность старца-инока, посланного Богом ангела, который «прозре внутренима очима», т.е. провидчески, «взглядом сердца» увидел богоизбранность встретившегося ему отрока. Особой молитвой и обрядом старец добивается того, чего не могли традиционным путем достичь родители и учитель. Результат такого быстрого и радикального обучения был блестящим: «По отшествии же старца оного обретесе отрок вънезапу всю грамоту отгуда добре умеа, пременися (переменившись. — В.П.) стран-

ным образом: и куюждо разгнет книгу, ту добре чтый да разумеет» (там же, с. 25).

Самовоспитание Варфоломея также имело особый характер, отличный от традиционного, распространенного в среде мирян. Епифаний Премудрый, повествуя о подростковом возрасте преподобного Сергия, подчеркивает, что и в быту, и в работе, и в отдыхе отличался он от своих сверстников, «во младе телесе стар смысл показа». Так, например, двенадцатилетним отроком, в возрасте «плоти растуши и цветущи», побуждаем он был матерью не соблюдать слишком строго поста, не избегать детских забав, игр, веселья, сладких кушаний и т.п. Она пыталась убедить сына, применяя как прием народную поговорку: «все добро, но в свое время», быть как все отроки его круга. Однако Варфоломеем напомнил матери, что он отличен от большинства детей, о чем она сама ему много раз напоминала: «Не вы ли глаголаста ми яко егда был есмь в пеленах и в колыбели, тогда, — речев всякую средю и въ пяток млека не ядущу ти» (там же, с. 26). Говоря современным языком, установка, данная родителями ребенку с раннего детства, выправляла путь и диктовала изнутри особое поведение отрока. Этот ранний духовный опыт был осмыслен преподобным Сергием еще в юности: «Господи! Аще тако естъ, яко же поведаста ми родители мои, яко и преже рожения моего Твоя благодать и Твое избрание и знамение бысть на мне, убозем, воля Твоя да будет, Господи!... Сердце мое да възвысится к Тебе, Господи, и вся сладкая мира сего да не усладят мене, и вся красная житейская да не прикоснутся мне» (с. 26—27).

Родительское воспитание и просвещение в сочетании с непрерывным самовоспитанием и самосовершенствованием вели к становлению в юноше сильной духовной личности. Именно такие люди необходимы народу в его поворотные периоды истории, каким и было время жизни Сергия Радонежского. Сформированное с детства и отрочества «рачение» к добрым делам становится основанием, сердцевиною добродетельной жизни взрослого человека.

Дальнейший ход воспитания раскрыт в «Житии...» в образах духовного очищения. Особенный подход к нему Сергия Радонежского заключается именно в том, что на пути любви к ближнему, единению с ним в Троице — «душа в союзе с плотью» (там же, с. 84). На этом пути человек формируется целостно: духовно, душевно и телесно. Такое воспитание, говоря словами о. Павла Флоренского, служит достижению «всесторонне жизненного единства», поскольку, как писал этот выдающийся религиозный мыслитель XX столетия в статье «Троице-Сергиева Лавра и Россия», «Троица называется Живоначалной, т.е. началом, истоком и родником жизни, как единосущная и нераздельная, ибо единство в любви есть жизнь и начало жизни, вражда же, раздоры и разделения разрушают, губят и приводят к смерти» (Сергий Радонежский: Сборник. — М., 1991. С. 375).

Духовное воспитание в педагогике Сергия Радонежского — первично, поскольку формирует основу для развития целостной личности, одухотворяет, творит внутренний мир человека. Справедливы слова Епифания Премудрого, называвшего своего учителя «учеником Святой Троицы» («Жизнь и житие...», с. 18), а также «Троичный ученик» (с. 19). Лишь Сергей Радонежский мог осуществить задачу стать учителем, воспитателем и просветителем целого народа, формировавшегося в лесах Северо-Восточной Руси на рубеже XIV и XV вв. А первый учитель, к тому же любимый, — на всю жизнь!

Этот педагогический кладезь воспитания был к середине XIV столетия сосредоточен в пределах Троицкого монастыря, гениально названного писателем Борисом Зайцевым «центром духовного лучеиспускания». Мы не найдем в Сергиевой обители специального школьного помещения и профессиональных учителей в современном понимании этих слов; весь монастырь, прежде всего книжницы, кельи старцев и церкви, был образовательным пространством, где «в совершенном послушании» и в «добром течении» готовились к «достойной жизни», к учительской миссии Сергиевы «чада любимые». Подобно тому, как сам Сергей «закону Господню поучался день и ночь, яко древо плодовито», так он просвещал и своих учеников, ожидая и искусно добиваясь того, что каждый из них «в свое время даст плод свой».

Так и случилось. Сергей Радонежский, будучи всего лишь игуменом маленького монастыря, на века дал русскому народу образец создания воспитательно-образовательной среды, внутри которой сформировались будущие знаменитые пастыри Московской Руси, понесшие его опыт духовного просвещения и реализации идеала святости по всей территории складывающегося на глазах нового Русского государства. Монастырь же после смерти своего первого игумена превратился в Троице-Сергиеву Лавру, став главным центром русского православия.

Именно этот факт дал право исследователям жизни великого подвижника обозначить его просветительскую деятельность как **Школу Преподобного Сергия Радонежского**. Первые монастыри по типу Троицкого начинают строить единомышленники, сподвижники Сергия, которых принято называть его «собеседниками», друзьями. Сам он становится инициатором создания 9 монастырей вокруг Москвы, в которых настоятелями ставит своих первых и любимых воспитанников. Таким образом, он дал пример и другим своим ученикам пойти по этому же пути и продолжить его начинание, понесшим духовный свет все дальше и дальше на север. Уже к концу XIV в. в лесах Ярославского (на р. Обноре), Костромского, Вологодского края, на Урале возникают 40 очагов православной культуры.

В XV в. этот процесс приобрел постоянный характер. Известный писатель русского зарубежья Георгий Федотов назвал этот процесс «Северной Фиваидой», сравнивая его по значимости и

чистоте христианского учения с эпохой распространения христианства в восточных окраинах Римской империи в первые века н.э. Именно в Вологодском крае переплелись традиции Школы Сергия Радонежского в лице учеников Кирилла Белозерского («духовных внуков» Сергия) с традициями Афонской школы монашества в лице учеников Дионисия Святогорца («духовных внуков» Григория Паламы). Традиции эти сохранялись на Руси до середины XVI в. (Более подробно об этом см. в Приложении.)

Пока княжеская власть признавала и поддерживала авторитет идеала святости, Московское государство крепло, росло и богатело. Как только она отказалась от него (а произошло это при царе Иване Грозном), мощь Русского государства пошатнулась, и уже ничто не могло предотвратить наступления Смутного времени. Как актуально звучат сегодня слова В.О.Ключевского, сказанные им 100 лет назад: «При имени Преподобного Сергия народ вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и затверживает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной» («Ангел-хранитель земли русской» (Памяти Преподобного Сергия Радонежского). — М., 1994. С. 22—23).

Вот почему в данном сборнике перед читателем откроется сложный и таинственный мир русских религиозно-педагогических идей, притч, реалий воспитания Московской Руси, сосредоточенный не только в «Житии Сергия Радонежского», написанном Епифанием Премудрым, но и в житиях его сподвижников, учеников, а также в трудах его дальнейших последователей, пронесших чистоту его духовного учения через века. Все эти тексты несут в себе глубокий учительско-педагогический смысл, который читателю предстоит извлечь самостоятельно.

В.М.Петров

ОТ ПЕРВОГО ЧИТАТЕЛЯ

С трепетом и благоговением приступаю к чтению текстов, в которых отражена необычная и таинственная связь праведной жизни одного человека с бурной и драматичной историей моей страны, запечатлевшей в своих истоках образ нежный и тихий. Я припадаю к этому образу с надеждой прикоснуться к живому источнику учительской любви, с искренним желанием помудреть и не замутить чистого ключа истины своими рискованными «размышлениями на тему». То есть я понимаю, с каким масштабом личности свела меня судьба по инициативе главного редактора Антологии Гуманной Педагогики Д.Д.Зуева, и благодарю и его, и судьбу за оказанное мне доверие.

Тайна учительского подвига Сергия Радонежского тесно связана с тайной человеческой природы. Вот как он ее — человеческую природу — понимал, так и действовал, начиная с себя. И если на выходе его деятельности (XV в.) мы видим Святую Русь (так наши предки называли свою страну, одну четверть населения которой составляли святые, старцы и чудотворцы), то это означает только одно — Сергий верил в богоподобие человека, в духовную силу евангельских заповедей, он верил в то, что «10 праведников спасут город», как сказано в Библии. И он делал из людей праведников. Не все, конечно, становились чудотворцами, но все становились праведниками («проводниками»?), т.е. исповедующими ПРАВДУ — правду о духовном происхождении человека: от князя до последнего крестьянина. Главное, чтобы человек (особенно ребенок) вовремя узнал бы об этой правде и увидел ее реальность. Не где-то там, в истории, а рядом с собой. Тайна учительского подвига Сергия Радонежского заключена в мужестве БЫТЬ ПРИМЕРОМ ВО ВСЕМ. Недаром Христос называл своих учеников апостолов «солью земли» и «закваской истории».

Вот эту ниточку: учитель — ученик — история страны — я и попытаюсь протянуть из века XIV в век XX в качестве первого читателя. И да поддержит меня тот, к чьему живому образу я обращаюсь.

И.А.Бирич

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Св. Сергей родился более шестисот лет назад, умер более пятисот. Его спокойная, чистая и святая жизнь наполнила собой почти столетие. Входя в него скромным мальчиком Варфоломеем, он ушел одной из величайших слав России.

Как святой, Сергей одинаково велик для всякого. Подвиг его общечеловечен. Но для русского в нем есть как раз и нас волнующее: глубокое созвучие народу, великая типичность — сочетание в одном рассеянных черт русских.

Отсюда та особая любовь и поклонение ему в России, безмолвная канонизация в народного святого, что навряд ли выпала другому.

Сергий жил во времена татарщины. Лично его она не тронула: укрыли леса радонежские. Но он к татарщине не пребыл равнодушен. Отшельник, он спокойно, как все делал в жизни, поднял крест свой за Россию и благословил Димитрия Донского на ту битву, Куликовскую, которая для нас навсегда примет символический, таинственный оттенок. В поединке Руси с Ханом имя Сергия навсегда связано с делом созидания России.

Да, Сергей был не только созерцатель, но и деятель. Правое дело — вот как понимали его пять столетий. Все, кто бывали в Лавре, поклоняясь мощам преподобного, всегда ощущали образ величайшего благообразия, простоты, правды, святости, покоящейся здесь. Жизнь «бесталанна» без героя. Героический дух средневековья, породивший столько святости, дал здесь блистательное свое проявление...

Присмотримся же к его жизни.*

* Борис Зайцев. Преподобный Сергей Радонежский¹.

**Молитва ко Пресвятей Троице
От Преподобнаго отца нашего Сергия, игумена
Радонежскаго и всея России чудотворца²**

Безначальный, Присносущий и Всемогуший Господи, Боже Отче Вседержителю, Боже Сыне, Искупителю мира, Боже Душе Святой, Утешителю и Просветителю рода человека! Единый по существу, в Троице же Святых Ипостасей превышай, Истинный Боже, создавший человека по образу и по подобию Своему причастия ради благодати Твоея Божественныя и в население места на Невесах, из негоже изринувены выша сопротивлявшинися гордостию духове; славою Невесных дарований украсивый к честию овладання мира почтый его и падшаго не отринувый до конца, но по Твоим естественным щедротам благодати и милосердию взыскавый и на первое достоинство возведый.

Гам, Владыко Человеколюбче, и ныне яви Твое человеколюбие непреложное, покажи благоутробие неизменное, никогда же оскудеваемое. Удиви милость Твою непобедимую на избранном Твоем стаде, утверди милосердие Твое неизреченное на рабех Твоих, верою Тебе служащих. Сохрани Святыю Твою, Сокорною и Апостольскую Церковь во веки непозываему, яко да и врата ада не одолеют ей. Спаси люди Твоя Российския и благослови достояние Твое. Сохрани страну нашу на многа лета в благоденствии, утверди ю во век века до всемирнаго пременения. Спаси, Царю Невесный, и ныне вручил еси паству словеснаго стада Твоего, Великаго Господина и Отца нашего Святейшаго Патриарха (имя рек), Преосвященныя митрополиты, архиепископы и епископы, преподенныя архимандриты и игумены, и весь чин священнический, диаконский и иноческий, и весь причет церковный.

Снабдевай, Всемилоостивый Творче, святую обитель сию до кончины веков, яко виноград Свой [ему же мною, рабом Твоим, изволила еси насаждену быти].

Поддаждь, Всещедре Господи, властем единомыслие, благосоветие, всем крепость непобедимую, всем же общеправославным христианом здравие, мир и благолепие, вся нуждая в изобилании, изряднее же оставление согрешений и вся, яже сущь на пользу спасения. На землю же достояния Твоего низпосылай росу доверугодную, дождь благовременный, ветры здравыя, обилие земли обетованныя, да тако люди Твоя, имуще благочестие со довольством, благодарение Тебе, всяких благ Подателю, выну возсылают, славят же и воспевают всехвальное Имя Твое zde непрестанно, а пресельшеся во страну Невесную, на места обителей, Твоюю уготованных им, хвалят Тебе, Бога, в Троице Единого, и славят с Невесными Силами и со всеми от века Тебе угодившими в везконечныя веки веков. Аминь.

**ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО
И БОГОНОСНОГО ОТЦА НАШЕГО,
ИГУМЕНА СЕРГИЯ ЧУДОТВОРЦА.
НАПИСАНО ПРЕМУДРЕЙШИМ
ЕПИФАНИЕМ**

(Перевод на современный русский язык³.)

Слава Богу за все и за всяческие дела, за которые всегда прославляется Великое и Трисвятое Имя, Которое и вечно прославляемо! Слава Богу Вышнему, в Троице славимому, Который упование, свет и жизнь наша, в Которого мы веруем, ради Которого мы крестились, Им мы живем, и движемся, и существуем! Слава показавшему нам жизнь мужа святого и старца духовного! Ведь Господь знает, как прославлять славящих Его и благословлять благословляющих Его, и Он всегда прославляет Своих угодников, славящих Его жизнью чистой, и богоугодной, и добродетельной.

Благодарим Бога за великую Его благодать, сошедшую на нас, как сказал апостол: «Благодарность Богу за неизреченный Его дар!»⁴ Ныне же мы должны особенно благодарить Бога за то, что даровал Он нам такого старца святого, — говорю о господине преподобном Сергии — в земле нашей Русской, в стране нашей полуношной, в дни наши, в последние времена и годы. Гроб его находится у нас и перед нами, и, приходя к нему с верой всегда, великое утешение душам нашим мы получаем и большую пользу; воистину великий это нам от Бога дар дарован.

В Школа Сергия Радонежского начинается с ее основателя... Это имя всегда сопровождается набором определений, которые возносят своего носителя до небывалых нравственных высот. Сергий:

— *муж святой, подвижник (аскет, посвятивший себя Богу и ведущий наполненную духовными подвигами жизнь);*

— *преподобный (проявивший в себе образ и подобие Бога);*

— *Божий угодник, блаженный (владеющий*

Удивляюсь я тому, сколько лет минуло, а житие Сергия не написано. И охватила меня великая печаль, что с тех пор, как умер такой святой старец, чудесный и предобрый, уже двадцать шесть лет прошло, и никто не дерзнул написать о нем, — ни далекие ему люди, ни близкие, ни великие люди, ни простые: известные не хотели писать, а простые не смели. Через один или два года после смерти старца я, окаянный и дерзкий, дерзнул сделать это. Воздохнув к Богу и имя старца призвав в молитве, начал я подробно кое-что записывать о жизни старца, себе втайне говоря: «Я не возношусь ни перед кем, но для себя пишу, про запас, и на память, и для пользы». Были у

дарами Святого Духа, благодатью),

— чудотворец;

— старец (духовный наставник, прозорливец);

— игумен (глава церковной организации, пастор, священнослужитель);

— учитель, благодетель, просветитель (зачинатель духовной школы, имеющий учеников).

В истории православной церкви христианину достаточно было обладать несколькими и даже одним из перечисленных духовных талантов, или даров, чтобы его имя в потомках было достойно памяти и поклонения. Здесь же все эти дары принадлежат одному и говорят нам о разных гранях человека, безусловно, необычного, с точки зрения земных мерок. Но эта его ДУХОВНАЯ ПОЛНОТА реально проявилась в жизни так ярко, что память о преподобном все длится и длится в веках. Перед нами еще один факт ПРЕОБРАЖЕНИЯ человека, имеющий глобальные последствия. На горе Фавор преобразился Христос, и с этого момента история человечества изменила свой ход. На горе Маковец преобразился Сергей, и с этого момента изменила свой ход русская история.

Жизнь святого житие не написано будет, а знавшие и помнившие его умрут, то зачем такую полезную вещь оставлять в забвении и, как пучине, молчанию предать. Если не будет написано житие его, то как узнать не знавшим и не ведавшим его, каков он был, или откуда происходил, как родился, и как вырос, и как постригся, и как воздержанно существовал, и как он жил, и каков был конец жизни его. Если же будет написано житие, то, ус-

меня за двадцать лет приготовлены с записями свитки, в которых написаны были некоторые главы о жизни старца для памяти: кое-что в свитках, кое-что в тетрадах, хотя и не по порядку, начало в конце, а конец в начале.

Так я ждал в то время и в те годы, желая, чтобы кто-нибудь значительнее меня и разумнее меня написал, а я бы пошел поклониться ему, чтобы и меня он поучил и вразумил. Но, расспросив, я услышал и узнал точно, что никто нигде так и не собрался писать о нем; и когда я вспомню или услышу об этом, то думаю и размышляю: почему такая тихая, и чудесная, и добродетельная жизнь его оставалась не описанной столь долгое время? Пребывал я несколько лет как бы в безделье и в размышлении, погружаясь в недоумение, в печали скорбя, умом удивляясь, желанием обуреваем. И объяло меня страстное желание хотя бы как-то начать писать, пусть немного из многого, о жизни преподобного старца.

И нашел я неких старцев, премудрых в ответах, рассудительных и разумных, и расспросил я о Сергии, чтобы они успокоили мое желание, и спросил у них, следует ли мне писать. Они же в ответ сказали: «Насколько плохо и насколько не подобает о жизни нечестивых спрашивать, настолько не подобает жизнь святых мужей забывать, и не описывать, и молчанию предавать, и в забвении оставлять. Если мужа святого житие написано будет, то от этого будет польза большая вместе с утешением писателям, рассказчикам, слушателям; если же стар-

лышав о нем, кто-нибудь последует примеру жизни Сергия, и от этого пользу получит. Ведь пишет Великий Василий: «Будь подражателем праведно живущим, и их жизнь и деяния запечатлей в сердце своем». Видишь, как повелевает он жития святых писать — не только на пергамене, но и в сердце своем пользы ради, а не скрывать и не таить: ведь тайну цареву следует хранить, а дела Божьи проповедовать — дело доброе и полезное.

И поэтому пришлось мне допытываться и расспрашивать древних старцев, хорошо сведущих, поистине знающих жизнь его, как говорит Святое Писание: «Спроси отца твоего, и он возвестит тебе, и старцев твоих, и они скажут тебе». Все, что я услышал и узнал, — отцы сказали мне, кое-что от старцев слышал, и кое-что своими глазами видел, и кое-что из уст самого Сергия слышал, и кое-что узнал от человека, прислуживавшего ему немалое время и лившего воду на руки его, и кое-что еще слышал от брата его старшего Стефана, который был родным отцом Федора, архиепископа Ростовского; иные же вещи я узнал от других старцев древних, достоверных очевидцев рождения его, и воспитания, и обучения грамоте, возмужания его, и юности до самого пострижения его; а другие старцы были очевидцами и свидетелями правдивыми и пострижения его, и начала пустынножительства его, и поставления его на игуменство; а о других событиях у меня были другие повествователи и рассказчики.

Но на множество трудов старца и великих дел его взирая, я был как бы безгласен и безделен, находясь в недоумении от ужаса, не находя слов нужных, достойных деяний его. Как могу я, бедный, в нынешнее время все житие Сергия по порядку написать и о многих делах его и бесчисленных трудах его рассказать? Откуда начну, чтобы по достоинству обо всех деяниях его и подвигах рассказать слушателям? Или что подобает прежде всего вспомнить? Или какие слова нужны для похвалы ему? Где найду мудрость, нужную для этого рассказа? Как такую, трудно передаваемую, повесть расскажу, не знаю, — не будет ли это свыше моих сил? Как не может маленькая лодка удержать большой и тяжкий груз, так не может вынести наше бессилие и ум этого рассказа.

Хотя и свыше наших сил этот рассказ, но мы все же молимся Всемилостивому и Всесильному Богу и Пречистой Его Матери, чтобы Он вразумил и помиловал меня, грубого и неразумного, чтобы Он дал мне дар слова, который раскроет уста мои, — не ради меня, недостойного, но ради молитв святых старцев. И самого этого Сергия я призываю на помощь, и осеняющую его духовную благодать, чтобы он был мне помощником и поддержкой в рассказе, а также его стадо, призванное Богом, благое общество, собрание честных старцев. К ним я со смирением припадаю, и касаюсь их ног, и на молитву их призываю и побуждаю. Ведь очень в их молитвах я всегда нуждаюсь, особенно же сейчас, когда я начинаю это начинание и стремлюсь повесть эту рассказать.

И пусть никто не осуждает меня, дерзающего на это: я сам не имел бы возможности и сил начать писать, но любовь и молитва преподобного старца влечет и томит мои помыслы и принуждает рассказывать и писать.

Следует яснее сказать, что хотя бы я, недостойный, и мог писать, но мне все же следовало бы со страхом молчать и на уста свои перст наложить, зная свою немощь, а не произносить устами слова, какие не подобает, и не следовало бы дерзать на дело, которое выше сил моих. Но все же печаль отягощает меня, и жалость охватила меня: жизнь такого великого старца святого, знаменитого и прославленного, всюду известна — и в дальних странах, и в городах об этом муже, известном и славном, все рассказывают — и за столько лет житие его не было составлено и написано. Я думал это молчанию предать, как будто в пучину забвения погрузить. Если не будет написано житие старца и оставлено без воспоминания, то не повредит это святому тому старцу, если не останется у нас воспоминаний и писаний о нем: ведь тем, имена которых на небесах Богом написаны, нет надобности в писаниях и воспоминаниях людских. Но мы сами тогда пользы не получим, пренебрегши таким полезным делом. И поэтому, все собрав, начинаем писать, чтобы и остальные монахи, которые не видели старца, прочли этот рассказ и последовали добродетели старца и поверили в его жизнь; ведь сказано: «Блаженны не видевшие и уверовавшие». Более других одна печаль сокрушает меня и обуревает меня: если я не напишу и никто другой не напишет житие, то боюсь быть осужденным согласно притче о рабе ленивом, скрывшем талант и обленившемся⁶. Ведь добродетельный старец Сергей, чудесный страстотерпец, без лени всегда в подвигах добрых пребывал и никогда не ленился; мы же не только не стремимся к подвигам, но даже об известных чужих трудах, которыми славна жизнь Сергия, ленимся сообщить в повести, рассказать об этом слушателям.

Теперь же, если Бог поможет, хочу уже приступить к рассказу, начиная от рождения Сергия, и поведать о его младенчестве, и детстве, и юности, и об иноческой жизни его, и об игуменстве, и до самой кончины его, чтобы не забыты были великие деяния его, чтобы не забыта была жизнь его, чистая, и тихая, и богоугодная. Но сомневаюсь, боюсь приступить к написанию повести, не смею и недоумеваю, как начать писать, ведь свыше сил моих дело это, ведь я немощен, и груб, и неразумен.

Но, однако, надеюсь на милосердного Бога и на молитву угодника Его, преподобного старца, и у Бога прошу милости, и благодати, и дара слова, и разума, и памяти. И если Бог даст мне это, и вразумит меня, и научит меня, Своего раба недостойного, то не отчаиваюсь я получить милость Его благуя и благодать Его сладостную. Ведь Он может творить все, что хочет, может даровать слепым прозрение, хромым исцеление, глухим слух, немым речь. Так и мое помрачение ума Он может просветить, и мое не-

разумие поправить, и мое неумение умением сделать во имя Господа нашего Иисуса Христа, сказавшего: «Без Меня вы не можете ничего сделать, ищите и найдете, просите и получите». Господа Бога, Спаса и помощника на помощь призываю: Он есть Бог наш, великодатель, подающий благо, дарователь богатых даров, наставник в премудрости и дающий разум, неученых учитель, учащий людей разуму, дающий умение неумеющим, дающий молитву молящемуся, дающий просящему мудрость и разум, дающий всякое дарование благое, дающий дар на пользу просящим, дающий незлобивым хитрость, и отроку юному чувство и ум, проповедание же слов Его просвещает и разум дает младенцам.

Здесь кончаю предисловие, Бога вспомнив и на помощь призвав Его: хорошо с Богом начать дело, и с Богом кончить его, и с Божьими рабами беседовать, и о Божьем угоднике повесть писать. Начнем уже самое главное, возьмемся за повествование, чтобы приступить к началу рассказа; и вот уже о жизни старца с Божьей помощью начинаем писать так.

НАЧАЛО ЖИТИЯ СЕРГИЯ. БЛАГОСЛОВИ, ОТЕЦ!

Преподобный отец наш Сергей родился от родителей благородных и благоверных: от отца, которого звали Кириллом, и матери, по имени Мария, которые были Божьи угодники, праведные перед Богом и перед людьми, и всякими добродетелями полны и украшены, что Бог любит. Не допустил Бог, чтобы такой младенец, который должен был воссиять, родился от неправедных родителей. Но сначала создал Бог и предуготовил таких праведных родителей его и потом от них произвел Своего угодника. О достохвальная чета! О добрейшие супруги, бывшие такому младенцу родителями! Сначала подобает почтить и похвалить родителей его, и это неким добавлением будет к похвалам и почестям ему. Ведь нужно было, чтобы

NB *Дети добрые и здоровые рождаются на счастье родителям, когда в тех соединяются доброе с добрым и лучшее с лучшим. Так, у Марии (евр. «превосходная») и Кирилла (греч. «малый господин») родился Варфоломей (евр. «сын радости»). А радость та связана, согласно семантике имени, с первой бороздой. Какую же громадную целину предстояло распашать отроку Варфоломею!*

дарован был Сергей Богом многим людям для блага, для спасения и для пользы, и поэтому не пристало такому младенцу от неправедных родиться родителям, и другим, то есть неправедным родителям, не пристало бы родить это дитя. Только тем избранным родителям Бог его даровал, что и случилось: соединилось добро с добром и лучшее с лучшим.

И свершилось некое чудо до рождения его: случилось нечто такое, что нельзя молчанию предать. Когда ребенок еще был в утробе матери, однажды — дело было в воскресенье — мать его вошла в церковь, как обычно, во

время пения Святой Литургии⁷. И стояла она с другими женщинами в притворе, а когда должны были приступить к чтению святого Евангелия и все люди стояли молча, тогда внезапно младенец начал кричать в утробе матери, так что многие ужаснулись от этого крика, преславного чуда, совершившегося с этим младенцем. И вот снова, перед тем как начали петь Херувимскую песнь, то есть «Иже Херувимы», внезапно младенец начал вторично громко кричать в утробе, громче, чем в первый раз, так что по всей церкви разнесся голос его, так что и сама мать его в ужасе стояла, и женщины, бывшие там, недоумевали про себя и говорили: «Что же будет с этим младенцем?» Когда же иерей возгласил: «Вонмем, святая святым!» — младенец снова, в третий раз, громко закричал.

Мать же его чуть на землю не упала от сильного страха и, ужаснувшись, в великом трепете, начала тихо плакать. Остальные же благоверные женщины подошли к ней, стали спрашивать ее, говоря: «Что это — не ребенок ли у тебя за пазухой в пеленках, а мы его детский крик слышали, раздававшийся по всей церкви?» Она же в растерянности из-за обильных слез не могла ничего им сказать, но только ответила: «Ищите, — сказала она, — в другом месте, а у меня нет ребенка». Они же допытывались, спрашивая друг друга, и поискали, и не нашли. Снова они обратились к ней, говоря: «Мы по всей церкви искали и не нашли младенца. Кто же тот младенец, который кричал?» Мать же его, не в силах утаить того, что произошло и о чем они спрашивали, ответила им: «Младенца за пазухой у меня нет, как вы думаете, но в утробе у меня ребенок, еще не родившийся. Он и кричал». Женщины же сказали ей: «Как может быть дарован голос до рождения младенцу, еще находящемуся в утробе?» Она же ответила: «Я тому и сама удивляюсь, вся объята страхом, трепещу, не понимая случившегося».

И женщины, вздыхая и бия себя в грудь, возвращались каждая на свое место, так говоря про себя: «Что же это будет за ребенок? Да будет с ним воля Господня». Мужчины же в церкви, все это слышавшие и видевшие, в ужасе стояли молча, пока иерей совершил Святую Литургию, снял ризы свои и отпустил людей. И разошлись все восвояси; и страшно было всем, слышавшим это.

Мария же, мать его, с того дня, когда было это знамение и происшествие, с тех пор пребывала благополучно до родов и носила младенца в утробе как некое бесценное сокровище, и как драгоценный камень, и как чудесный жемчуг, и как сосуд избранный. И когда в себе ребенка носила и была им беременна, тогда она себя блюла от всякой скверны и от всякой нечистоты, постом ограждала себя, и всякой пищи скоромной избегала, и мяса, и молока, и рыбы не ела, лишь хлебом, и овощами, и водой питалась. От пьянства совершенно воздерживалась, а вместо различных напитков одну только воду, и ту понемногу, пила. Часто

же втайне наедине вздыхая, со слезами молилась Богу, так говоря: «Господи! Спаси меня, соблюди меня, убогую рабу Твою, и младенца этого, которого ношу я в утробе моей, спаси и сохрани! Ты, Господи, охраняющий младенца, — да будет воля Твоя, Господи! И да будет Имя Твое благословенно во веки веков! Аминь!»

И делая так, жила она до самого рождения ребенка, усердно постилась и молилась, так что само зачатие и рождение ребенка произошли во время поста и молитв. Была она добродетельна и весьма богобоязненна, так как уже до рождения ребенка, поняла и уразумела такое знамение и явление, достойное удивления. И советовалась она с мужем своим, говоря так: «Если родится у нас мальчик, дадим обет принести его в церковь и отдать его благодетелю всех Богу», что и сбылось. О вера славная! О любовь благая! Еще до рождения ребенка обещали родители привести его и отдать дарователю благ Богу, как в древности сделала Анна-пророчица, мать Самуила-пророка.

В *Здесь будущим мамам дан точный рецепт питания для того, чтобы родить ребенка в радости, а не в боли и с родовыми травмами. Проверила на себе.*

Когда настал срок родов, родила она своего младенца весьма радостно, рождение его встретив; родители позвали к себе родных, и друзей, и соседей и предались веселью, славя и благодаря Бога, давшего им такое дитя. После рождения его, когда в пеленки был завернут младенец, нужно было к груди его приносить. Но когда случилось, что его мать ела некую мясную пищу, которой она насыщала и наполняла свою плоть, тогда младенец никак не хотел грудь брать. И это случалось не один раз, но иногда день, иногда два дня ребенок не ел. Поэтому страх вместе со скорбью овладевал родившей младенца и родственниками ее. И с трудом они поняли, что не хочет младенец пить молоко, когда мясом питается кормящая его, но согласен пить, только если она не будет разрезаться от поста. И с той поры мать воздерживалась и постилась, и с тех пор младенец стал всегда, как должно, кормиться.

И пришел день исполнения обета его матери: после шести недель, то есть когда наступил сороковой день после рождения его, родители принесли ребенка в церковь Божию, отдавая то, что получили от Бога, поскольку они обещали отдать ребенка Богу, даровавшему его; к тому же иерей повелевал, чтобы ребенок получил крещение Божественное. Иерей же, приготовив ребенка к Таинству и много молитв сотворив над ним, с радостью духовной и старанием окрестил его во имя Отца, и Сына, и Святого Духа — именем Варфоломей в Святом Крещении назвав его. Он вынул ребенка, принявшего обильно благодать Святого Духа, из купели, и почувствовал иерей, осененный Духом Божественным, понял, что сосудом избранным будет этот младенец.

Отец его и мать хорошо знали Святое Писание, и рассказали они иерею, как их сын, еще находившийся в утробе матери, в

церкви три раза прокричал: «Не знаем мы, что означает это». Иерей же, по имени Михаил, разбирающийся в книгах, поведал им из Божественного Писания, из обоих Заветов, Ветхого и Нового, и сказал так: «Давид в Псалтири сказал, что: «Зародыш мой видели очи твои»; и Сам Господь, святыми Своими устами ученикам Своим сказал: «Потому что вы с самого начала со Мною». Там, в Ветхом Завете, Иеремия-пророк в чреве матери освятился, а здесь, в Новом Завете, Павел-апостол восклицает: «Бог, Отец Господа нашего Иисуса Христа, воззвавший меня из чрева матери, чтобы открыть Сына Своего во мне, чтобы я благовествовал Его в странах». И много других вещей поведал иерей родителям из Святого Писания. О младенце же сказал родителям: «Не скорбите о нем, но, напротив, радуйтесь и веселитесь, ибо будет ребенок сосуд избранный Бога, обитель и слуга Святой Троицы»; что и сбылось. И вот, благословив дитя и родителей его, он отпустил их домой.

Потом, через некоторое время, по прошествии немногих дней, другое некое знамение чудодейственное было младенцу, нечто странное и невиданное: в среду и в пятницу он не брал грудь и не пил молока коровьего, но воздерживался и не сосал грудь, и так без еды оставался в течение всего дня. А кроме среды и пятницы, в прочие дни как обычно питался, по средам же и пятницам оставался голодным младенец. Так было не один раз, не дважды, но много раз повторялось это, то есть в каждую среду и пятницу. Поэтому некоторые думали, что ребенок болен; и об этом мать его с прискорбием сетовала. И с другими женщинами, с иными кормящими матерями, она думала об этом, считая, что от какой-нибудь болезни происходило это с младенцем. Но, однако, осматривая младенца со всех сторон, они видели, что он не болен, что на нем нет явных или скрытых признаков болезни: не плакал, не стонал, не был печален. Но и лицом, и сердцем, и глазами младенец был весел и всячески радовался, и руками играл. Тогда все увидели и поняли, и уразумели, что не из-за болезни по пятницам и средам младенец молока не пил, но это проявлялось некое знамение того, что благодать Божья была на нем. Это был образ будущего воздержания, того, что когда-нибудь в грядущие времена и годы младенец прославится постнической жизнью, что и сбылось.

В другой раз мать его привела к нему некую женщину-кормилицу, у которой было молоко, чтобы она его накормила. Младенец же никак не хотел от чужой матери питаться, но только от своей родительницы. И когда это увидели, приходили к нему и другие женщины, такие же кормилицы, и с ними было то же самое, что и с первой. Так он питался только молоком своей матери, пока не был выкормлен. Некоторые думают, что и это было знамение, означающее, что от благого корня благая ветвь неоскверненным молоком должна быть вскормлена.

Нам же думается так: этот ребенок с детства был почитатель Господа, еще в самой утробе материнской и после рождения он к набожности был склонен, и от самых пеленок Господа познал, и поистине уразумел; будучи еще в пеленках и в колыбели, к посту привыкал; и, материнским молоком питаясь, вместе с вкушением этого молока воздержанию учился; и, будучи возрастом

ВБ *Благочестие во время кормления ребенка означает добрые чувства, чистые помыслы и возвышенные образы, сопровождающие его. Такое питание уже становится ВОСПИТАНИЕМ...*

младенец, не как младенец поститься начинал; и младенцем воспитан был в чистоте; и более благочестием, чем молоком, вскормлен был; и до своего рождения он избран был Богом, и было предсказано его будущее, когда, находясь в утробе матери, трижды он в церкви прокричал, что удивляет всех, кто слышит об этом.

Но более подобает удивляться тому, что младенец в утробе не прокричал вне церкви, без народа, или в другом месте, втайне, наедине, — но именно при народе, чтобы много было слушателей и свидетелей этому истинному событию. И удивительно также, что не тихо он прокричал, но на всю церковь, чтобы по всей земле прошел слух о нем; удивительно, что не прокричал он, когда мать его или на пиру была, или ночью спала, но когда она была в церкви, во время молитвы — да будет родившийся усердно молиться Богу. Удивительно, что прокричал он не в каком-нибудь доме или в каком-нибудь нечистом и неизвестном месте, но, напротив, в церкви, стоящей на месте чистом, святом, где и подобает Литургию Господню совершить, — это означает, что ребенок будет в страхе Божьем совершенным святым у Господа.

Также следует удивляться, что он прокричал не один раз или дважды, но и в третий раз, чтобы ясно было, что он ученик Святой Троицы, так как число три больше всех иных чисел почитается. Везде ведь число три является началом блага и поводом для троекратного возвещения, и я вот что скажу: трижды Господь к Самуилу-пророку воззвал; тремя камнями из пращи Давид Голиафа поразил; трижды повелел лить воду Илья на поленья, сказав: «Сделайте это трижды», — и три раза так сделали; трижды также Илья дул на отрока и воскресил его; три дня и три ночи Иона-пророк внутри кита находился; три отрока в Вавилоне печь огненную погасили; трижды было повторено Исае-пророку, видевшему Серафимов своими глазами, когда он на небе слышал пение ангелов, восклицающих трижды Святое Имя: «Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф!» В возрасте трех лет введена была в церковь, в Святая Святых, Пречистая Дева Мария, в тридцать же лет Христос был крещен Иоанном в Иордане, трех учеников Христос поставил на Фаворе и преобразился перед ними; через три дня Христос из мертвых воскрес, трижды Христос после воскресения спросил: «Петр, любишь ли ты Меня?» Что же я гово-

рю о числе три и не вспомню о более величественном и страшном, о Троиедином Божестве, Трех Святынях, Трех Образах, Трех Ипостасях, о Трех Лиц Едино Божество Пресвятой Троицы: и Отец, и Сын, и Святой Дух; почему не вспомню Трийипостасное Божество, у Которого единая сила, единая власть, единое господство? Следовало этому младенцу трижды прокричать, находясь в утробе матери, до рождения, указывая этим, что будет ребенок неким учеником Троицы, что и сбылось, и многих приведет к разумению и к познанию Бога, уча словесных овец веровать в Святую Троицу Единосущную, в Единое Божество.

Не указание ли это явное, что с ребенком в будущем произойдут удивительные и необычные вещи! Не знамение ли это верное, чтобы ясно было, что младенцем этим свершатся дела чудесные впоследствии! Подобаает видевшим и слышавшим первые знамения верить последующим событиям. Так, еще до рождения святого Бог отметил его: ведь было не простое, не пустое это, достойное удивления, первое знамение, но началом было пути будущего. Об этом мы постарались сообщить, потому что об удивительного человека удивительной жизни рассказывается.

Следует здесь вспомнить и древних святых, которые в Ветхом и Новом Завете воссияли; ведь многих святых зачатие и рождение откровением Божественным как-то было отмечено. Ведь мы не от себя говорим это, но из Святых Писаний берем слова и с нашим рассказом мысленно сравниваем другой рассказ: ведь и Иеремию-пророка Бог во чреве матери освятил, и до рождения его предвидя все, что будет Иеремию вместилищем Святого Духа, предвидящий Бог наполнил его благодатью с юных лет. Исаия же пророк сказал: «Говорит Господь, призвавший меня из утробы и из чрева матери избрав меня. Он назвал мое имя». Святой же великий пророк Иоанн Предтеча еще в утробе матери познал Господа, носимого в чреве Пречистой Приснодевы Марии; и сыграл младенец радостно во чреве матери своей Елизаветы, и ее устами пророчествовал. И воскликнула она тогда, говоря: «Откуда это мне, что пришла мать Господа моего ко мне?» Что же касается святого и славного пророка Ильи Фезвитянина, то, когда родила его мать, видели родители его видение, — как мужи прекрасные и светлые лицами называли имя ребенка, и в огненные пелены заворачивали его, и пламя огня давали ему есть. Отец же его, отправившись в Иерусалим, сообщил об этом архиереям. А они сказали ему: «Не бойся, человек! Ибо жизнь ребенка будет, как свет, и слово, как суд, и он будет судить Израиль оружием и огнем», что и сбылось.

А святой Николай Чудотворец, когда начали омыwać его после рождения, внезапно встал на ноги свои и стоял так в ночвах⁸ полтора часа. А о святом преподобном отце нашем Ефреме Сирине рассказывается, что, когда родился младенец, родители его видение видели: виноградник на языке его был посажен и вырос, и наполнил всю землю, и приходили птицы небесные, и клевали

плоды виноградные: виноградник означал разум, который будет дан святому. А о преподобном Алимпии Столпнике известно, что перед рождением ребенка мать его видела такой сон, — как будто она носила на руках красивого ягненка, у которого на рогах были свечи. И тогда она поняла, что у нее должен родиться мальчик и будет он добродетельным; что и сбылось. И святой отец наш преподобный Симеон Столпник, на Дивной горе чудотворец, был зачат, как обещал Предтеча, — ведь Креститель матери его возвестил об этом. И когда ребенок родился и его кормили грудью, он не брал левый сосок. Бог показал этим, что правый путь следования заповеди Господа возлюбит младенец. Когда святой Феодор Сикеот Чудотворец был еще в утробе матери, мать его видение видела: звезда с неба сошла и упала ей на чрево. Эта звезда указывала на всякие добродетели младенца. Написано в житии Великого Евфимия, что до рождения его, в одну из ночей, когда родители его молились ночью в одиночестве, некое Божественное видение явилось им, говоря: «Радуйтесь и утешитесь! Ведь даровал вам Бог ребенка радости одноименного, и рождением его радость даровал Бог своим церквям». И еще в житии Феодора Едесского написано, что родители его, Симеон и Мария, в молитве просили себе сына. Однажды, в первую субботу Великого Поста⁹, когда они молились в церкви, прекрасное некое видение было им, каждому из них в отдельности: казалось им, что они видят великого мученика Феодора Тирона, стоявшего вместе с апостолом Павлом и говорившего: «Воистину дар Божий будет ребенок, который родится, по имени Феодор»; что и сбылось. Написано в житии святого отца нашего Петра митрополита, нового чудотворца на Руси, что было такое знамение. До рождения его, когда он еще был в утробе матери, однажды ночью, на рассвете в воскресный день, видела такое видение его мать: казалось ей, что держит она ягненка на руках своих, а между рогов его растет дерево с прекрасными листьями, и многими цветами и плодами покрыто оно, и посреди ветвей его многие горят свечи. Пробудившись, недоумевала его мать, что это, на что указывает и что означает это видение. Хотя видения своего она и не поняла, но последующие события, удивления достойные, показали, какими дарами угодника своего Бог наградил.

Зачем еще говорить и длинными речами слушателей слух утомлять? Ведь излишество и пространность в рассказе — враг слуха, как избыточная пища — враг тела. Пусть никто не осуждает меня за грубость, за то, что я удлинил рассказ: когда вспоминаются случаи из житий других святых и в подтверждение приводятся свидетельства, и делаются сравнения, тогда разъясняются в нашей повести удивительного мужа удивительные дела. Удивительно ведь слышать, что в утробе матери он начал кричать. Удивительно также в пеленках поведение этого младенца — это, думается, доброе знамение было. Так и следовало с чудесным знамением родиться такому ребенку, чтобы поняли другие люди,

что у такого удивительного человека удивительно и зачатие, и рождение, и воспитание. Такую благодать Господь даровал ему, больше, чем другим младенцам новорожденным, и такими знамениями проявилось премудрое Божье промышление о нем.

Хочу также сказать о времени и годе, когда преподобный родился: в годы правления благочестивого, славного и державного царя Андроника, самодержца греческого, который царствовал в Царьграде, при архиепископе Константинополя Каллисте, патриархе вселенском; родился он в земле Русской, в годы княжения великого князя тверского Димитрия Михайловича¹⁰, при архиепископе преосвященном Петре, митрополите всея Руси, когда приходило войско Ахмыла.

Младенец же, о котором идет речь, о котором начинается рассказ, после крещения через несколько месяцев был вскормлен по закону природы, и от груди матери его отняли, и развернули из пеленок, и из колыбели вынули. Рос ребенок в следующие годы, как и полагается в этом возрасте, мужали его душа, и тело, и дух, наполнялся он разумом и Страхом Божиим, и милость Божья была с ним; так он жил до семи лет, когда родители его отдали учиться грамоте.

У раба Божьего Кирилла, о котором шла речь, было три сына: первый Стефан, второй — этот Варфоломей, третий Петр; их воспитал он со всякими наставлениями в благочестии и чистоте. Стефан и Петр быстро изучили грамоту, Варфоломей же не быстро учился читать, но как-то медленно и не прилежно. Учитель с большим старанием учил Варфоломея, но отрок не слушал его и не мог научиться, не похож он был на товарищей, учащихся с ним. За это часто бранили его родители, учитель же еще строже наказывал, а товарищи укоряли. Отрок втайне часто со слезами молился Богу, говоря: «Господи! Дай мне выучить грамоту эту, научи Ты меня и вразуми меня».

О ТОМ, КАК ОТ БОГА БЫЛО ДАНО ЕМУ УРАЗУМЕТЬ ГРАМОТУ, А НЕ ОТ ЛЮДЕЙ

Поэтому сильно печалились родители его; а тщетности усилий своих весьма огорчался учитель. Все печалились, не ведая высшего предначертания Божественного промысла, не зная, что хочет Бог сотворить с этим отроком, что не оставит Господь преподобного Своего. Так по усмотрению Бога нужно было, чтобы от Бога книжное учение он получил, а не от людей; что и сбылось. Скажем же и о том, как, благодаря Божественному откровению, научился он грамоте.

Однажды отец послал его искать лошадей. Так все было по предначертанию Всемудрого Бога, как Первая книга Царств говорит о Сауле, который послан был отцом своим Кисом искать осла; Саул пошел и увидел святого пророка Самуила, которым был помазан на царство, и важнее обычных дел дело нашел. Так

и блаженный отрок важнее дел обычных дело нашел; когда он послан был отцом своим Кириллом искать скот, он увидел некое черноризца, старца святого, удивительного и неизвестного, саном пресвитера, благообразного и подобного ангелу, на поле под дубом стоящего и прилежно со слезами молящегося. Отрок же, увидев его, сначала смиренно поклонился ему, затем приблизился и стал около него, ожидая, когда тот кончит молитву.

И когда кончил молиться старец и посмотрел на отрока, увидел он духовным взором, что будет отрок сосудом избранным Святого Духа. Он обратился к Варфоломею, подозвал его к себе, и благословил его, и поцеловал его во имя Христа, и спросил его: «Что ищешь и чего хочешь, чадо?» Отрок же сказал: «Душа моя желает более всего знать грамоту, для чего я отдан был учиться. Ныне скорбит душа моя, так как учусь я грамоте, но не могу ее одолеть. Ты же, святой отче, помолись за меня Богу, чтобы смог я научиться грамоте».

Старец же, подняв руки и очи к Нему и воздохнув к Богу, помолился прилежно и после молитвы сказал: «Аминь». И, взяв из мощны своей как некое сокровище, он подал ему, гремя пальцами, нечто похожее на анафору, с виду маленький кусок белого хлеба пшеничного, кусок святой просфоры¹¹, и сказал ему: «Отвори уста свои, чадо, и открой их. Возьми это и съешь, — это тебе дается знамение благодати Божьей и понимания Святого Писания. Хотя и малым кажется то, что я даю, но велика сладость вкушения этого». Отрок же открыл уста и съел то, что ему было дано; и была сладость во рту его, как от меда сладкого. И сказал он: «Не об этом ли сказано: «Как сладки гортани моей слова Твои! Лучше меда устам моим»; и душа моя возлюбила это». И ответил ему старец: «Если будешь верить, и больше этого увидишь. А о грамоте, чадо, не скорби: да будет известно тебе, что с сего дня дарует тебе Господь хорошее знание грамоты, знание большее, чем у братьев твоих и чем у сверстников твоих». И поучил его на пользу души.

NB *Как жаждет сердце ребенка чуда и как готово оно поверить и принять его! И значит, преобразиться. По идее, каждый педагог обязан быть ЧУДОВТВОРЦЕМ ДЕТСКОЙ ДУШИ.*

Отрок же поклонился старцу, и, как земля плодотворная и плодоносная, семена принявшая в сердце свое, стоял он, радуясь душой и сердцем, что встретил такого святого старца. Старец хотел пойти своей дорогой; отрок же упал на землю лицом перед ногами старца и со слезами его молил, чтобы поселился старец в доме родителей его, говоря так: «Родители мои очень

любят таких, как ты, отче». Старец же, удивившись вере его, поспешил войти в дом родителей его.

Они же, увидев старца, вышли ему навстречу и поклонились ему. Благословил их старец; они же собирали еду, чтобы накормить его. Но старец не сразу пищи отведал, но сначала вошел в

молитвенный храм, то есть в часовню, взяв с собой освященного в утробе отрока. И начал «Часы» петь¹², а отроку велел псалом читать. Отрок же сказал: «Я не умею этого, отче». Старец же ответил: «Сказал я тебе, что с сего дня дарует тебе Господь знание грамоты. Произноси Слово Божье без сомнения». И случилось тогда нечто удивительное: отрок, получив благословение от старца, начал петь псалмы очень хорошо и стройно; и с того часа он хорошо знал грамоту. И сбылось пророчество премудрого пророка Иеремии, говорящего: «Так говорит Господь: Все я дал слова Мои в уста твои». Родители же отрока и братья его, увидев это и услышав, удивились неожиданному его разуму и мудрости и прославили Бога, давшего ему такую благодать.

Когда они со старцем вышли из часовни, те поставили перед ним пищу. Старец отведал пищи, благословил родителей и хотел уйти. Родители же умоляли старца, спрашивая его и говоря: «Отче, господин! Подожди еще, чтобы мы могли расспросить тебя, и ты бы успокоил и утешил скудоумие наше и печаль нашу. Вот смиренный отрок наш, которого ты благословляешь и хвалишь, которому предсказываешь ты многие блага. Но он удивляет нас, и печаль о нем весьма огорчает нас, потому что случилось с ним нечто страшное, удивительное и непонятное — вот что: когда он был в утробе матери, незадолго до рождения его, когда мать была в церкви, трижды прокричал он в утробе, при народе, в то время, когда Святую пели Литургию. Нигде в другом месте такое не слышано, не видано; и мы этого боимся, не понимая, чем кончится это или что случится в будущем?»

Старец же святой, уразумев и поняв духом будущее, сказал им: «О блаженная чета! О прекрасные супруги, ставшие родителями такого ребенка! Зачем вы устрашили страхом там, где нет страха. Напротив, радуйтесь и веселитесь, что смогли такого ребенка родить, которого Бог избрал до рождения его, которого Бог отметил еще в утробе материнской. Вот последнее слово я скажу и потом умолкну: будет вам знамением истинности моих слов то, что после моего ухода вы увидите — отрок хорошо знает всю грамоту и все святые книги понимает. А вот второе мое знамение вам и предсказание — будет отрок славен перед Богом и людьми из-за своей добродетельной жизни». И, сказав это, старец ушел, промолвив им такие непонятные слова: «Сын ваш будет обителем Святой Троицы и многих приведет вслед за собой к пониманию Божественных заповедей». Так сказав, старец ушел от них. Родители же провожали его до ворот; он же внезапно стал невидимым.

Они же, недоумевая, решили, что это Ангел послан был даровать отроку знание грамоты. Отец и мать, приняв от старца благословение и слова его сохранив в сердцах своих, возвратились в дом свой. После ухода этого

NB Почему это у духовных людей никогда не бывает проблемы «отцов и детей»? И родителей своих они всю жизнь почитают, и о развитии соб-

ственным заботятся, приобщая тех к своим заботам. Действительно, благоговение к Богу начинается с благоговения к родителям. И наоборот. Атеизм там свивает себе гнездо, где нет чувства благодарности и возвышенной любви. И как следствие, нет любви ни к родителям, ни к детям как Божьему дару.

старца отрок внезапно всю грамоту постиг, изменился странным образом: какую книгу ни раскроет, хорошо ее читает и понимает ее. Достоин был даров духовных добрый сей отрок, который от самых пеленок Бога познал, и Бога возлюбил, и Богом спасен был. Он жил, во всем повинуваясь своим родителям: старался повеления их исполнять и ни в чем не ослушаться их, как и Святое Писание говорит: «Чти отца своего и мать и будешь долголетен на земле».

О ЮНЫХ ГОДАХ

И еще об одном деянии этого блаженного отрока скажем, как он, молодой, проявил разум, достойный старца. Через несколько лет он стал поститься строгим постом и от всего воздерживался, в среду и в пятницу ничего не ел, а в прочие дни хлебом питался и водой; по ночам часто бодрствовал и молился. Так вселилась в него благодать Святого Духа.

Мать же его своими материнскими словами увещевала, говоря: «Чадо! Не погуби свою плоть излишним воздержанием, как бы тебе не заболеть, — ведь ты еще мал, тело твоё растёт и расцветает. Ведь никто такой молодой, в таком юном возрасте, как ты, столь жестокого поста не соблюдает; никто из братьев твоих и сверстников твоих так строго не воздерживается от еды, как ты. Ведь есть и такие, которые и все семь дней в неделю едят, с утра пораньше начинают и поздно ночью кончают есть, пьют без меры. Ты же иногда один раз днем поешь, иногда ни одного раза, но через день питаешься. Прекрати, чадо, такое длительное воздержание, ты не достиг еще зрелости, не настало еще для этого время. Все ведь хорошо, но в свое время». Прекрасный отрок отвечал ей, одновременно умолая ее и говоря так: «Не уговаривай меня, мать моя, чтобы не пришлось мне невольно ослушаться тебя, разреши мне делать так, как я делаю. Не вы ли говорили мне, что «когда был ты в пеленках и в колыбели, тогда, — говорили вы, — каждую среду и пятницу ты молока не ел». И это слыша, как я могу в меру своих сил не стремиться к Богу, чтобы Он избавил меня от грехов моих?»

На это ответила ему мать, говоря так: «И двенадцати лет нет еще тебе, а о грехах говоришь. Какие же у тебя грехи? Мы не видим знамений грехов твоих, но видели знамение благодати и благочестия твоего, благуя участь избрал ты, и не будет отнята она у тебя». Отрок же отвечал: «Перестань, мать моя, что ты говоришь? Это ты говоришь, как мать, любящая свое чадо, как мать, радующаяся за своих детей, движимая естественной любовью. Но по-

слушай, что говорит Святое Писание: «Никто да не похвалится из людей; никто не чист перед Богом, если и один день жить будет; никто не без греха, только один Бог без греха». Не слышала ли ты, что Божественный Давид, я думаю, о нашем убожестве говорил: «Вот я в беззаконии зачат, и в грехах родила меня мать моя».

Сказав так, он больше прежнего придерживался своего правильного пути, и Бог помогал ему в его благом намерении. Этот прекрасный и замечательный отрок еще некоторое время жил в доме родителей своих, мужая и укрепляясь в Страхе Божьем: к детям играющим он не ходил и с ними не играл; бездельникам и суетным людям не внимал; со сквернословями и насмешниками он совсем не общался. Он только лишь упражнялся в славословии Бога и тем наслаждался, в церкви Божьей он прилежно стоял, на заутреню и на Литургию, и на вечерню всегда ходил и часто читал святые книги.

И всячески всегда он изнурял тело свое, и иссушал плоть свою, и чистоту душевную и телесную без осквернения соблюдал, и часто он в тайном месте один со слезами молился Богу, говоря: «Господи! Если все так, как сказали мне родители мои, что до рождения моего Твоя благодать и Твое избрание и знамение осенили меня, убогого, да будет воля Твоя, Господи! Да будет, Господи, милость Твоя на мне! Дай мне милость Твою, Господи! С детства всем сердцем и всей душой моей от утробы матери к Тебе я привержен, от рождения, от груди матери моей — Ты Бог мой. Когда я был в утробе матери, благодать Твоя посетила меня, и сейчас не оставляй меня, Господи, как отец мой и мать моя оставляют меня. Ты же, Господи, прими меня и приблизь меня к Себе, и причисли меня к избранному Твоему стаду, ведь на Тебя оставлен я, нищий. С детства избавь меня, Господи, от всякого зла и от всякого осквернения телесного и душевного. И совершать святые дела в Страхе Твоем помоги мне, Господи. Пусть сердце мое возвысится к Тебе, Господи, и все прелести этого мира пусть не услаждают меня, всякая красота житейская пусть не волнует меня. Но пусть прирастет душа моя к Тебе, и пусть примет меня десница Твоя. Пускай я не ослабну, услажденный мирскими красотою, пусть я не буду нисколько радоваться радостью мира сего. Но исполни меня, Господи, радости духовной, радости несказанной, счастья Божественного, а дух Твой благой пусть наставит меня на путь истинный». Старцы и прочие люди, видя такую жизнь юноши, удивлялись, говоря: «Кем будет юноша этот, которого уже с детства одарил Бог столь великой добродетелью?»

До этого места было рассказано обо всем, что случилось, когда жил Кирилл в деревне в той области, которая находится в пределах Ростовского княжества, не очень близко от города Ростова. Следует теперь рассказать и о случившемся переселении: ведь переселился Кирилл из Ростова в Радонеж¹³. О том, как и почему он переселился, я мог бы многое рассказать, но мне, однако, нужно об этом написать.

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ РОДИТЕЛЕЙ СВЯТОГО

Этот ранее названный раб Божий Кирилл прежде обладал большим имением в Ростовской области, был он боярином, одним из славных и известных бояр, владел большим богатством, но к концу жизни в старости обнищал и впал в бедность. Скажем и о том, как и почему он обнищал: из-за частых хождений с князем в Орду, из-за частых набегов татарских на Русь, из-за частых посольств татарских, из-за многих даней тяжких и сборов ордынских, из-за частого недостатка в хлебе. Но хуже всех этих бед было в то время великое нашествие татар во главе с Федорчуком Туралыком, и после него год продолжалось насилие, потому что княжение великое досталось князю великому Ивану Даниловичу, и княжение Ростовское также отошло к Москве. Увы, увy, плохо тогда было городу Ростову, а особенно князьям ростовским, так как отнята была у них власть, и княжество, и имущество, и честь, и слава, и все прочее отошло к Москве.

Тогда по повелению великого князя был послан и выехал из Москвы в Ростов воеводой один из вельмож, по имени Василий, по прозвищу Кочева, и с ним Мина. И когда они вошли в город Ростов, то принесли великое несчастье в город и всем живущим в нем, и многие гонения в Ростове умножились. И многие из ростовцев москвичам имущество свое поневоле отдавали, а сами вместо этого удары по телам своим с укором получали и с пустыми руками уходили, являя собой образ крайнего бедствия, так как не только имущества лишались, но удары по телу своему получали и со следами побоев печально ходили и терпели это. Да к чему много говорить? Так осмелели в Ростове москвичи, что и самого градоначальника, старейшего боярина ростовского, по имени Аверкий, повесили вниз головой и подняли на него руки свои, и оставили, надругавшись. И страх великий объял всех, кто видел и слышал это, — не только в Ростове, но и во всех окрестностях его.

В *Какое необыкновенное название у этого местечка, давшее имя собственное или «фамилию» будущему святому старцу Сергию. Топоним «Радонеж» связан с древним культом славянского бога Рода — источника и нессякаемого РОДника жизни — и с земледельческим обрядом, посвященным празднику весны, оплодотворения земли и первым всходам, первым листьям, первым цветам, называе-*

Из-за этого несчастья раб Божий Кирилл выехал из той деревни ростовской, о которой уже говорилось; собрался он со всем домом своим и со всеми родными своими поехал, и переселился из Ростова в Радонеж. И, пришедши туда, поселился около церкви, названной в честь святого Рождества Христова, — и поныне стоит церковь эта. И здесь он жил с родными своими. Не только он один, но с ним и другие многие люди переселились из Ростова в Радонеж. И были они переселенцами на земле чужой, а в числе их Георгий, сын протопопа,

тому в Древней Руси «радоницы». «Радоницы» — это также и празднование памяти предков, ушедших в землю. Дialectное «радонеж» несет в слове не только энергию радости, но и особую весеннюю нежность. Красный цвет жизни здесь явно окрашивается в розовые нежные тона, предвосхищающие грядущее преобразование природы — Новую землю. Приняв эстафету народного мирозерцания, Сергей Радонежский навеки связал древний праздник с праздником Великой Троицы, дав начало постепенному освящению, христианизации земледельческого культа, вне которого немислимо было само существование народа. Какое уважение к праотцам, к ныне живущим и какая забота о будущих поколениях! Так готовилась почва для «первой борозды».

пыль, попирали ногами, так что, можно сказать, самую природу свою хотел презреть, и унижить, и преодолеть, часто нашептывая про себя слова Давида: «Какая польза в крови моей, когда я сойду в могилу?» Ночью же и днем он не переставал молить Бога, который начинающим подвижникам помогает спастись. Как я

ВВ Вот бы обсудить с учениками разных возрастов перечисленные добродетели подростка Варфоломея и отметить, когда начинается падение их нравственной ценности для наших детей и с чем это связано, с их же точки зрения. Такое самонаблюдение дорогого стоит, да вот беда — нет в школе интереса к этому.

со своими родными; Иван и Феодор, род Тормоса; Дюдень, зять его, со своими родными; Анисим, дядя его, который впоследствии стал дьяконом. Говорят, что Анисим с Протасием-тысяцким пришли в ту же деревню, называемую Радонеж, которую дал князь великий сыну своему, младшему князю Андрею. А наместником он поставил в ней Терентия Ртища и многие льготы людям даровал, и также он обещал уменьшить многие налоги. И из-за этих льгот там собралось много людей, так как из ростовских земель из-за нужды и несчастья разбегались многие.

Отрок же преславный, преславного отца сын, о котором мы речь ведем, подвижник, о котором всегда помнят, родившийся от родителей благородных и благоверных, вырос как от доброго корня добрая ветвь, воплотив в себе всяческие достоинства доброго корня этого. Ведь с молодых лет он был подобен саду благородному и вырос как богатый плод, был отроком красивым и благонравным. Хотя по мере роста он становился все лучше, но красоты жизни он ни во что не ставил и всякую суету мирскую, как я смогу перечислить прочие добродетели его: спокойствие, кротость, молчаливость, смирение, негневливость, простоту без ухищрений? Он любил одинаково всех людей, никогда не впадал в ярость, не препирался, не обижался, не позволял себе ни слабости, ни смеха; но когда хотелось ему улынуться (ведь и ему это было нужно), он и это делал с великим целомудрием и воздержанием. Он всегда сокрушаясь ходил, как будто в печали еще же более плакал, часто слезы и:

очей по щекам испуская, на плачевную и печальную жизнь этим указывая. И слова Псалтири всегда на устах его были, он воздержанием всегда был украшен, тяготам телесным всегда радовался, бедную одежду прилежно носил. Пива же и меда он никогда не вкушал, никогда к устам их не подносил и даже запаха их не вдыхал. К постнической жизни стремясь, он все это ненужным для человеческой природы считал.

Сыновья Кирилла, Стефан и Петр, женились; третий же сын, блаженный юноша Варфоломей, не захотел жениться, а весьма стремился к иноческой жизни. Об этом он многократно просил отца, говоря: «Теперь дай мне, владыка, свое согласие, чтобы с благословением твоим я начал иноческую жизнь». Но родители его ответили ему: «Чало! Подожди немного и потерпи для нас: мы стары, бедны, больны сейчас, и некому ухаживать за нами. Вот ведь братья твои Стефан и Петр женились и думают, как угодить женам; ты же, неженатый, думаешь, как угодить Богу, — более прекрасную стезю избрал ты, которая не отнимется у тебя. Только поухаживай за нами немного, и когда нас, родителей твоих, проводишь до гроба, тогда сможешь и свой замысел осуществить. Когда нас в гроб положишь и землей засыплешь, тогда и свое желание исполнишь».

Чудесный же юноша с радостью обещал ухаживать за ними до конца их жизни и с того дня старался каждый день всячески угодить родителям своим, чтобы они молились за него и дали ему благословение. Так жил он некоторое время, прислуживая и угождая родителям своим всей душой и от чистого сердца, пока родители его не постриглись в монахи и каждый из них в разное время не удалился в свой монастырь. Немного лет прожив в монахах, ушли из жизни этой, отошли к Богу, а сына своего, блаженного юношу Варфоломея, каждый день они много раз благословляли до последнего вздоха. Блаженный же юноша проводил до гроба родителей своих и пел над ними надгробные песнопения, и завернул тела их, и поцеловал их и с большими почестями положил их в гроб, и засыпал землей со слезами как некое бесценное сокровище. И со слезами он почтил умерших отца и мать панихидами и Святыми Литургиями, отметил память родителей своих и молитвами, и раздачей милостыни убогим, и кормлением нищих. Так до сорокового дня он отмечал память родителей своих.

И вернулся Варфоломей в дом свой, радуясь душой и сердцем, как будто некое сокровище бесценное приобрел, полное богатства духовного. Сам же преподобный юноша очень хотел начать монашескую жизнь. Он возвратился в дом после смерти родителей своих и начал расставаться с житейскими заботами этого мира. На дом и на все вещи, необходимые в доме, он смотрел с презрением, вспоминая в сердце своем Писание, гласящее, что «многих вздохов и печалей жизнь этого мира полна». Пророк сказал: «Покиньте их и отлучитесь от них, и нечистого в мире не

касаетесь». И другой пророк сказал: «Покиньте землю и взойдите на небо». И Давид сказал: «Прилепилась душа моя к Тебе, меня поддерживает десница Твоя»; и еще он сказал: «Вот я удалился, убегая, и оставался в пустыне, надеясь на Бога, спасающего меня». И Господь в Евангелии сказал: «Кто хочет следовать за Мной, если он не отречется от всего, что есть в мире этом, тот не может быть Моим учеником». Так укрепив себе душу и тело, он призывает Петра, своего родного младшего брата, и оставляет ему отцовское наследство и попросту все, что было в доме его потребное для житейских дел. Сам он не взял себе ничего, следуя словам Божественного апостола, сказавшего: «Я за сор все почитаю, чтобы приобрести Христа».

Стефан же, родной брат его старший, немного лет пожил с женой, и жена его умерла, родив двух сыновей: Климента и Ивана, а этот Иван впоследствии стал Феодором Симоновским. Стефан же вскоре оставил мир и стал монахом в монастыре Покрова Святой Богородицы в Хотькове¹⁴. Блаженный юноша Варфоломей, пришедши к нему, просил Стефана, чтобы тот пошел с ним искать место пустынное. Стефан, повинуясь словам блаженного юноши, пошел вместе с ним.

Обошли они по лесам многие места и наконец пришли в одно место пустынное, в чаще леса, где была и вода. Братья осмотрели место это и полюбили его, а главное — это Бог наставлял их. И, помолившись, начали они своими руками лес рубить и на плечах своих они бревна принесли на выбранное место. Сначала они себе сделали постель и хижину и устроили над ней крышу, а потом келью одну соорудили и отвели место для церкви небольшой, и срубили ее. И когда была окончательно завершена постройка церкви и пришло время освящать ее, тогда блаженный юноша сказал Стефану: «Поскольку ты брат старший в нашем роде, не только телом старше меня, но и духом, следует мне слушаться тебя как отца. Сейчас не с кем мне советоваться обо всем, кроме тебя. В особенности я умоляю тебя ответить и спрашиваю тебя: вот уже церковь поставлена и окончательно отделана, и время пришло освящать ее; скажи мне, во имя какого праздника будет названа церковь эта и во имя какого святого освящать ее?»

В ответ Стефан сказал ему: «Зачем ты спрашиваешь и для чего ты меня испытываешь и терзаешь? Ты сам знаешь не хуже меня, что нужно делать, потому что отец и мать, родители наши, много раз говорили тебе при нас: «Будь осторожен, чадо! Не наш ты сын, но Божий дар, потому что Бог избрал тебя, когда еще в утробе мать носила тебя, и было знамение о тебе до рождения твоего, когда ты трижды прокричал на всю церковь в то время, когда пели Святую Литургию. Так что все люди, стоявшие там и слышавшие это, были удивлены и изумлялись, в ужасе говоря: «Кем будет младенец этот?» Но священники и старцы, святые мужи, ясно поняли и истолковали это знамение, говоря: «По-

NB А вот она и «первая борода»: церковь во имя Живоначальной Троицы была тогда впервые поставлена на Руси. Отец творения, Сын Божий Человеческий и Дух Святой как энергия преобразования крепко завязались в один неразрывный узел. Хочешь из природного мира шагнуть в духовный, ищи в себе все три начала Образа, по подобию которого ты создан: светлый разум, любящее сердце и творящую волю. По отдельности они никому человека не приведут. И будет он вечно находиться в кругу обстоятельств, называя это «судьбой». Юноша Варфоломей, душой болея за родную Русь, не знал, как ей помочь вырваться из этого трагического круга обстоятельств. А узнать надо было обязательно, и значит — прорваться один на один к первоисточнику мудрости, стяжать Дух Святой и преобразиться. А как это делается, написано в древних христианских книгах. И юноша с книгами уходит в пустынь не от людей, а ...им навстречу, думая о новой судьбе народа, связав ее с образом Живоначальной Троицы. И ставит церковь во имя ее. Это была серьезная заявка на поворот истории. Вот почему освящать церковь прибыл из Москвы сам митрополит Киевский и всея Руси Феогност (греч. «известный Богу») по просьбе, казалось бы, неизвестного тогда никому молодого человека (даже не ино-

скольку в чуде с младенцем число три проявилось, это означает, что будет ребенок учеником Святой Троицы. И не только сам веровать будет благочестиво, но и других многих соберет и научит веровать в Святую Троицу». Поэтому следует тебе освящать церковь эту лучше всего во имя Святой Троицы. Не наше это измышление, но Божья воля и предначертание, и выбор; Бог так пожелал. Да будет имя Господа благословенно вовеки!» Когда это сказал Стефан, блаженный юноша вздохнул из глубины сердца и ответил: «Правильно ты сказал, господин мой. Это и мне нравится, и я того же хотел и думал об этом. И желает душа моя создать и освятить церковь во имя Святой Троицы. Из-за смирения я спрашивал тебя; и вот Господь Бог не оставил меня, и желание сердца моего исполнил, и замысла моего не лишил меня».

Решив так, взяли они благословение и освящение у епископа. И приехали из города от митрополита Феогноста священники, и привезли с собой освящение, и антиминс и мощи святых мучеников, и все, что нужно для освящения церкви. И тогда освящена была церковь во имя Святой Троицы преосвященным архиепископом Феогностом, митрополитом Киевским и всея Руси, при великом князе Симеоне Иоанновиче, думаю, что это произошло в начале княжения его¹⁵. Правильно церковь эта названа была именем Святой Троицы: ведь поставлена она была благодатью Бога Отца и милостью Сына Божьего, и с помощью Святого Духа.

Стефан же, построив церковь и освятив ее, недолго прожил в пустыни с братом своим и увидел, что трудна жизнь в пустыни, жизнь печальная, жизнь суровая, во всем нужда, во всем лишения, неоткуда взять ни еды, ни питья, ни чего другого, нужного для

ка!). Организовал же их встречу скромный монах из подмосковного монастыря, брат юноши Стефан (греч. «венец») — будущий духовник великого князя Симеона Гордого.

жизни. Ведь не было к тому месту ни дорог, ни подношений ниоткуда; ведь не было тогда вокруг пустыни этой поблизости ни сел, ни домов, ни людей, живущих в них; ниоткуда не было к тому месту тропы человеческой, и не было ни прохожих, ни посетителей, но вокруг места этого со всех сторон был только лес, только глушь. Увидев это и опечалившись, Стефан оставил пустыню, а также брата своего родного, преподобного пустыннолюбца и пустынножителя, и ушел отсюда в Москву.

Придя в город, он поселился в монастыре святого Богоявления и нашел себе келью, и жил в ней, весьма преуспевая в добродетели: ведь и он любил жить в трудах, жил он в келье своей жизнью суровой, постился и молился, и от всего воздерживался, и пива не пил, и скромные носил одежды. В то время в этом монастыре жил митрополит Алексей, который еще не был поставлен в митрополиты, но иноческую жизнь с честью вел. Они со Стефаном в монашеской жизни вместе жили и в церкви на клиросе оба, рядом стоя, пели; также некто Геронтий, известный и славный старец, в том же монастыре жил. Когда узнал князь великий Симеон о Стефане и славной жизни его, он повелел митрополиту Феогносту поставить его в пресвитеры, облечь его в священнический сан, а потом велел игуменство ему поручить в том монастыре и взял его себе духовным отцом; так сделали и Василий-тысяцкий, и Феодор, брат его, и остальные бояре старшие сделали так один за другим.

Но вернемся к славному, блаженному верному юноше, который был родным и единокровным братом этого Стефана. Хотя они и родились от одного отца и хотя одно чрево произвело их на свет, но не одинаковые устремления они имели. Разве не были они братьями родными? Разве не сообща они захотели и стали жить на месте том? Разве не вместе они решили обосноваться в малой той пустыни? Как же расстались они друг с другом? Один так пожелал жить, другой же иначе: один в городском монастыре подвизаться решил, другой же пустыню сделал подобную граду.

Не презирайте грубости моей за то, что я до сих пор писал и растягивал рассказ о младенчестве его, и о детстве его, и вообще обо всей мирской жизни его: потому что хотя он в миру жил, но душу и желания свои к Богу обращал. Я показать хочу читающим и слушающим житие его, каков был он с младых лет и с самого детства своей верой и чистой жизнью и как был он всеми добрыми делами украшен — таковы были дела его и жизнь в миру. Хотя этот прекрасный и достойный отрок мирскую жизнь вел тогда, но все же Бог свыше заботился о нем, удостаивая его Своей благодатью, защищая и обороняя его святыми ангелами Своими, во всяком месте сохраняя его и во всяком путешествии, куда бы

тот ни пошел. Ведь Бог, знающий сердца, один ведающий сердечные тайны, один, провидящий сокровища, предвидел будущее его, знал, что есть в сердце его много добродетелей и стремления к любви, предвидел, что будет отрок сосудом избранным по благой воле Его, что станет он игуменом многочисленной братии и основателем многих монастырей. Но в то время Варфоломеем более всего хотел принять пострижение монашеское: сильно стремился он к иноческой жизни и пребыванию в посте и молчании.

О ПОСТРИЖЕНИИ ВАРФОЛОМЕЯ, КОТОРОЕ СТАЛО НАЧАЛОМ ИНОЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СЯТОГО

Преподобный отец наш не принял ангельский образ до тех пор, пока не изучил все монастырские дела; и монашеские порядки, и все прочее, что требуется монахам. И всегда, в любое время, с большим прилежанием и с желанием, и со слезами он молился Богу, дабы удостоиться принять ангельский образ и приобщиться к иноческой жизни. И призвал он к себе в пустыньку, о которой мы говорили, одного старца духовного, украшенного чином священника, почтенного священнической благодатью, игумена саном, по имени Митрофан. Варфоломеем просит и умоляет его, смиренно кланаясь, перед ним радостно преклоняет голову свою, желая, чтобы Митрофан в иноки его постриг. И повторял ему святой: «Отче! Сотвори доброе дело, постриги меня в монашеский чин, ведь я с юности моей давно очень хочу этого, но воля родителей удерживала меня. Сейчас же, от всего освободившись, я так жажду этого, как олень стремится к источнику водному; так жаждет душа моя иноческой и пустынной жизни».

Игумен немедля вошел в церковь и постриг его в ангельский образ, месяца октября в седьмой день, на память святых мучеников Сергия и Вакха. И дано было имя ему в монашестве Сергий: ведь так в то время давали случайные имена, не считаясь с мирским именем; но какого святого память отмечалась в тот день, когда постригали, такое имя и давали постригающемуся. Было святому, когда он стал иноком, двадцать три года. А в церкви, о которой я говорил, самим Сергием созданной и названной в честь Святой Троицы, в этой церкви игумен тот вместе с чином пострига отслужил и Божественную Литургию. Блаженный же Сергий, только что постриженный инок, когда совершен был постриг, причастился Святых Тайн, вкусил Пречистое Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа, как достойный сподобился такой святыни. Так вот, после Святого Причащения или во время самого Причащения снизошла на него и вселилась благодать и дар Святого Духа. Откуда же это известно? Были некие люди здесь в то время, поистине правдивые свидетели того, что, когда Сергий причастился Святых Тайн, тогда внезапно наполнилась вся церковь благоуханием: не только в церкви, но и во круг церкви чувствовался запах благовонный. И все видевшие и

ощутившие этот запах прославили Бога, так прославляющего своих угодников.

Он был первым иноком, постриженным в той церкви и в той пустыни. Первый в начинании, но высший мудростью; первый числом, но высший трудами. Я скажу, что он был и первый, и высший: ведь многие в той церкви постриглись, но ни один из них не смог достичь его совершенства; многие так начинали, но не все так окончили свое дело; многие потом в том месте — и

В Тайна пострижения в «ангельский» или иноческий (от слова «иной»), монашеский (греч. «одинок») образ велика есть. Что значит «сочлечь с себя прежнего, ветхого человека», как будто речь идет о старом платье, и в «нового превратиться»? Ведь знаем же мы, что далеко не каждый монах делается святым, то есть облачается «новой одеждой» — благодатью. Но каждый при пострижении обнажается: в прямом и переносном смысле. В этом-то и состоит великое мужество подвижащихся: пока не покроет тебя благодать, ходишь ты наг и гол под взорами Бога, людей и собственной совести — иной раз до самой смерти. И побег в пустыню не облегчает, а отягощает твою участь. Но дается инокам пожизненный шанс — новое имя, новое место и первый наставник.

Новое имя — Сергей, что значит по-латыни «высокий».

Новое место — храм Пресвятой Троицы, новое из новых.

Первый наставник — Митрофан, по-гречески значит «матерью явлен-

при жизни Сергея, и после него — были иноками, поистине все они славными были, но не все могут сравниться с ним. Это был в том месте первый инок, он положил начало подвигам; всем другим монахам, живущим здесь, он примером был. Ведь когда он постригался, он не только постригал волосы на голове своей, но вместе с бесчувственными волосами он плотские отсекал желания; а когда одежды мирские сбрасывал, он с ними отвергал от себя эти желания. Это был тот, кто с себя прежнего человека со-влекал и удалял, а в нового превращался. И, крепко подпоясавшись, приготовился он подвиги духовные мужественно начать, оставив мир и отрекшись от него и от всего, что в миру, от имущества и всех остальных житейских благ. И, попросту говоря, все узы мирские он разорвал, — как некий орел, легкие крылья подняв, как будто по воздуху на высоту взлетает — так и этот преподобный оставил мир и все мирское, бежал от всех житейских благ, оставив род свой и всех близких и родственников, дом и Отечество, подобно древнему патриарху Аврааму.

Находился блаженный в церкви семь дней, ничего не ел он, только лишь просфору, взятую из рук игумена; от всего отстранившись, только лишь в посте и молитве пребывал. Песня Давида постоянно была на устах у него, слова псалмов, ими он себя утешал, ими же и Бога хвалил. Пел он про себя и так благодарил Бога: «Господи! Я возлюбил красоту дома Твоего

ный», что, несомненно, ассоциировалось с благословием самой Богородицы. Недаром келейной иконой преподобного Сергия был суровый образ Богородицы-Одигитрии, путеводительницы к духовному спасению.

Хочется еще вот над чем подумать. Иметь чин «ангела» (греч. «вестник») — это по определению иметь миссию просветителя, так как издревле все знания в той или иной степени несли духовное значение. И если мы сегодня (так же как и 600 лет назад Сергий) озабочены качеством знаний, которые передаются молодому поколению, не означает ли это, что мы должны прежде всего озаботиться духовными качествами самого педагога? Первое напрямую вытекает из второго. Именно так рассуждал Сергий, приступая к строительству своей духовной школы в 23 года — возрасте получения нашими выпускниками диплома о высшем образовании. Впереди свобода, простор для самостоятельных действий и... риск неизвестности.

и место вселения славы Твоей; в доме Твоём пребудет Святость Господня долгие дни. Как вожделенны села Твои, Господи сил! Истомилась душа моя по дворам Господним; сердце мое и плоть моя возрадовались о Боге живом. И птица находит себе жилище, и горлица гнездо себе, где положить птенцов своих. Блаженны живущие в доме Твоём; во веки веков будут они восхвалять Тебя. День один во дворах Твоих лучше тысячи дней; лучше быть у порога в доме Бога моего, нежели в жилище грешников».

Когда же провожал Сергий игумена, который постриг его, со многим смирением сказал он ему: «Вот, отче, уходишь ты теперь отсюда, а меня, смиренного, как я и хотел, одного оставляешь. Долгое время я всеми помыслами моими и желаниями стремился к тому, чтобы жить мне одному в пустыне, без единого человека. Издавна я этого просил у Бога в молитвах, всегда слыша и вспоминая пророка, восклицającego и говорящего: «Я удалился, убежав, и остался в пустыне, надеясь на Бога, спасающего меня от малодушия и от бури. И поэтому услышал меня Бог и внял гласу моления моего. Благословен Бог, который не отверг молитвы моей и не отвратил милости Своей от меня». И сейчас я благодарю Бога, сделавшего все по моему желанию, за то, что Он дал мне одному в пустыне жить в одиночестве и безмолвии. Ты же, отче, ныне уходя

отсюда, благослови меня, смиренного, и помолись о моем уединении, и также и научи меня, как жить мне одному в пустыне, как молиться Богу, как без напасти прожить, как противиться нашему врагу и гордым его помыслам. Ведь я, новопосвященный, только что постригся и стал иноком, поэтому я должен обо всем расспросить тебя».

Игумен, охваченный ужасом, ответил, удивляясь: «И ты меня, — сказал он, — спрашиваешь о том, что ты много лучше нас знаешь, о достойный человек! Ведь привык ты всегда таким образом пример смирения показывать. Но все же ныне и я отвечу, как подобает мне словами молитвы отвечать тебе, так: Господь

Бог, еще раньше избравший тебя, пусть щедро одарит тебя, разумит тебя, научит тебя и радости духовной да исполнит тебя». И, немного о духовном побеседовав с Сергием, он хотел уже уйти. Но преподобный Сергей, поклонясь ему до земли, сказал: «Отче! Помолись за меня Богу, чтобы помог Он мне терпеть плотские искушения, и бесовские нашествия, и зверей нападения, и труды в пустыне». Игумен же в ответ сказал: «Говорит Павел-апостол: «Благословен Господь, Который не даст нам сверх сил искушений». И еще сказал: «Все могу, если укрепит меня Бог». И снова, уходя, игумен поручает его Богу и оставляет его в пустыне одного безмолвствовать и жить в одиночестве.

Сергий же, провожая игумена, еще раз просил у него благословения и молитвы. Игумен же преподобному Сергию сказал: «Вот я ухожу отсюда, а тебя оставляю Богу, Который не допустит гибели преподобного Своего, Который не даст грешным поднять жезл на жизнь праведных, Который не предаст нас в зубы грешников. Ведь Господь любит праведников и не оставит преподобных Своих, но навеки сохранит их; Господь сохранит тебя в начале твоей жизни и в конце ее отныне и навеки. Аминь». Сказал это игумен и, помолившись и благословив Сергия, ушел от него; и пошел туда, откуда и пришел.

Следует также вот что знать читающим житие: в каком возрасте постригся преподобный. Ему можно было дать больше двадцати лет по внешнему виду, но более ста лет по остроте разума: ведь хотя он и молод был телом, но стар разумом и совершенен по Божественной благодати. После ухода игумена преподобный Сергей в пустыне подвизался, жил один, без единого человека. Кто может рассказать о трудах его или кто в силах поведать о подвигах его, которые он совершил, один оставаясь в пустыне? Невозможно нам рассказать, с каким трудом духовным и с многими заботами он начинал начало жизни в уединении, сколь продолжительное время и сколько лет он в этом лесу пустынном мужественно оставался. Стойкая и святая его душа мужественно выносила все вдали от всякого лица человеческого, прилежно и непорочно хранила устав жизни иноческой, беспорочно, не спотыкаясь и оставаясь чистой.

Какой ум или какой язык желания святого, и его изначальное первое рвение, и любовь его к Богу, тайные добродетели его подвига сможет представить себе или передать, — и как ясно написать об уединении святого, и дерзании, и стенаниях, и о постоянных молитвах, которые он всегда к Богу обращал; кто опишет его слезы теплые, плач душевный, вздохи сердечные, бдения всенощные, пение усердное, молитвы непрестанные, стояние без отдыха, чтение прилежное, коленопреклонения частые, голод, жажду, лежание на земле, нищету духовную, скудость во всем, во всем недостаток: что ни назовешь — того не было. Ко всему же этому прибавлялась борьба с бесами, видимые и невидимые с ними сражения, борьба, столкновения, устрашения демонов,

дьявольские «наваждения, страшилища пустыни, неизвестных бед ожидание, нападение зверей и их свирепые поползновения. Но несмотря на все это и при всем том бесстрашен был Сергей душой и смел сердцем, и ум его не ужасался перед такими вражескими кознями, и лютыми нападениями, и устремлениями: многие тогда звери часто приходили к нему, не только ночью, но и днем; а были эти звери — стаи волков, которые выли и ревели, а иногда и медведи. Преподобный Сергей, хотя немного и боялся, как всякий человек, но, однако, молитву прилежно к Богу обращал и ею укреплялся; и таким образом, по милости Божьей, остался не тронут ими: звери отходили от него, а зла ему никакого не причиняли. Ведь когда только начинало устраиваться место то, тогда преподобный Сергей много огорчений и зла претерпел от бесов, и от зверей, и гадов. Но никто из них не прикоснулся к нему и не обидел его: потому что благодать Божья охраняла его. И пусть никто не удивляется этому, зная воистину, что если Бог живет в человеке и если Дух Святой осеняет его, то все ему покоряются, как в древности Адаму первозданному до нарушения им заповеди Господней; также и Сергию все покорялись, когда он жил один в пустыни.

ОБ ИЗГНАНИИ БЕСОВ МОЛИТВАМИ СВЯТОГО

Однажды преподобный Сергей ночью вошел в церковь, собираясь петь заутреню. И когда он начал пение, внезапно стена церкви расступилась, и вот воочию сам дьявол со множеством воинов бесовских появился, — вошел он не дверьми, но как вор и разбойник. А предстали бесы перед святым так: были они в одеждах и шапках литовских островерхих; и устремились они на блаженного, желая разорить церковь и сравнять то место с землей. А на блаженного они зубами скрежетали, желая убить его, и так говорили ему: «Беги, исчезни отсюда и более не живи здесь, на месте этом: не мы напали на тебя, но, скорее, ты напал на нас. Если же ты не убежишь отсюда, то мы растерзаем тебя; и ты умрешь в руках наших, и не быть тебе живым». Привычка есть у дьявола в его гордости: когда начнет он перед кем-нибудь похваляться или угрожать, тогда он хочет и землю уничтожить, и море высушить, а сам не имеет власти даже над свиньями.

Преподобный же Сергей, вооружась молитвой к Богу, так начал говорить: «Боже! Кто уподобится Тебе? Не молчи, не оставайся безучастным, Боже! Ибо вот враги Твои разбушевались». И еще сказал: «Да воскреснет Бог, и исчезнут враги Его, и да бегут от Лица Его все ненавидящие Его. Как рассеивается дым, так и они пусть исчезнут; как тает воск от огня, так да погибнут грешники от Лица Божьего, а праведники да возвеселятся». Так Сергей, именем Святой Троицы, имея помощницей и заступницей Святую Богородицу, а вместо оружия — честной Крест Христов, поразил дьявола, как Давид Голиафа. И тотчас дьявол с бесами

своими невидимы стали, и все исчезли, и без вести пропали. Преподобный же великую благодарность воздал Богу, избавившему его от такой бесовской напасти.

Через несколько дней, когда блаженный в хижине своей всенощную свою молитву в одиночестве непрерывно творил, внезапно раздался шум, и грохот, и волнение великое, и смятение, и страх, — не во сне, но наяву. И вот бесы многие вновь напали на блаженного, стадом бесчинствующим, вопя и с угрозами говоря: «Уйди, уйди с этого места! В поисках чего ты пришел в пустыню эту? Что хочешь найти на этом месте? Чего ты добиваешься, в лесу этом сидя? Или жить здесь собираешься? Зачем ты здесь обосновываешься? Не надейся, что сможешь здесь жить: и часа ты никак не сможешь здесь оставаться. Ведь тут, как ты и сам видишь, место пустынное, место неудобное и труднодоступное, отсюда во все стороны до людей далеко, и никто из людей не приходит сюда. Не боишься ли, что ты можешь от голода умереть здесь или душегубцы-разбойники найдут и убьют тебя; ведь и звери многие кровожадные живут в пустыне этой, и волки свирепые воют, стаями приходят сюда. Также и бесы многие пакостят злобно, и страшилищ много всяких грозных появляется здесь, которым нет числа; поэтому пусто издавна место это, к тому же и неудобно. Что хорошего, если звери нападут и растерзают тебя здесь или если ты какой-нибудь другой безвременной, ужасной, напрасною смертью умрешь? Но без всякого промедления встань и беги скорее отсюда, нисколько не задумываясь, не сомневаясь, не оборачиваясь, не озираясь по сторонам — не то мы тебя отсюда быстро прогоним или убьем».

Преподобный же, имея крепкую веру, любовь, надежду на Бога, прилежную со слезами молитву против врагов творил, чтобы избавиться ему от таких бесовских происков. Благой же человеколюбец Бог, быстрый в помощи, готовый к милости, не допустил, чтобы раб Его продолжительные сражения и многие напасти терпел; но, думаю, менее чем через час послал Бог милость Свою, чтобы враги, бесы, этим были посрамлены и чтобы познали они и Божью помощь святому, и свою немощь. Чтобы преподобный, твердый душой, видимо и невидимо с бесами борющийся, победителем бесов стал, для этого вскоре некая Божественная сила внезапно его осенила, и лукавых духов разогнала она быстро, и окончательно без вести рассеяла их, и преподобного утешила, и Божественным неким наполнила его весельем, и уладила сердце его сладостью духовной. Сергей же, тотчас осознав быструю помощь Бога и милость и благодать Божью уразумев, благодарность и похвалы к Богу воссылал, говоря: «Благодарю Тебя, Господи, так как Ты не оставил меня, но быстро услышал и помиловал меня. Сотворил на мне знамение благое, чтобы увидели ненавидящие меня, как Ты, Господи, помогаешь мне и сейчас утешил меня, и устыдились. Десница Твоя, Господи, прославится твердостью, десница Твоя, Господи, сокрушила врагов

наших, бесов, и властная твердость Твоя окончательно их погубила».

Пусть поймет и осознает всякий, кто разум имеет, что это было дело лукавого дьявола — злобного и зломудренного, и источника зла. Ведь хотел дьявол прогнать преподобного Сергия с места того, завидуя спасению нашему, а также опасаясь, что святой на пустом этом месте обоснуется с Божьей благодатью, и благодаря своему терпению монастырь воздвигнет, и своим тишанием и прилежанием некую деревню создаст здесь, или некое населит селение, и некий воздвигнет городок, обитель священную и пристанище для монахов создаст для славословия и непрестанного воспевания Бога. Что и сбылось по благодати Христовой, и это мы видим сегодня: ведь не только этот великий монастырь, Троицкую Лавру в Радонеже, он создал, но и многие другие монастыри различные он основал и в них множество монахов собрал по отеческому обычаю и преданию.

Прошло время, и дьявол был побежден блаженным во всех своих проявлениях, — напрасно он трудился вместе с бесами своими: хотя многими и различными видениями Сергия смущал, но, однако, не смог в ужас повергнуть этого твердого душой и храброго подвижника. Еще более после различных наваждений и грозных видений преподобный Сергий храбро вооружался и ополчался на бесов, смело встречал их, уповая на Божью помощь; и так, оберегаемый Божьей благодатью, он невредим остался. Порой его смущали демонские козни и ужасы, а иногда зверей нападения, — ведь много зверей, как было сказано, в этой пустыне тогда жило. Некоторые из них стаями выли и с ревом проходили, а другие не вместе, но по два, или по три, или один за другим мимо проходили; некоторые из них вдалеке стояли, а другие близко подходили к блаженному и окружали его, и даже обнюхивали его.

Был среди них один зверь, называемый аркуда, то есть медведь, и он всегда имел обыкновение приходить к преподобному. Преподобный, видя, что не из злобы приходит к нему зверь, но чтобы взять из еды что-нибудь немного для пропитания себе, выносил зверю из хижины своей маленький кусок хлеба и клал его или на пень, или на колоду, чтобы, когда придет, как обычно, зверь, готовую себе нашел пищу; и он брал ее в пасть свою и уходил. Когда же не хватало хлеба и пришедший по обыкновению зверь не находил приготовленного для него привычного куска, тогда он долгое время не уходил. Но стоял медведь, озираясь туда и сюда, упорствуя, как некий жестокий заимодавец, желающий получить долг свой. Если же был у преподобного лишь один кусок хлеба, то и тогда он делил его на две части, чтобы одну часть себе оставить, а другую зверю этому отдать: не было ведь тогда в пустыне у Сергия разнообразной пищи, но только хлеб один и вода из источника, бывшего там, да и то понемногу. Час-то и хлеба на день не было; и когда это случалось, тогда они оба

В Первое явленное чудо *Сергия: приручение медведя. А ведь медведь — тотемное животное тех славянских племен, что жили в лесах Северо-Восточной Руси. Эпизод этот надо понимать символически, раз речь идет о чуде. Нельзя преобразжать сознание народа (а задача перед Сергием стояла именно такая), прогоняя, пугая или даже умерщвляя его древнее сознание, но лишь только приручая и уважая его «младенческий» духовный возраст. «Хлеб» Истины, духовная пища помогают и выжить, и вырасти. Старший делится с младшим поровну, а часто отдает и последнее, не боясь оскудеть, потому что обладает несосчитанными запасами добра. Вот вам первая заповедь гуманной педагогики.*

оставались голодными, сам святой и зверь. Иногда же блаженный о себе не заботился и сам голодным оставался: хотя один только кусок хлеба был у него, но и тот он зверю этому бросал. И он предпочитал не есть в тот день, а голодать, нежели зверя обмануть и без еды отпустить. Не один раз и не дважды зверь этот приходил привык, но несколько раз каждый день, и более года это продолжалось.

Блаженный же все посылавшиеся ему испытания с радостью терпел, за все благодарил Бога, а не протестовал, не унывал в трудностях. Ибо он приобрел разум и великую веру в Бога, которой мог все стрелы вражеские огненные погасить, с которой он мог победить все, что желает быть выше разума Божьего, и с которой демонских нападений он мог не бояться. Ведь написано: «Праведник, как лев, смел» и на все дерзает ради веры, не искушая Бога, но надеясь на Него: «Надеющийся на Господа, как гора Сион, не подвижется вовек». Надеющийся воистину на Господа твердого, как и тот блаженный, будет как некий

храбрый воин, вооруженный и облеченный силой духа, так что не только он всегда будет думать о Боге, но также и Бог о нем скажет: «С ним Я в скорби; избавлю его и прославлю его; долгою дней насыщу его и явлю ему спасение Мое». Слабый и ленивый в делах своих такой надежды не может иметь; но лишь тот, кто с Богом непрестанно пребывает во всех занятиях своих и приближается к Богу благодаря своим добрым делам, и щедро и неуклонно доверяет сохранение своего сердца благодати Его, как Давид-пророк сказал: «Истомились глаза мои от ожидания Бога моего».

Такое упование имел преподобный Сергий, и с этим дерзновением дерзнул он пойти в пустыню эту, один уединиться и безмолвствовать; и, Божественной сладости безмолвия вкусив, он уже не хотел от нее отступить и оставить ее. И звериных нападений, и бесовских наваждений он не боялся, как написано: «Не убоишься страха ночного, стрелы, летящей во дне, язвы, ходящей во мраке, встречи с бесом полуденной и полночной». Против страхов пустыни Сергий молитвой вооружался, как в Лестнице¹⁶ сказано. «В тех местах, — сказано, — где ты боишься, не ленись с молитвой проходить, но молитвой вооружись и, простерши руки,

именем Иисуса бей врагов. Молитву быстро услышав, помолится с нами тогда явившийся благой наш ангел-хранитель».

И преподобный возложил на Господа печаль свою, и возложил на Бога упование свое, и Всевышнего сделал убежищем своим, и пребывал он от страха без страха, и без пакости, и без вреда. Ведь Бог — благой человеколюбец, Который быстрое и верное утешение дарует рабам Своим, Который всегда щадит и сохраняет угодника Своего, как говорит Святое Писание: «Ибо ангелам Своим заповедует охранять тебя». Так и здесь, послал Бог милость Свою и благодать Свою на помощь Сергию, чтобы сохранить его от всяких досаждений, видимых и невидимых. Преподобный же, видя, что охраняет его Бог Своей благодатью, и днем и ночью прославлял Бога и благодарные хвалы воссылал к Богу, не позволяющему грешным принести зло жизни праведных, Который не дает нам сверх силы искушений. Он часто Священную читал книгу, чтобы оттуда всякую почерпнуть добродетель, сокровенными мыслями укрепляя разум свой для достижения бесценных вечных благ. И еще удивительнее то, что никто его суровую добродетельную жизнь не знал, один только Бог, Который все тайное зрит, и все тайное узнает, и скрытое перед очами видит; так что безмолвной и безмятежной жизни святой лишен был. Но ведь то прекрасным казалось святому, чтобы Единому Богу частые, и прилежные, и тайные возносить молитвы, и с Богом одним беседовать, и к Превышнему Вездесущему помыслы обращать, и к Нему одному приближаться и от Него благодатью просвещаться. И, таким предаваясь мыслям, он хотел, чтобы угоден был Богу подвиг его и безупречен; и для этого ежедневно в бдении проводил он ночи, частые к Богу молитвы усердно вознося все время. Бог же по милосердию Своему и безграничной щедрости Своей мольбы его не отверг, — не привык Он отвергать мольбы боящихся Его и послушных воле Его. Шло время, а Сергей оставался в пустыне один в уединении, — или два года, или больше, или меньше, сколько — он не знал; Бог знает.

И потом Бог, видя великую веру святого и большое терпение его, смилостивился над ним, и захотел облегчить труды его в пустыне: вложил Господь в сердца некоторым богобоязненным монахам из братии желание, и начали они приходить к святому. Это было устроено промыслом Всесильного и Милосердного

В *Второе явленное чудо
Сергия: из неизвестности
шагнул в славу Вселен-
скую (вплоть до Иеруса-
лима), ничего не сделав
для этого, даже не выхо-
дя без житейской надоб-
ности за ворота своей
обители.*

Господа Бога, Который хотел, чтобы не один Сергей жил в пустыне этой, но многочисленная братия, как сказал Павел-апостол: «Не ишу пользы лишь для себя, но для многих, чтобы спаслись». Или можно сказать, что захотел Бог прославить место это, и пустыню эту преобразить, и здесь монастырь устроить, и множество братьев собрать.

Поскольку Бог так пожелал, начали посещать святого монахи, сперва по одному, потом иногда по два, а иногда по три. И молили они преподобного, преклоняясь перед ним и говоря: «Отче, прими нас, мы хотим с тобой на месте этом жить и души свои спасти».

Но преподобный не только не принимал их, но и запрещал им оставаться, говоря: «Не можете вы жить на месте этом и не можете терпеть трудности в пустыни: голод, жажду, скорбь, неудобства, и бедность, и нужду». Они же отвечали: «Хотим мы терпеть трудности жизни на месте этом, а если Бог захочет, то и сможем». Преподобный еще раз спросил их: «Сможете ли вы терпеть трудности жизни на месте этом: голод, и жажду, и всякие лишения?» Они же ответили: «Да, честный отче, мы хотим и сможем, если Бог поможет нам и твои молитвы поддержат нас. Только об одном молим тебя, преподобный; не удаляй нас от лица твоего и с места этого, милого нам, не прогоняй нас».

Преподобный же Сергей, убедившись в вере их и усердии, удивился и сказал им: «Я не выгоню вас, ибо Спаситель наш говорил: «Приходящего ко Мне не изгоню вон»; и еще сказал: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там и Я посреди них». И Давид сказал: «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе». Ведь я, братья, хотел один жить в пустыне этой и скончаться здесь. Но если так пожелал Бог и если угодно Ему, чтобы был на месте этом монастырь и многочисленная братия, да будет воля Господня! Я же вас с радостью принимаю, только пусть каждый сам построит для себя келью. Но да будет вам известно: если в пустыню эту вы пришли, если со мной на месте этом жить хотите, если служить Богу вы пришли, приготовьтесь терпеть скорби, беды, печали, всякие несчастья, и нужду, и лишения, и бедность, и недосыпание. Если вы служить Богу желаете и для этого пришли, приготовьте сердца ваши не для пищи, не для питья, не для покоя, не для беспечности, но для терпения, чтобы претерпеть всякое искушение, и всякую скорбь, и печаль. И приготовьтесь к тяготам, и к постам, и к подвигам духовным, и ко многим скорбям: «Многими ведь скорбями надлежит нам войти в Царствие Небесное»; «Узок путь и скорбен, ведущий в жизнь вечную, и немногие находят его»; «Силой берется Царство Небесное, и употребляющие усилие восхищают его»; «Много званных, а мало избранных». Ибо мало спасающихся, поэтому мало избранное стадо Христово, о котором в Евангелии сказал Господь: «Не бойся, малое Мое стадо! Ибо Отец Ваш благоволил дать вам Царство». Когда блаженный Сергей так сказал им, они с радостью и с усердием обещали: «Все, что повелел ты, сделаем и ни в чем не ослушаемся тебя».

И построили они каждый отдельную келью и жили для Бога, глядя на жизнь преподобного Сергея и ему по мере сил подражая. Преподобный же Сергей, живя с братьями, многие тяготы терпел и великие подвиги и труды постнической жизни совер-

В Страх Божий как воспитательное средство первых христиан во многом отличается от последнего понимания его как права церкви осуждать и наказывать христиан за явные и неявные прегрешения. В первом случае идет речь о процессе самосовершенствования человека, его самоотчета перед совестью или священником на исповеди, движимого **ЛЮБОВЬЮ** к Богу и **СТРАХОМ** ПОТЕРЯТЬ ЕГО МИЛОСТЬ. Во втором — об **УЖАСЕ** смертного часа и **СТРАХЕ** ПЕРЕД НЕИЗБЕЖНЫМ НАКАЗАНИЕМ в аду за прожитую жизнь, о которых церковь считает своим долгом постоянно напоминать верующим. В восточном христианстве прижилось первое понимание Страха Божия, в западном — второе. В восточном христианстве действовала педагогика любви, в западном — авторитарная педагогика.

шал. Суровой постнической жизнью он жил; добродетели его были такие: голод, жажда, бдение, сухая пища, на земле сон, чистота телесная и душевная, молчание уст, плотских желаний тщательное умерщвление, труды телесные, смирение нелицемерное, молитва беспрестанная, рассудок добрый, любовь совершенная, бедность в одежде, память о смерти, кротость с мягкостью, Страх Божий постоянный. Ведь «начало мудрости — Страх Господень»¹⁷; как цветы — начало ягод и всяких овощей, так и начало всякой добродетели — Страх Божий. Он Страх Божий в себе укрепил, и им огражден был, и закону Господнему поучался денно и нощно, подобно дереву плодовитому, посаженному у источников водных, которое в свое время даст плоды свои.

Из-за того, что Сергей был молод и крепок телом (ведь сила у него была в теле, как у двух человек), дьявол стрелами похоти хотел уязвить его. Преподобный же, почувствовав нападение вражеское, подчинил себе тело и поработил его, обуздав постом; и так благодатью Божьей был он избавлен от искушений. Научился он против бесовских нападений обороняться: как

только бесы стрелами греха поразить его хотели, преподобный стрелы чистоты пускал в них, стреляющих во мраке в праведных сердцем.

Так и жил он с братьями, и хотя не был поставлен в священники, но очень с ними пекся о Церкви Божьей. И каждый день пел он с братьями в церкви и полунощную, и заутреню, и «Часы», и третий, и шестой, и девятый, и вечерню, и *мефимоны*¹⁸, как сказано: «Седмикратно в день прославляю Тебя за суды правды Твоей». В промежутках они устраивали частые молебны, — ведь для того и ушли из мира, чтобы беспрестанно молиться Богу и в церкви, и в кельях, как сказал Павел: «Непрестанно молитесь Богу». А обедню служить Сергей призывал кого-нибудь другого, в сане священника или старца игумена, встречал их и просил служить Святую Литургию: сам Сергей сначала не хотел быть поставленным в священники или игуменство принять из-за великого и беспредельного смирения. Ведь был он полон кротости большой и великого истинного смирения, во всем всегда

подражая своему Владыке, Господу нашему Иисусу Христу, давшему пример для подражания желающим подражать Ему и следовать Ему и сказавшему: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня: ибо Я кроток и смирен сердцем». Из-за этого смирения Сергий не хотел быть поставленным в священники или игуменство принять: говорил он всегда, что желание быть игуменом — начало и корень честолюбия.

Собралось монахов не очень много, не больше двенадцати человек: среди них был некий старец Василий, по прозванию Сухой, который в числе первых пришел с верховьев Дубны; другой же монах, по имени Иаков, по прозванию Якута — был он за посыльного, его всегда посылали по делам, за особенно нужными вещами, без которых нельзя обойтись; еще один был по имени Анисим, который был дьяконом, отец дьякона по имени Елисей. Когда кельи были построены и тыном ограждены, не очень большим, поставили и привратника у ворот, сам же Сергий три или четыре кельи сам своими руками построил. И в прочих всех монастырских делах, нужных братии, он участвовал: иногда дрова на плечах своих из леса носил и, разбив и наколов, на поленья разрубив, разносил по кельям. Но зачем я вспоминаю о дровах? Ведь удивительно поистине было видеть то, что у них было тогда: был от них недалеко лес, — не так, как теперь, но где кельи строящиеся были поставлены, здесь же над ними и деревья были, осеняя их, шумели над ними. Вокруг церкви много колод и пней повсюду было, здесь же различные сеяли семена и выращивали огородную зелень. Но вернемся снова к оставленному рассказу о подвиге преподобного Сергия, как он без лености братии как купленный раб служил: и дрова для всех, как было сказано, колол, и толок зерно, и жерновами молот, и хлеб пек, и еду варил, и остальную пищу, нужную братии, готовил; обувь и одежду он кроил и шил; и из источника, бывшего там, воду в двух ведрах черпал и на своих плечах в гору носил и каждому у кельи ставил.

Ночью же Сергий в молитвах без сна проводил время; хлебом и водой только питался, да и этого мало употреблял; и ни часа праздным не оставался. И так истощил он свое тело суровым воздержанием и великими трудами. Когда в нем плотские волнения бес возбуждал, он великий подвиг за подвигом совершал, забываясь о процветании места того, чтобы только угоден был Богу труд его. И что бы он ни делал, псалом на устах его всегда был, в котором говорится: «Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня; не поколеблюсь». Так пребывал он в молитвах и в трудах, плоть измучил свою и иссушил, желая быть небесного города гражданином и вышнего Иерусалима жителем.

Прошел один год, и игумен, о котором шла речь и который постриг блаженного Сергия, разболелся, и, некоторое время поболев, умер и к Господу отошел. Преподобный же Сергий печал-

лился очень и молился Богу, и молитву прилежную к Богу воссылал о том, чтобы Бог дал игумена, наставника обители этой, отца и правителя, который сможет направить корабль духовной всемирной жизни к пристанищу спасения и избавит его от волн губительных, от злых духов. Так он молился Богу, прося игумена и настоящего устроителя месту тому, и Бог услышал молитву угодника своего, и молению его внял, чтобы слова Давида ложными не оказались: «Желание боящихся Его он исполняет и молитву их слышит, и спасет их». Бог пожелал дать в игумены самого просившего просителя, праведного правителя; и кого просил Сергей, того и получил, и обрел, и приобрел поистине праведного правителя, который смог управлять обителью этой. Он не себя самого просил, но другого кого-нибудь, кого Бог даст; Бог же, Который все предвидит, провидя будущее и желая создать и устроить обитель эту и прославить ее, никого лучше Сергея не нашел, но именно самого просившего дарует братии, зная, что может Сергей с этим управлением управиться во славу имени Его святого.

Как же и каким образом началось игуменство Сергея? Вложил Бог в сердце братьям желание сделать так, чтобы Сергей начальствовал как начальник их. Осенила некая мысль братию; и сошлись монахи сначала сами по себе, и совет собрали они; так утвердившись в своем намерении, они все вместе пришли к преподобному Сергию, говоря: «Отче! Мы не можем жить без игумена! Ныне мы пришли к тебе открыть мысли наши и желания: мы очень хотим, чтобы ты был нашим игуменом и наставником душ и тел наших, чтобы мы приходили к тебе с покаянием исповедоваться в грехах своих; хотим от тебя прощение и благословение, и молитву каждый день получать и видеть, как ты ежедневно совершаешь Святую Литургию; хотим всегда из честных рук твоих причащаться Пречистых Тайн. Да, честный отче, этого мы желаем от тебя, только не отказывайся».

Преподобный же Сергей вздохнул из глубины души и сказал им: «У меня и помысла не было стать игуменом, но только желает душа моя скончаться в иноках на месте этом. Не принуждайте меня, но оставьте меня Богу, и Он, что захочет, то и делает со мной». Они же ответили: «Мы, отче, желаем, чтобы был ты нашим игуменом, а ты отказываешься. Мы же говорим тебе: или сам будь игуменом, или иди и попроси нам игумена у епископа. Если же ты не сделаешь так, то из-за такого несчастья мы разойдемся все с места этого». Преподобный же Сергей, стная сердцем, снова сказал им: «Сейчас разойдемся каждый в свою келью, и все помолимся Богу прилежно о том, чтобы Он явил и открыл нам, что следует делать». Они же разошлись каждый в свою келью.

По прошествии нескольких дней опять пришла братия к преподобному Сергию, говоря: «Мы, отче, пришли на место это, потому что слышали о тебе, что ты начал славное подвижничество

и церковь основал, которую своими руками построил. Имея благодать Святой Троицы, мы к ней обращаемся, на нее мы всю надежду и упование возложили под твоим началом, и теперь стань нам отцом и игуменом. И будешь предстоять у престола Святой Троицы, Серафимскую Трисвятую песнь воссылать к Богу, бескровную совершая службу, и своими руками подашь нам Пречистое Тело и Божественную Кровь Господа нашего Иисуса Христа, и, устроив старость нашу, гробу предашь нас». Отец Сергей долго отказывался и не хотел этого, умолял их и говорил, успокаивая: «Простите меня, отцы мои и господа мои! Кто я такой, чтобы посметь дерзнуть на то, чего со страхом и ужасом ангелы не могут достигнуть? Как же я, недостойный, на сию дерзость решусь, не достигнув такой веры? Я и начала монашеского устава и жизни не смог еще постигнуть; как посмею я к этой святые не приступить или прикоснуться к ней? Мне бы о своих грехах плакать и с вашей молитвой этого блага достигнуть, страны желанной, к которой стремился я с юности моей». И такие слова и многие другие он им сказал и удалился в келью свою.

Блаженные же эти старцы через несколько дней снова пришли и стали беседовать с Сергием, повторяя те же доводы и другие приводя, и сказали они: «У нас, отче духовный, распри никакой с тобой нет: поскольку Бог наставил нас, мы к тебе пришли сюда и твоей жизни и благонравию уподобиться захотели, и наслаждения будущими благами сподобиться надеялись. Если же ты не хочешь заботиться о наших душах и пастухом у нас, овец словесных, быть не хочешь, мы уходим с места этого и от храма Святой Троицы и обет наш невольно нарушаем. И будем блуждать, как овцы без пастуха, в горах гордости и распутства; дурным мыслям предаваясь, мы побеждены будем мысленным зверем, то есть дьяволом. Ты же ответ дашь беспристрастному судье Вседержителю Богу». Так говорила ему братия, страхом устрашая и угрозами угрожая: ведь много раз прежде, много дней умоляли они Сергия, понуждая его или смирением, или же спокойными и ласковыми словами, иногда же угрозами и строгими словами они угрожали в горести. Он же, крепкий душою, твердый в вере, смиренный умом, и на ласковые слова не отзывался, и угрозам не внимал, но был мужем выше угроз.

Долго принуждала его братия стать игуменом, он же, смиренный разумом, не хотел игуменство принять и не хотел с детства присущее ему и к Богу приближающее его смирение оставить. Отверг он эти мольбы братии, грешным себя считая и недостойным, и добавил вот что: «Мои слова не согласны с вашими словами, потому что вы чересчур упорно принуждаете меня стать игуменом, а я чересчур упорно отказываюсь. Ведь я и сам в поучении нуждаюсь и более хочу учиться, чем других поучать: я больше стремлюсь сам у других в подчинении быть, чем над другими властвовать и начальствовать. Боюсь я суда Божьего; если же будет Богу угодно то, что вы повелеваете мне, да будет воля

Господня!» Ибо одержало в нем верх его сердечное братолюбие и его усердие и старательность — и он наконец внял их мольбам. И пообещал он исполнить просьбу их, и повиновался воле их, — вернее сказать, воле Божьей. И после этого всего преподобный Сергей восстал из глубины сердца, и все мысли, упование возложив на Вседержителя Бога, сказал им со смирением душевным: «Отцы и братья! Я наперекор вам ничего говорить не буду, воле Господней предавшись: ведь Бог знает сердца и помыслы. Пойдем в город к епископу».

Митрополит же всея Руси Алексей тогда был в Царьграде, оставив в городе Переяславле вместо себя епископа Афанасия Волынского. К нему и пришел преподобный отец наш Сергей, взяв с собой двух старцев, и, войдя, поклонился епископу. Епископ же Афанасий, увидев его, благословил его и спросил имя его; Сергей же имя свое назвал. Афанасий, узнав, кто он, обрадовался и по-христиански поцеловал его: ибо раньше он слышал о Сергии, о начале славного подвижничества его, о построении церкви и об основании монастыря, обо всех богоугодных деяниях Сергия, любви его и заботе о братии, и о многих добрых делах его. И он побеседовал с Сергием о духовных делах; когда же закончилась беседа, Сергей снова поклонился епископу.

Блаженный отец наш Сергей начал умолять святителя дать игумена — наставника душам монахов. Преподобный же Афанасий, исполненный Святого Духа, сказал: «Возлюбленный! Бог через Святого Духа устами Давида сказал: «Выведу избранного из народа Моего»; и еще: «Ибо рука Моя поможет ему, и мышца Моя укрепит его». Апостол же Павел сказал: «Никто не приемлет ни чести, ни сана, но только призываемый Богом». Тебя, сын и брат, Бог призвал от утробы матери твоей, и я от многих слышал о тебе; да будешь ты отныне отцом и игуменом братии, Богом собранной в обители Святой Троицы». Когда же преподобный Сергей отказывался и о своем недостойнстве говорил, Афанасий, исполнившись благодати Святого Духа, отвечал ему: «Возлюбленный! Всем обладаешь ты, а послушания нет у тебя». Отец наш Сергей поклонился и ответил: «Как Господу угодно, так пусть и будет, благословен Господь навеки!» И все сказали: «Аминь!»

Тогда святой епископ Афанасий повелел священникам войти в Святой Алтарь; сам же он взял блаженного Сергия и вошел с ним в Святую Церковь. И оделся он в священные одежды, взял блаженного Сергия и повелел ему произнести изложение Символа Святой Веры, то есть: «Верую во Единого Бога». После этого Сергей голову преклонил, а святитель его перекрестил, и сотворил молитву для посвящения в сан, и поставил его иподиаконом, а затем диаконом, и совершил Божественную Литургию, и вместе они причастились Божественного Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа. На утро же он посвятил Сергия в священнический сан и вновь повелел ему совершить Святую Литургию

и своими руками принести бескровную жертву¹⁹. Преподобный же отец Сергей все повеления со страхом и радостью духовной выполнил.

Епископ же Афанасий в сторону отвел его и о правилах апостольских, и об учении отцов церкви, о том, что нужно для усовершенствования и исправления души, беседовал с ним: «Следует тебе, возлюбленный, как говорит апостол, «немощи немощных сносить, а не себе угождать. Во благо ближнему каждый угождать должен». И в послании к Тимофею Павел говорит: «Это передай верным людям, которые были бы способны других научить». И еще: «Друг друга бремя носите и таким образом испол-

В Сергей прекрасно понимал, насколько тяжелее «властвовать и начальствовать», чем, как «купленный раб», служить во всем себе подобным, ни часа не оставаясь праздным. Потому что игумен — это и священник, то есть организатор церковной службы, но это и начальник, то есть «пастух, сторож и врач» духовной братии, «стада словесных овец». И значит, прощай пора безмолвного уединения и внутренней молитвы: наступила пора социального служения людям, народу, стране. А напутствовал Сергея на этот путь другой наставник — Афанасий, что по-гречески значит «бессмертный».

Если бы каждый из наших организаторов образования имел бы такое же, как у Сергея, чувство ответственности за духовное состояние своей «паствы» — людей, идущих к другим со словом мудрости и знания — «воинства духовных храбрецов»!

ните закон Христов». Выполнив это, и сам ты спасешься, и те, кто с тобой». Так сказав, епископ духовными дарами наградил его, и по-христиански поцеловал его, и отпустил его, воистину игумена, и пастуха, и сторожа, и врача духовной братии.

Благодаря боголюбивому нраву Сергея случилось это, из-за Божьего промысла это произошло; ибо не по своей воле Сергей игуменство получил, но от Бога поручено было ему начальство. Он не стремился к этому, не вырывал сана у кого-нибудь, посулов не сулил за это, платы не давал, как делают некоторые честолюбцы, друг перед другом скачущие, вертящиеся и вырывающие все друг у друга, не понимая Писания, говорящего: «Не от желающего, не от подвизающегося, но от милующего Бога, от Которого всякое деяние доброе, всякий дар совершенный свыше нисходит от Бога, Отца светов». Так воеводство Божьего полка вручено будет Сергию здесь, где такое множество иноков, как воинство духовное храбрецов, всеобщему Владыке привести он хотел. Из-за чистоты жизни Сергей удостоен был такой благодати, удостоен был стать настоятелем, пастырем пастве; стаду словесных овец и священному монастырю начальником он стал, ибо Бог произвел угодника Своего в игумены.

О НАЧАЛЕ ИГУМЕНСТВА СВЯТОГО

И пришел преподобный отец наш игумен Сергей в свой монастырь, в обитель Святой Троицы. Братия же встретила его и поклонилась ему до земли, радостью исполнившись. Он же, войдя в церковь и пав ниц на землю, со слезами молился невидимому Царю, взирая на икону Святой Троицы, на помощь призывал Святую Богородицу, служителя престола небесных сил Предтечу и мудрых апостолов, — с ними и первых святителей — Василия Великого, Богослова Григория и Златоуста Иоанна и всех святых. Молиться их просил Сергей, чтобы десница Вседержителя дала ему твердую решимость встать у престола славы Живоначальной Троицы и коснуться руками Агнца Божьего, за мир закланного Христа, Сына Божьего.

И начал блаженный учить братию, так передавая сказанное Господом: «Старайтесь, братья, войти в узкие ворота; силой берется Царство Небесное, и употребляющие усилие восхищают его». Павел же Галатам говорит: «Плод духа есть любовь, радость, мир, терпение, благоверие, кротость, воздержание». А Давид так сказал: «Придите, дети, послушайте меня: Страху Господню научу вас». И, благословив братию, сказал Сергей им: «Молитесь, братья, обо мне: ведь грубости и неразумия я исполнен. Я талант принял от Небесного Царя и за это ответ должен держать, ведь пекусь о стаде словесных овец. Боязнь внушают мне слова, Господом сказанные: «Если кто соблазнит одного из малых сих, лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили на шею ему и бросили в море». Насколько хуже будет тому, кто многие души утопит из-за своего неразумия! Смогу ли я смело сказать: вот я и дети, которых Ты мне дал, Господи! Услышу ли я этот Божественный голос высших и низших пастыря, Великого Господа, по доброте сердца говорящего: «Добрый раб, верный! Войди в радость Господина твоего».

Так он сказал, воскрешая в уме жития великих светил, которые, во плоти живя на земле, ангельской жизнью прожили, то есть Антония Великого и Великого Евфимия, Саввы Освященного, ангелоподобного Пахомия, Феодосия, создателя монашеского общежития, и прочих²⁰. Их жизни и нравам дивился блаженный, — как они, будучи из плоти, бесплотных врагов победили, ангелам подобны были, дьявола устрашили. К ним цари и люди, удивляясь, приходили, больные различными недугами от них исцелялись, были они и от бед верные избавители, и от смерти быстрые заступники, на дорогах и в море они путь делали легким, нуждающимся обильно подавали, нищих кормильцами были, для вдов и сирот были неистощимым сокровищем, — как сказал Божественный апостол: «Ничего не имели, но всем обладали». Их жития в сердце имея, блаженный молился Святой Троице, чтобы смог неуклонно идти по стопам этих преподобных отцов.

Ежедневно он служил Божественную Литургию, утренние и вечерние молитвы легко произносил — и за смирение всего мира, и за долговечность святых церквей, и за православных царей, и князей, и за всех православных христиан. Говорил он братьям: «Подвиг великий должны мы совершить в борьбе с невидимым врагом: ведь он как лев рыкающий ходит, стремясь каждого растерзать». Наставляя братию, немногие он речи говорил, но гораздо больше пример подавал братии своими делами.

Кто может правдиво поведать о добродетельной жизни его, о благодати, цветшей в душе его? Все больше вооружался он на враждебные силы, а ему силы давала Святая Троица. Часто дьявол хотел устроить Сергия, — иногда в зверей, а иногда в змей преображаясь. И в собственном облике — либо в келье, либо в лесу, когда блаженный дрова собирал для нужд монастырских, — внезапно враг разными злыми способами старался мысли Сергия отвлечь от молитвы и от добродетельных трудов его. Богоносный же отец наш Сергей все враждебные его наваждения и козни разгонял, как дым, и, как паутину, разрывал, силой креста вооружаясь, евангельское слово в сердце сохранял, сказанное Господом: «Я дал вам власть наступать на змею, и на скорпиона, и на всю силу вражию».

NB *Пока ученики Сергия не достигли каждый своей духовной полноты и особенностями, как их учитель, число их не могло увеличиться. Когда же они «созрели», семена истины стали распространяться во все стороны. По всей видимости, число 12 оптимально для передачи ученикам серьезных фундаментальных знаний и для духовного собеседования. А вот число 25 (количество человек в семинарских группах в современном вузе) — от лукавого! Сэкономили в деньгах, но выиграли ли в главном?*

В начале игуменства его было братии двенадцать человек монахов, не считая самого игумена, тринадцатого. В числе двенадцати человек собрались монахи, и так они жили и два года, и три, ни больше их не становилось, ни меньше. Если один из них или умирал, или уходил из обители, то другой брат на его место приходил, так, чтобы число их не уменьшалось. Но только лишь в числе двенадцати они жили, так что некоторые об этом говорили: «Что же будет? Или всегда двенадцать монахов будет на месте этом, по числу двенадцати апостолов, как написано: «Призвал Господь учеников Своих, и избрал из них двенадцать, и апостолами назвал их»; или по числу двенадцати племен израильских; или по числу двенадцати источников воды;

или по числу избранных камней драгоценных двенадцати, бывших на ризах архиерейских по чину Аарона?» И так монахи жили, пока не пришел к ним Симон, архимандрит Смоленский, и он разрушил число двенадцать; и с тех пор, с того дня, братия умножалась все более, и уже они исчислялись большим числом, чем двенадцать.

рошим чернецом и в жизни чистой преуспееет, такому Сергей разрешал принять святую схиму.

Когда же началось игуменство его, когда преподобный Сергей прославился в месте этом, в монастыре, названном «который в Радонеже», когда имя его стало известно всюду, в разных местах и городах (ведь может добродетель озарить того, кто обладает ею, не меньше, чем свеча несущего ее), тогда многие, любящие Христа, ради любви к Богу издалека стали приходить к нему; оставляли они жизни суету и под благой ярем Господа свои шеи подставляли. Ведь всегда к Сергию ученики приходили: обращались они к источнику благодатей — к его добродетельной душе, подобно оленям словесным, жаждущим воды духовной.

Такой был обычай у блаженного сначала: после навечерия позднего или совсем глубоким вечером, когда уже наступала ночь, особенно же в темные и долгие ночи, завершив молитву в келье своей, выходил он из нее после молитвы, чтобы обойти все кельи монахов. Сергей заботился о братии своей, не только о теле их думал, но и о душах их пекся, желая узнать жизнь каждого из них и стремление к Богу. Если слышал он, что кто-то молится, или поклоны совершает, или работой своей в безмолвии с молитвой занимается, или святые книги читает, или о грехах своих плачется и сетует, за этих монахов он радовался, и Бога благодарил, и молился за них Богу, чтобы они до конца довели добрые свои начинания. «Претерпевший, — сказано, — до конца — спасется».

Если же Сергей слышал, что кто-то беседует, собравшись вдвоем или втроем, или смеется — негодовал он об этом и, не терпя такого дела, рукой своей ударял в дверь или в окошко стукал и отходил. Таким образом он давал знать им о своем приходе и посещении и невидимым посещением праздные беседы их пресекал. Затем утром на следующий день призывал он к себе провинившихся; но и здесь не сразу запрещал им беседы, и с яростью не обличал их, и не наказывал их, но издалека, тихо и кротко, как будто притчи рассказывая, говорил с ними, желая узнать их прилежание и усердие к Богу. И если был брат покорным, и смиренным, и горячим в вере и в любви к Богу, то вскоре, поняв свою вину, со смирением он падал и склонялся перед Сергием, умоляя простить его. Если же был брат непокорным, с сердцем, исполненным помрачением бесовским, и стоял, думая, что не о нем говорит святой, чистым себя почитая, пока преподобный терпеливо обличал его, как сказано: «Пусть накажет меня праведник милостью своею, пусть обличит меня», — то на такого непокорного брата игумен епитимию²¹ накладывал, потому что тот не понял своей вины и не осознал своих грехов; и так провинившегося, на путь исправления наставив, он отпускал. Таким образом Сергей всех учил прилежно молиться Богу, и не беседовать ни с кем после повечерия, и не ходить из своей кельи по чужим кельям без большой необходимости в чем-либо нуж-

ном, но в своей келье каждому втайне молиться Богу наедине и заниматься по возможности своей работой, которую руки его могут делать, во все дни псалмы Давида всегда на устах своих имея.

ОБ ИЗОБИЛИИ ВСЕГО НУЖНОГО

Сначала, когда начинала устраиваться обитель эта, тогда многого не хватало; лишены были монахи всего необходимого из-за совершенной бедности и безлюдности того места, так что ждать им неоткуда было какого-нибудь утешения, а также всяких нужных вещей, и неоткуда было им получить что-либо нужное. Ведь пустынным было место то, и не было тогда вокруг места того ни сел поблизости, ни домов. Долгое время и дороги хорошей не было к месту этому, но по одной узкой и плохой, и неудобной дороге, как по бездорожью, вынуждены были приходить к монастырю. Большая и широкая дорога проезжая была далеко, на большом расстоянии от места того проходила; вокруг же монастыря того было безлюдно, со всех сторон леса, всюду пустыня: пустыней справедливо называлось это место. Так жили монахи, пока не прошло много лет, — я думаю, больше пятнадцати.

Через некоторое время — думаю, что во времена княжения князя великого Ивана, сына Ивана, брата же Симеонова, — начали приходить сюда христиане, проходя через леса те, и понравилось им здесь жить. И многие люди захотели остаться там, начали по обе стороны места этого селиться и начали рубить леса те, — ведь никто не запрещал им. И сделали они себе многие выселки, прежнюю изменив пустыню, и, не пощадив ее, преобразили пустыню в широкое чистое поле, которое и теперь мы видим. И построили они села, и дома многие, и засеяли поля, и собрали урожай, и умножилось весьма их число, и начали они приходить и часто посещать монастырь, принося разнообразные и различные нужные вещи, которым не было числа. Но мы теперь эти размышления оставим, а к прежнему повествованию вернемся, — к тому, о чем в начале главы я начал говорить: о всяческой бедности и недостатках в нужных вещах, без которых нельзя обойтись.

Когда сначала устраивалось место это, когда немного братьев жило здесь, когда немного было людей, приходящих и приносящих все нужное, — тогда часто недостаток ощущался в необходимых вещах, так что много раз с утра и хлеба не хватало. Да и кто может перечислить все лишения, которые испытывал преподобный отец наш Сергей? В первое время, когда начиналось устройство места этого, порой не было хлеба, и муки, и пшеницы, и всякой пищи; иногда же не было масла, и соли, и всяких съестных припасов; порой не было вина, чтобы обедню служить, и фимиама, чтобы кадить; иногда не было воска, чтобы свечи делать, и пели монахи ночью заутреню, не имея свеч, но только лу-

чиной березовой или сосновой светили себе, и так вынуждены были каноны петь или по книгам читать, и так совершали ночные службы свои. Преподобный же Сергей всякую нужду, и затруднение, и всякую скудость, и лишения терпел с благодарностью, ожидая от Бога большой милости.

Случилось однажды такое испытание, — потому что с испытанием свершается и милость Божья: как-то не было хлеба и соли у игумена, и во всем монастыре истощилась всякая еда. А была заповедь у преподобного игумена для всех братьев такая: если когда-нибудь приключится такое испытание — или хлеба не будет, или кончится всякая еда, — то не выходить за этим из монастыря в деревню какую-нибудь или в село и не просить у мирян нужного для пропитания, но сидеть терпеливо в монастыре, и просить, и ждать милости от Бога. Как братьям он повелевал и заповедовал, так и сам поступал, и терпел, и оставался три или четыре дня без всякой еды.

Когда прошло три дня и четвертый уже наступал и светало, Сергей взял топор, и пришел к одному из старцев, живущему в монастыре его, по имени Данило, и сказал ему: «Слышал я, старче, что хочешь ты сени соорудить перед кельей своей. И я для этого пришел, чтобы руки мои не были праздными, — построю сени тебе». В ответ Данило сказал ему: «Да, я очень хочу и давно собираюсь это сделать, но жду плотников из села. С тобой договариваться боюсь, как бы ты большую плату не взял с меня». Сказал ему Сергей: «Я не очень большую плату прошу у тебя, но нет ли у тебя гнилого хлеба, потому что очень хочется мне поесть такого хлеба. Ничего же другого сверх этого я не прошу, не нужно мне никакой платы: у меня нет и такого хлеба. Не говори, старче, что ты будешь ждать другого плотника вместо меня; кто у тебя будет лучшим плотником, чем я?» Старец же Данило вынес ему решето гнилого хлеба, наломанного, и сказал: «Если вот такого захотелось тебе, то вот, я охотно отдаю тебе; а больше этого у меня нет». Отвечал Сергей: «Довольно мне и этого, и это больше, чем нужно мне. Но только сохрани хлеб до девяти часов, потому что я прежде, чем руки мои не потрудились и до работы, платы не беру».

И сказав это, опоясал чресла свои крепко и начал работать и тесать с утра до вечера. И доски все обтесал, также и столбы обработал и поставил, с Божьей помощью сени построил к вечеру и поставил их. Уже поздно, в вечернее время, Данило-старец снова вынес ему решето хлебов тех, плату за дело рук его. Сергей же взял хлеб, и положил его перед собой, и попросил в молитве благословения, и начал есть хлеб с водой, а другого не было ничего — ни вареного, ни соли, ни питья; было это ему и обедом, и ужином. Некоторые из братии видели, что из уст Сергея как будто дымок исходил, когда он такой ел хлеб. Тогда, друг к другу наклонившись, говорили они: «Вот, братья, каково терпение мужа этого и воздержание Сергея! Ведь он четыре дня ничего не

ел и на четвертый только поздно гнилым хлебом голод свой утоляет и усмиряет, и хлеб гнилой не даром, но, дорогой ценой получив, ест».

Один же из братьев возроптал тогда на Сергия: ведь не ели они больше двух дней. И возмутились иноки, оставшись без еды, и пришли они к Сергию, и стали они его ругать и поносить, говоря: «Заплесневел хлеб у нас! Доколе нам к мирянам не ходить просить хлеба? Вот мы на тебя смотрели, как ты учил нас; послушались мы тебя и теперь вот умираем от голода. Поэтому утром рано уйдем с этого места куда нужно за едой, и больше мы не возвратимся сюда, не в силах будучи терпеть здесь лишений и скудости». Не все, однако, роптали, но некий брат, один из них.

Из-за него Сергей всю братию созвал: видя, что они ослабели и опечалены, преподобный Сергей малолушие их своим терпением, и кротким нравом, и мягкостью исправить хотел. Он получал их словами Святого Писания, из Ветхого и Нового Заветов, говоря так: «Зачем скорбите, братья? Зачем смущаетесь? Уповайте на Бога; ведь написано: «Посмотрите на древние роды и увидите: кто уповал на Бога — был постыжен когда-либо? Или кто верил в Господа — и посрамлен был? Или кто пребывал в Страхе Его — и оставлен был? Или кто призывал Его — и не был услышан и презрен был Им?» Ведь говорит Господь: «Не Я ли есть податель пищи, и урожай хлеба приносящий, и житницы наполняющий, и кормитель всего мира, и питатель вселенной, дающий пищу всякой плоти, дающий пищу в свое время, раскрывающий руку Свою, насыщая все живущее по благоволению?» И в Евангелии Господь сказал: «Ищите и просите прежде всего Царствия Божьего и правды Его, и это все приложится вам. Посмотрите на птиц небесных, которые не сеют, не жнут, не собирают в житницы, но Отец Небесный кормит их: лучше ли они вас, маловерные? Терпите поэтому, ведь терпение нужно вам: терпением вашим спасайте души ваши; претерпевший же до конца спасется». А вы ныне из-за голода скорбите, который на короткое время для испытания с вами приключился. Но если вы будете терпеть с верой и с благодарностью, то пользу вам принесет испытание это и большую выгоду: ибо благодать Божья всем дается не без испытания, как в Лествице сказано: «Без искуса золота не бывает; после скорби мы на радость надеемся, потому что следует за скорбью радость: ведь вечером, — сказано, — водворится плач, а наутро радость». И у вас сейчас недостает хлеба, и не хватает всякой пищи сегодня, а завтра множеством еды всякой нужной и обилем всякой пищи и питья вы насладитесь: я верю, что не оставит Бог места этого и живущих здесь».

И когда еще Сергей это говорил, кто-то вдруг постучал в ворота. Привратник, быстро посмотрев в глазок, увидел, что принесли много пищи необходимой; он от радости — ведь и он был голоден — и ворот не открыл, и, повернувшись, стремительно побежал и явился к преподобному Сергию, говоря: «Отче! Благо-

слова принесших хлеб! Благодаря молитвам твоим получили мы много еды необходимой, и все это находится у ворот». Преподобный же велел: «Быстрее откройте ворота, чтобы люди вошли внутрь». Когда открыли ворота, увидели привезенную в монастырь пищу на телеге и в корзинах. И прославили братья Бога, пославшего им эту пищу и ужин удивительный, приготовленный на земле, чтобы накормить их и души алчущие насытить, чтобы напитать их в день голода.

Преподобный Сергей повелел монахам позвать к столу тех, кто привез еду, и сказал монахам так: «Вы сами голодны, но насытите сытых досыта, накормите кормящих вас, напитайте питающих вас, и угостите их, и почитите: ведь достойны они угощения и почитания». Сам он не сразу взял принесенную ему готовую еду, хотя и очень голоден был, но сначала повелел бить в било, и вошел с братьями в церковь петь молебен, и великую благодарность и хвалы воссылал к Богу, не оставляющему надолго рабов Своих, страдающих ради Него. Выйдя из церкви, Сергей сел с братьями за трапезу, а перед ними положены были свежее испеченные хлеба эти, только что принесенные. Преподобный встал и совершил молитву, и благословил, и преломил, и разделил хлеб, и дал чернецам своим; и ели все, и насытились, прославили Бога, так накормившего их. Были же хлеба теплыми и мягкими, как обычно бывает свежее испеченный хлеб. Вкус же их удивительным каким-то и непонятным казался, словно медовой некой сладостью были наполнены, насыщены и пропитаны, как будто с маслом постным они были испечены и приготовлены, будто какие-то в них пряности были положены ароматные, и вкус постный, как кажется, и от этого они имели. Так же и в древности некогда в пустыне Бог манну послал израильтянам, о которых сказал Давид-пророк: «Дождем послал им манну в пищу и хлеб небесный дал им. Хлеб ангельский ел человек, пищу послал Бог им в изобилии, и они ели, и насытились весьма». И нерукотворной поистине казалась ниспосланная пища.

Так показал Бог преподобному Сергию плоды терпения и воздержания его, которые претерпел он в течение четырех дней. Страдая от голода и жажды, с голодом борясь, терпел он Бога ради, как сказал пророк Давид: «Терпение бедных не погибнет до конца; плоды трудов твоих ешь; блажен ты, и добро тебе будет». За хлебы эти гнилые Бог такую вкусную послал ему пищу, вместо гнилых хлебов не гнилые, но свежее испеченные, вкусные, ароматные, вместо истлевающих нетленные, земными благами наслаждение. Это только еще в настоящей жизни, а в будущей жизни Бог пошлет вместо земных благ небесные, вместо временных благ наслаждение вечными, как сказал апостол: «Того глаз не видел, и ухо не слышало, и на сердце человеку не приходило то, что приготовил Бог любящим Его и хранящим заповеди Его». Не только Сергию одному, но и всякому, кто от всей души возлю-

бил Бога, и выполняет волю Его, и хранит заповеди Его, будет воздаяние великое.

Когда ела братия, сказал преподобный: «Где тот брат, который раньше роптал и сказал, что хлеб заплесневел? Пусть он увидит теперь и поймет хорошо, что не заплесневелые у нас хлебы, но весьма вкусные и мягкие. Как не вспомнить пророка, говорящего: «Я пепел как хлеб ел и питье мое слезами растворял». Потом начали расспрашивать, чей это хлеб, и где принесли его, и кто послал их. И смотрели монахи друг на друга, допытываясь и расспрашивая один другого. Никто не мог до конца понять случившегося, пока преподобный не спросил их: «Не говорил ли я вам: позовите есть привезших хлебы эти, где же они теперь? Почему они с самого начала не ели с нами?» Монахи же ответили: «Мы, как ты сказал, звали их и о хлебах спросили их, говоря: «Чей это хлеб, который сюда послан с вами?» Посланные же сказали: «Один христианин, очень богатый, живущий в дальних странах, послал хлеб на имя Сергия и живущих с ним братьев». И снова монахи, по велению Сергия, посланных позвали на обед. Те же не захотели, но пожелали обратно идти; и вот исчезли из глаз монахов. Это было удивительно, что тогда монахи не поняли, не уразумели, кто привез хлеб этот и кто послал их. Братья только пришли к игумену, в удивлении говоря: «Отче! Как пшеничный хлеб, с маслом и с пряностями испеченный, остался теплым, — ведь он издалека привезен?» На другой день также много пищи привезено было в монастырь, и еды, и питья. Вновь на третий день, с другой стороны, таким же образом, как мы только что рассказали, привезена была пища.

Игумен Сергий, видя и слыша это, со всеми братьями прославил Бога, говоря: «Видите ли, братья, что заботящийся обо всех Бог не оставит места этого, и никогда не оставляет рабов Своих, вместе иночествующих, живущих на месте этом, работающих для Него денно и ночно и терпящих все с верой и с благодарностью?» Напоминал братьям старец слова, Павлом-апостолом сказанные: «Имея пищу и одежду, тем довольны будем»; «а ни о чем бесполезном, — говорил Сергий, — не нужно заботиться, но следует уповать и взирать на Бога, Который может кормить нас, и одевать, и обо всех наших делах заботиться: и от Него следует ожидать всего, что нужно доброго и полезного душам и телам нашим. Помолимся Богу, чтобы Он заботился о нас, и будем надеяться на Него всегда; ведь Он в древности израильтян, столь жестоких и непокорных, накормил такое множество тысяч в пустыне, и впоследствии также не раз насыщал многих: «Одождил на них манну в пищу и хлеб небесный дал им. Хлеб ангельский ел человек, они просили, и налетели перепелы, и Бог одождил на них, как пыль, мясо, и, как песок морской, птиц пернатых; они ели и насытились весьма». Сам Бог теперь о нас будет заботиться, — сказал Сергий, — ведь Он не стал силой слабее теперь, и заботы Его не преуменьшились, но

как прежде в древности, так и теперь нам всегда сможет пищу подавать».

С тех пор уже монахи привыкли больше не роптать в печали и в лишениях, если когда-нибудь случались лишения, или скудость, или недостаток в необходимых вещах. Но все терпели с усердием и с верой, надеясь на Господа Бога, залогом имея преподобного отца нашего Сергия.

О БЕДНОСТИ ОДЕЖДЫ СЕРГИЯ И О НЕКОЕМ КРЕСТЬЯНИНЕ

Рассказывали некоторые из монастырских старцев о преподобном Сергии, что одежда новая никогда не прикрывала тело его, ни сукно немецкое нарядное, разукрашенное, — ни синего цвета, ни багряного или коричневого, ни других многих различных ярких цветов, ни белая или пышная и мягкая одежда: «Мягкие одежды носящие, — сказано, — находятся в домах царских». Но только из сукна простого, то есть из сермяги, одежду, из шерсти и из руна овечьего спряденного связанную, и ту простую, и не окрашенную, и не выбеленную, и не разукрашенную, но только из грубой шерсти, то есть из сукна, он одежду носил, ветхую, не раз перешитую, и неотстиранную, и грязную, и многим потом пропитанную, а иногда даже и с заплатами.

Иногда же и так получалось: однажды нашлось у братьев сукно некое негодное — и плохое, и некрасивое, так что оно даже полиняло, — и вся братия с презрением гнушалась им и отворачивалась. И если какой-нибудь брат это сукно брал, то, немного подержав его, назад возвращал и бросал; так делал и другой, и третий, вплоть до седьмого. Преподобный же не отвернулся, но аккуратно взял сукно, благословил, и начал кроить, и шить, и сделал рясу, которую не погнушался надеть. И не захотел снять ее и выбросить ее, но, напротив, начал с благодарностью на теле своем носить ее, пока через один год она, обветшав, не разорвалась и не распалась. Отсюда можно понять, сколь усерден был Сергий в своем смирении, если ходил в облачении нищего.

Ведь на нем обычно была весьма плохая одежда, которую он каждый день носил, так что если бы кто-нибудь не видел его, и совершенно не знал его, и посмотрел на него где-нибудь, одетого в такую одежду, то не подумал бы, что это сам игумен Сергий, но решил бы, что это один из иноков, нищий, и убогий, и пришелец, работник, на всякой работающий работе. И если попросту сказать: настолько бедную одежду он носил, что она была беднее и хуже, чем у любого из иноков его, так что некоторые, не знающие его, из-за этого могли смутиться и впасть в заблуждение; так и случилось, что многие впадали в обман и ошибались, и я вам об одном крестьянине подробно рассказать постараюсь.

Когда слух о жизни преподобного этого широко распространился, тогда много людей из различных мест посетить его прихо-

дили, желая лишь увидеть его, и те, кто видел его, возвращались восвояси и, друг другу рассказывая о Сергии, удивлялись. Услышав об этом, некий человек, христианин, поселянин, пахарь, земледелец, живший в селе своем, пашущий землю плугом своим и своим трудом питающийся, живший в отдаленных краях, слыша много о Сергии, желанием возгорелся увидеть его. Однажды, освободившись от работы, пришел он в монастырь Сергия; а до этого он никогда не видел святого. В то время получилось так, что преподобный мотыгой работал, в огороде копал землю для насаждения какой-то огородной зелени. Когда пришел усердный земледелец этот, чтобы увидеть Сергия, начал он искать святого и спрашивал: «Кто здесь Сергей и где чудесный и славный этот муж, о котором я слышал столько? И как мне увидеть его?» И у каждого из братьев он допытывался, спрашивал и умолял, чтобы ему показали того, кого он ищет. Братья же сообщили ему: «В огороде он, один уединившись, копает землю. Немного потерпи, пока он не придет». Тот в большом нетерпении не дождался, но, прикинув к щели, увидел блаженного в бедной одежде, весьма рваной и залатанной, в поте лица трудящегося. Он никак не мог подумать, что это тот, кого он хотел увидеть, которого он ищет, и никак не верил, что это тот, о котором он слышал. Снова земледелец приставал к братьям, досаждая им и говоря: «Почему вы не укажете мне того, к которому я издали поклониться пришел? — и дело важное у меня есть к нему». Они же сказали: «Мы показали тебе его, и ты его видел в щель. Если же не веришь нам, то убедишься в этом, увидев его снова». Он же упрямо не хотел верить, но около дверей стоял, неизвестно откуда ожидая Сергия.

Когда же преподобный, сделав дело свое, из-за ограды в монастыре появился, монахи быстро указали на него земледельцу, говоря: «Вот тот, кого ты желал увидеть». Но этот земледелец отвернул лицо свое от блаженного, и начал смеяться, и гнушался им, говоря: «Я пророка увидеть пришел, вы же мне сироту показали. Издали я шел, надеясь получить пользу, а вместо пользы ничего не получил. Хотя я и в честный монастырь пришел, но никакой здесь пользы не получил; вы глумитесь надо мной, думаете, что я обезумел. Я святого мужа Сергия, как я слышал о нем, надеялся увидеть в большой чести, и славе, и величии. Ныне же из всего этого в человеке, указанном вами, ничего не вижу, — ни чести, ни величия, ни славы, ни одежды красивой и дорогой, ни отроков, служащих ему, ни спешащих слуг, ни множества рабов, прислуживающих или честь воздающих ему; но все на нем бедное, все нищенское, все сиротское. И думаю я — не он это». Так говорил монахам поселянин этот, земледелец, — и поистине он поселянин, потому что невежда и не смотрит внутренними глазами, но внешними, не знает книжной мудрости, как премудрый Сирах²² сказал: «Человек смотрит на лицо, а Бог зрит в сердце». Этот земледелец внешние вещи видел, а не внут-

ренные, и, на теле блаженного бедную одежду увидев, убедившись, что тот трудами земледельческими занимается, он добродетель старца и нищету хулил, никак не веря, что это тот, о ком он слышал. В мыслях его было какое-то недоверие, и он думал про себя так: «Не может такой муж, честный и славный, в нищете и бедности жить, а я о его многом величии, чести и славе рассказы прежде слышал».

Братия же игумену сказала: «Не смеем и боимся сказать тебе, честный отче, а гостя твоего мы бы отослали отсюда как человека негодного и бесчестного, потому что он невежда и поселянин: он тебе не поклонился, ни чести достойной не воздал, а нас укоряет и не слушает, считая, что мы лжем. Хочешь, мы выгоним его?» Божий человек Сергей, посмотрев на братию, увидел их смущение и сказал: «Ни в коем случае, братья, не делайте этого, ведь он не к вам, но ко мне пришел. Зачем вы обижаете его? Ведь он доброе дело сделал мне, и я вины не нахожу за ним. Если вы находите за ним вину, услышьте Павла-апостола, говорящего: «Если человек впадает в некое прегрешение, вы, духовные, исправляйте такого в духе кротости; и подобает таких людей смирением и кротостью исправлять». И, сказав это, не дождавшись от крестьянина поклона, Сергей сам опередил его, пошел и поцеловал земледельца старательно и поспешно. И с великим смирением Сергей поклонился ему до земли, и с большой любовью по-христиански поцеловал его, и, благословив, весьма похвалил крестьянина, который так о нем подумал. Этот случай дает понять, сколь великое смирение внутри себя имел Сергей, ибо такого поселянина, невежду, который негодовал и гнушался им, святой сверх меры полюбил: потому что насколько гордые почестям и похвалам радуются, настолько радуются смиренные своему бесчестию и осуждению. И не только поцеловал его, но взял его за руку преподобный и посадил справа от себя, едой и питьем насладиться предлагая ему, с честью и любовью обходился с ним. Крестьянин же печаль свою объяснял. «Сергия ради я постарался сюда прийти и его увидеть, но не исполнилось желание мое». Преподобный же Сергей сказал ему «Не печалься! Здесь милость Божья такая, что никто печальным не уходит отсюда. И о чем ты печалишься, что ищешь и чего желаешь, — тотчас даст тебе Бог».

И в то время, пока еще Сергей говорил, вдруг князь некий подошел к монастырю в великой гордости и славе, и полк великий окружал его, бояре, и слуги, и отроки его. Идущие впереди телохранители князя и подвойские крестьянина этого взяли за плечи руками своими и далеко куда-то отбросили его от лица князя и Сергия. И еще издалека князь поклонился Сергию до земли. И Сергей благословил его; и поцеловались они, и сели вдвоем только, а все стояли. Крестьянин же тот бегал вокруг. И кем он прежде пренебрегал и гнушался, к тому теперь стремился, — где бы только посмотреть на него, — и не находил ме-

NB Дан критерий духовного знания и незнания. Не всегда — не тот, кто чего-то не знает, а тот, кто не видит «внутренними глазами», но доверяет лишь очам «внешним» и не слушает тех, кто по своему положению уже знает правду. Так предрасудки толпы мешают людям непредвзято мыслить и видеть суть явления. «Идолами площади и театра» назовет это свойство людей через 300 лет английский философ Фрэнсис Бэкон. Епифаний же объясняет его отсутствием книжной (духовной) мудрости и тем, что невежда — «поселянин», человек «негодный и бесчестный». Однако Сергей быстро исправил «внутреннее зрение» этого поселянина своими «смирением и кротостью», превратив того из любопытствующего в ученика, желающего учиться. Вот вам еще одна педагогическая заповедь!

ста. И спросил он одного из стоящих там: «Кто этот монах, который сидит справа от князя, скажи мне?» Тот посмотрел на крестьянина и сказал ему: «Разве ты не здешний? Не слышал ли ты о преподобном отце Сергии? Говорящий с князем он и есть». Услышав это, крестьянин ощутил стыд и трепет.

Когда же князь из монастыря ушел, тогда этот крестьянин взял с собой некоторых из братии и за себя их молить попросил, и сам с ними и перед ними кланялся до земли игумену, говоря: «Отче! За все мои нечестия и прегрешения прости меня и помоги в моем неверии. Теперь я узнал истину о тебе, отче; что слышал, то и увидел. Преподобный же Сергей простил его, и благословил, и побеседовал с ним душеполезными, утешительными словами, и отпустил его домой. С тех пор человек этот великую веру имел в Святую Троицу и в преподобного Сергия до своей смерти. И через несколько лет он пришел из села в монастырь к преподобному, и постригся в монахи, и, прожив несколько лет в покаянии, и исповедаюсь, и исправляясь отошел он к Богу.

ОБ ИЗВЕДЕНИИ ИСТОЧНИКА

Хочу вам, возлюбленным, рассказ продолжить о славных чудах, которые творил Бог через угодника Своего. Как мы раньше говорили про этого великого пастыря и мудрого человека, когда он в пустыню пришел и один хотел на том месте безмолвствовать, тогда воды не было вблизи от обители. После того как братия умножилась, неудобно весьма было издалека воду приносить. И по этой причине некоторые возроптали на святого: «Зачем, — говорили они, — ты, не подумав, решил на этом месте, где воды нет поблизости, обитель создать?» Так многократно они с упреками говорили; а святой им отвечал: «Ведь я один на этом месте хотел безмолвствовать, Бог же захотел такую обитель воздвигнуть, чтобы прославлялось святое Его имя. Так просите в молитве своей и не отчаивайтесь! Ведь если Бог непокорным лю-

дям еврейским из камня воду источил, то вас, работающих для Него днем и ночью, разве оставит Он?» И отпустил он монахов в их кельи.

Сам же он вышел из монастыря, одного брата взяв с собой, и зашел в глушь леса около монастыря, — а не было здесь нигде проточной воды, как старые люди определенно сказали. Нашел святой в одной канаве немного воды, оставшейся после дождя, и, преклонив колени, начал молиться, говоря так:

Молитва: «Боже, Отец Господа нашего Иисуса Христа, сотворивший небо и землю, и вся видимая и невидимая, создавший человека из небытия, не желающий смерти грешников, но жизни! Молимся Тебе, и грешные, и недостойные рабы Твои: услышь нас в этот час и яви славу Свою. Как в пустыне чудодетствовала крепкая Твоя десница через Моисея, который из камня по Твоему повелению воду источил, так и здесь яви силу Твою. Ведь Ты неба и земли Творец; даруй нам воду на месте сем! И пусть узнают все, что Ты слушаешь боящихся Тебя и имени Твоему славу воздающих, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь».

И когда это сказал святой и место указал, внезапно источник большой появился, который и до сих пор все видят, и из которого черпают для всяких нужд монастырских, благодаря Бога и Его угодника Сергия. Многие исцеления происходят от воды той для приходящих с верой, и различными недугами страдающие исцеление получают. И не только те, кто к самой этой воде приходят, исцеляются, но и те, кто из дальних мест присылают людей, которые черпают воду эту и к себе уносят, и больных своих поят или кропят, — и те исцеление получают. Таких не один или два, но бесчисленное множество есть даже и доньше. И с тех пор источник называли именем Сергия лет десять или пятнадцать. Разумный же этот человек, поскольку он не любил славы, из-за этого негодовал, говоря: «Чтобы я никогда не слышал, как вы моим именем источник этот называете. Ведь не я дал воду эту, но Господь даровал нам, недостойным».

О ВОСКРЕШЕНИИ ОТРОКА МОЛИТВАМИ СЯТОГО

Некий благочестивый человек, живущий в окрестностях монастыря того, имел веру великую в святого Сергия. Сын же человека этого, малолетний отрок, единственный ребенок его, от болезни страдал. Отец отрока, зная Сергия добродетель, понес сына в монастырь к святому, размышляя так: «Если только живым донесу его к человеку Божьему, он обязательно выздоровеет». Принес он сына в монастырь, умоляя святого помолиться.

Но пока человек этот просьбу излагал, отрок, жестокой болезнью страдавший, ослабел и испустил дух. Когда увидел человек этот, что умер сын его, он всякую надежду утратил и заплакал: «Увы! — говорил он. — О, человек Божий! Я с верой и сле-

зами в безмерной печали к тебе пришел, надеясь утешение получить, а теперь вместо утешения вверг себя в большую печаль. Лучше бы мне было, чтобы в моем доме отрок мой умер! Увы мне! Что делать? Что этого страшнее или хуже?» Пошел человек приготовить гроб, чтобы похоронить умершего сына, а тело ребенка оставил в келье. Святой же сжалился над человеком этим, преклонил колени и начал молиться за умершего. И внезапно отрок ожил, и душа к нему возвратилась, и начал он двигаться.

Пришел отец отрока, неся все, что нужно для погребения; увидев его, святой сказал ему: «Зачем ты, человек, трудишься, неверно помыслив: отрок твой не умер, но жив». Тот же не мог поверить: ведь был убежден он, что сын его умер. И пришел он,

PS Почему это истинные чудотворцы так не любят, чтобы об их чудесах узнавали другие? Какое-то в этом есть «правило чудотворения», заключающееся в том, что чудеса нельзя планировать заранее: не ты — податель чуда, а Всевышний, ты же — только посредник. И когда протечет через тебя благодать — никогда не известно. Другой же сделает «на копейку», а трубит «на рубль».

и нашел сына живым, как сказал святой; и припал он к ногам человека Божьего, благодарность ему принося. Святой же ему сказал: «Ошибся ты, о человек, и не знаешь, что говоришь: потому что отрок твой, когда нес ты его сюда, по пути от холода ослабел, и тебе показалось, что он умер. Теперь же он в теплой келье согрелся, а ты думаешь, что он ожил. Ведь не может ожить никто до общего воскресения». Но человек упорствовал, говоря: «Он твоими молитвами ожил». Святой же запретил ему так говорить, сказав: «Если разгласишь это, сам себе навредишь и отрока окончательно лишишь». Тот обещал никому не говорить;

и, взяв отрока здорового, ушел в дом свой. Молчать он не мог, а разглашать не смел; но только про себя удивлялся, хвалу воздавая Богу, совершающему удивительные и славные вещи, «которые видели, — как сказано, — глаза наши». Известно же стало чудо это от ученика святого.

О БЕСНОВАТОМ ВЕЛЬМОЖЕ

Жил далеко от Лавры преподобного отца нашего один вельможа на реке, называющейся Волга. Этот самый вельможа от беса мучился жестоко, непрестанно, днем и ночью, так что он даже железные путы разрывал. И ничем не могли его удержать, даже десять или более мужчин крепких; потому что одних он руками бил, других же зубами кусал. Так, от них убегая в пустынные места, там жил, жестоко мучаясь от беса, пока снова не находили его и, связав, не вели его в дом.

Жалеющие его люди услышали про святого, о том, что творит Бог чудеса ради него, и, поразмыслив, повели безумного в монастырь к человеку Божьему. В пути со многими трудностями

столкнулись те, кто вел его; он, беснуясь, громким голосом кричал: «О, какое несчастье! Куда вы меня силой ведете, хотя я не хочу даже слышать, а тем более видеть Сергия нисколько? Верните меня снова в дом мой!» Но они, хотя тот и не хотел, силой тащили его. И когда приблизились к монастырю, он, беснуясь, пути разорвал и на всех набросился, говоря: «Не хочу туда, не хочу! Я возвращусь назад, откуда пришел!» Такой он рев издавал, как будто сейчас лопнет, так что и в монастыре вопль и крик был слышен. Сообщили об этом святому; блаженный же повелел в било ударить, и когда братия собралась, он начал петь молебен за больного. И тогда беснующийся начал понемногу успокаиваться. Когда привели его в монастырь, преподобный вышел из церкви, неся крест в руке. Когда же он перекрестил его, безумный зарычал громким голосом и отскочил от места того. А около места того была вода, после дождя собравшаяся; увидев ее, больной бросился в нее, воскликнув: «Какое мучение от пламени этого страшного!» И с тех пор он вылечился по благодати Христа и молитвами святого, и разум к нему вновь возвратился, и начал он говорить осмысленно. Когда же спросили его, почему он кричал, он рассказал так: «Потому что, когда привели меня к преподобному и хотел он меня осенить крестом, тогда я увидел пламя огромное, из креста исходящее, которое всего меня окружило. Тогда я бросился в воду: ведь я думал, что сгорю от пламени этого».

Так он оставался в монастыре несколько дней, кроткий и разумный, и, по благодати Христа, ушел здоровым в дом свой, радуясь и славя Бога, и хвалу воздавая святому, потому что благодаря его молитвам, он получил исцеление. После этого по Божьей благодати великим стал Сергей общим помощником для всех. И уже многое множество людей стекалось из различных мест и городов, особенно же монахи, свои обители оставляя, к нему приходили, считая, что лучше жить с ним и от него учиться добродетели. И не только монахи или вельможи, но даже простые люди, которые в селах живут, ведь все считали его одним из пророков.

Однажды святой согласно своему правилу бодрствовал и за братию молился, чтобы Господь помог им в трудностях жизни и подвигах. Когда он так молился, уже поздним вечером, услышал он голос, говорящий: «Сергий!» Он удивился необычному для ночи звуку и, сотворив молитву, открыл в келье окошко, желая узнать, чей это голос. И вот узрел он видение чудесное: появился на небе свет яркий, который всю ночную тьму разогнал; и ночь эта озарена была светом, дневной свет превосходящим в яркости. Услышал он вторично голос, говорящий: «Сергий! Ты молишься за своих детей, и Господь моление твое принял. Смотри же внимательно и увидишь множество иноков, во имя Святой и Живоначальной Троицы собравшихся в твое стадо, которое ты наставляешь». Святой взглянул и увидел множество птиц очень красивых, прилетевших не только в монастырь, но и в окрестности монастыря. И голос был слышен, говорящий: «Как

В Наверное, птицы символизировали крылатые души будущих учеников Сергия. Мимо Епифания не проскользнуло в рассказе старца то, что он сам называл этих птиц красивыми. Они сверкали, переливались, горели и просветили (осветили) всю о-КРЕСТ-ность. Итак, были русичи медведями... — станут ЖАР-ПТИЦАМИ.

много ты видел птиц этих, так умножится стадо учеников твоих и после тебя не истощится, если они захотят по твоим стопам идти».

Святой же дивился такому несказанному видению. Очевидца и свидетеля желая иметь этого видения, Сергий крикнул и позвал известного уже Симона, который близко находился. Симон удивился, что старец зовет его, и скоро пришел. Но все видение не удостоился лицезреть, а только часть света того увидел и весьма удивился.

Рассказал ему святой все по порядку, что он видал и что слышал; и вместе они радовались, душой трепеща от неизреченного видения.

О СОЗДАНИИ ОБЩЕЖИТЕЛЬСТВА

Потом однажды пришли греки из Константинополя, патриархом посланные к святому. Они поклонились ему, говоря: «Всееленский патриарх Константинопольский, владыка Филофей благословляет тебя». Также от патриарха подарки они передали ему: крест, и параманд²³, и схиму²⁴, затем и послание отдали ему. Святой же сказал им: «Подумайте, не к другому ли вы посланы: кто я такой, грешный, недостойный такие дары получить от свейшего патриарха?» Они же сказали: «Мы, отче, ничуть не ошиблись относительно тебя, святой Сергий. К тебе мы посланы». Старец поклонился им до земли. Затем поставил перед ними трапезу, и, хорошо угостив их, он повелел разместить их на отдых в обители. Сам же пошел к митрополиту Алексию, относя послание, полученное от патриарха, и отдал его митрополиту, и сообщил о принесших его. Митрополит же послание повелел прочитать; а написано было следующее:

Послание: «Милостью Божьей архиепископ Константинополя, вселенский патриарх владыка Филофей в Святом Духе сыну и сподвижнику нашего смирения Сергию. Благодать и мир и наше благословение пусть будет с вами! Слышав о твоей в Боге жизни добродетельной, весьма восхвалили и прославили Бога. Но одной вещи еще недостает — общежительство у вас не устроено: потому что все, о преподобный, и сам прародитель Бога пророк Давид, который все охватил разумом, ничто другое так не хвалят, только вот это: «Что может быть лучше и прекрасней, чем жить братьям вместе». Поэтому и я совет добрый даю вам, чтобы вы устроили общежительство. И милость Божья и наше благословение пусть будет с вами».

Старец же спрашивает митрополита: «Ты, святой владыка, что повелеваешь?» Митрополит же в ответ старцу сказал: «По-

скольку, преподобный, ты таких благ сподобился, так как Бог прославляет славящих Его, поскольку дальних мест достигла слава жизни твоей, — поэтому тебе великий и вселенский Патриарх дает совет для великой пользы. Мы также настоятельно советуем так сделать и весьма славим тебя»²⁵.

С этого времени устанавливается в обители святого общежительство. И распределяет блаженный и премудрый пастырь братию по службам; одного ставит келарем²⁶, а других в поварню и для печения хлеба, еще одного назначает немощным служить со всяческим прилежанием; в церкви же ставит, во-первых, епископа²⁷, а потом параклети²⁸, пономарей²⁹ и других. Все это чудесный тот человек хорошо устроил. Повелел он твердо следовать заповеди святых отцов: ничем собственным не владеть никому, ничто своим не называть, но все общим считать; и прочие должности все на удивление хорошо устроил благоразумный отец. Но это рассказ о делах его, а в житии много распространяться об этом не следует. Поэтому мы здесь рассказ сократим, а к прежнему повествованию возвратимся.

Так как все это чудесный отец хорошо устроил, число учеников умножалось. И чем больше их становилось, тем больше вкладов приносили ценных; и насколько в обители вклады умножались, настолько страннолюбие увеличивалось. И никто из бедных, в обитель приходивших, с пустыми руками не уходил. Никогда блаженный не прекращал благотворительность, и служителям в обители наказал нищим и странникам давать приют и помогать нуждающимся, говоря так: «Если эту мою заповедь будете хранить безропотно, воздаяние от Господа получите; и после ухода моего из жизни этой обитель моя эта весьма разрастется, и долгие годы нерушимой будет стоять по благодати Христа». Так была рука его раскрыта для нуждающихся, как река полноводная с тихим течением. И если кто-нибудь оказывался в монастыре в зимнее время, когда морозы суровые стоят или же снег сильным ветром заметается, так что нельзя из кельи выйти, какое бы время он ни оставался здесь из-за такого ненастья, — все нужное в обители получал. Странники же и нищие, а из них особенно больные, многие дни жили в полном покое и пищу, сколько кому нужно было, в изобилии получали согласно наказу святого старца; и до сих пор все так сохраняется. А поскольку дороги здесь из многих мест проходили, то князья, и воеводы, и воины бесчисленные — все получали нужную им достаточную искреннюю помощь, как из источников неисчерпаемых, и, в путь отправляясь, необходимую пищу и питье достаточное получали. Все это служащие в обители святого всем с радостью подавали в изобилии. Так люди знали в точности, где все необходимое находится в храмах, пища и питье, а где хлеб и варения, и это все умножалось из-за благодати Христа и чудесного Его угодника святого Сергия. Мы же к прежнему вернемся и расскажем вот о чем.

ОБ ОСНОВАНИИ МОНАСТЫРЯ НА РЕКЕ КИРЖАЧ

В скором времени вновь началось смятение. Ненавидящий добро враг, который не мог терпеть от преподобного сияющую зарю, видя, что его унижает преподобный, в помыслы вложил братьям противиться наставничеству Сергия. В один из дней, — а день был субботний, — вечерню пели; игумен же Сергий был в алтаре, облаченный в священническую одежду. Стефан же, брат его, на левом стоял клиросе и спросил канонарха³⁰: «Кто тебе дал книгу эту?» Канонарх же ответил: «Игумен дал мне ее». И сказал Стефан: «Кто игумен в месте этом: не я ли раньше пришел на место это?» И другие некоторые слова неподобающие произнес. Услышал это святой в алтаре, но не сказал ничего. А когда вышли из церкви, святой не пошел в келью, но сразу же покинул монастырь, так что никто не знал об этом, и отправился один по дороге, ведущей в Кинелу. Так наступила ночь, и он в пустыне спал; утром же, встав, он пошел дорогой своей и пришел в монастырь на Махрище. И попросил у Стефана, который был в том монастыре, какого-нибудь брата, который смог бы показать ему место пустынное. Многие места обойдя, наконец нашли они место, красивое весьма, — и река была поблизости, называемая Киржач, где теперь монастырь стоит честного Благовещения Пречистой Владычицы нашей Богородицы.

Когда Сергий, как мы раньше сказали, ушел из монастыря, хватились и не нашли его. Тогда все весьма встревожились и отправили повсюду братию искать его, — одних в пустыни, других же в город: ведь не могли они с таким пастырем разлучиться. Один же из братьев пришел к Стефану на Махрище, желая узнать о Сергии. И услышал он, что Сергий в далекую пустыню ушел, желая монастырь построить, и весьма обрадовался. И, хотя в радости хотелось ему идти к святому, но он все же назад возвратился в монастырь, чтобы братию утешить в скорби о святом. Когда же братия услышала о святом, она весьма обрадовалась, и начали приходить к Сергию — иногда по два человека, иногда по три, а иногда и больше.

Сам же отец наш Сергий сначала поставил келью, чтобы в покое пребывать после великого труда. Затем он посылает двух учеников своих к всесвятейшему митрополиту Алексию, прося благословения на основание церкви. Получив благословение, он начал строить церковь, сначала молитву произнеся такую: «Господи Боже сил, в древности Израиль обративший к вере многими великими чудесами и законодателю Моисею многие давший знамения, Гедеону с помощью руна победу предсказавший! Ныне, Владыка Вседержитель, услышь меня, грешного раба Своего, молящегося Тебе! Прими молитву мою и благослови место это, которое по Твоему изволению создано для славы Твоей, в похвалу и честь Пречистой Твоей Матери, честного ее Благовещения, чтобы и здесь всегда славилось имя Твое, Отца, и Сына, и

Святого Духа». Он закончил молитву, и работа успешно пошла благодатью Христовой. И было много людей, помогающих в этом деле, иноков и мирских, — одни кельи строили, другие же службы монастырские. Иногда же и князья и бояре приходили к нему, серебра много давали для построения монастыря. Так по благодати Божьей быстро церковь поставлена была, и множество братьев собралось.

Некоторые из монастыря Святой Троицы, не вынося с духовным учителем разлуки и любовью великой возгоревшись, пошли в город к митрополиту и сказали: «Святой владыка! Знаешь ты, святой владыка, о нашей разлуке с духовным пастырем. Сейчас мы живем, как овцы, не имеющие пастыря; священноиноки, и старцы, и святое Богом собранное братство, не вынося разлуки с отцом, уходят из монастыря; и мы не можем больше не видеть святого его лица. Поэтому если ты соизволишь, Богом данный нам наставник, прикажи Сергию назад вернуться в его монастырь, чтобы не до конца изнемогли мы без него».

Услышал это митрополит от пришедших братьев и немедленно посылает двух архимандритов, Герасима и Павла, некоторые поучения посылая Сергию из Божественного Писания: ведь митрополит его как отец учил и как сына наставлял. Пришли архимандриты те и, поцеловав Сергия, как принято, сказали: «Отец твой, Алексий-митрополит, благословляет тебя. «Весьма, — сказал он, — обрадовался я, услышав про твою жизнь в дальней пустыне, что и там многими прославляется имя Божье. Но подобают тебе тобой построенная церковь и Богом собранное братство, поэтому, кого ты считаешь в добродетели преуспевшим из своих учеников, того поставь вместо себя настоятелем святого монастыря. Сам же назад возвратись в монастырь Святой Троицы, чтобы больше братия, скорбя о разлуке со святым твоим преподобием, из монастыря не уходила. А тех, кто досаждают тебе, я изгоню из монастыря, чтобы не было там никого, кто бы обиды тебе наносил; но только не ослушайся нас. Милость же Божья и наше благословение всегда пусть будет с тобой». Услышав это, святой ответил им: «Так скажите господину моему митрополиту: «Все, что исходит из твоих уст, как из уст Христа, я приму с радостью и ни в чем не ослушаюсь тебя».

Пришли архимандриты и сообщили митрополиту сказанное святым Сергием. Услышав это, митрополит весьма обрадовался совершенному его послушанию; и быстро посылает священников, и они освящают церковь в честь Благовещения Пречистой Владычицы нашей Богородицы, — а церковь та и до сего дня стоит по благодати Христа. Избрал Сергей одного из учеников своих, по имени Роман, и посылает его к митрополиту. И вот, благословив его на священничество и игуменство в новооснованном монастыре, оттуда назад возвращается святой в монастырь Святой Троицы.

Весьма желал святой Сергей, чтобы был Исаакий-молчальник игуменом в монастыре святого Благовещения. Тот же никак не хотел, но, как мы сказали, полюбив безмолвие и молчание, упорно умолял святого, чтоб тот наконец благословил его молчать и ничего совсем не говорить. Святой в ответ на просьбу его сказал ему: «Чадо Исаакий! Если молчать желаешь, наутро, когда закончим Божественную службу, ты приходи к северным дверям, и я благословлю тебя молчать»: Исаакий, следуя словам святого, когда увидел, что закончилась Божественная служба, пришел к северным дверям. Святой же старец, перекрестив его рукой, сказал: «Господь пусть исполнит желание твое!» И когда он благословлял Исаакия, тот увидел, как некое огромное пламя вышло из руки Сергея и всего Исаакия окружило. И с того дня пребывал тот в молчании бесстрастным благодаря молитвам святого Сергея: если порой и хотел тихо что-нибудь сказать, то запрещали ему это святого молитвы. Так пребывал он в молчании до конца дней своих, как сказано: «Я, как глухой, не слышу, и как немой, который не открывает уст своих». Так совершал он подвиги великого воздержания, тело свое удручая или постом, или бдением, или же молчанием, и, наконец, послушанием до последнего своего вздоха. Так он отдал душу свою Господу, к чему и стремился с юности своей.

Когда услышали в монастыре о возвращении святого, вышла братия навстречу ему, и когда увидели они его, то показалось им, что второе солнце воссияло. И из всех уст слышно было: «Слава Тебе, Боже, обо всех заботящийся!» И было чудесным зрелище и умиления достойным: потому что одни руки отца лобызали, иные же ноги, а другие к одеждам прикасались и целовали их, а иные впереди шли только из-за желания увидеть его. Все вместе радовались и славили Бога за возвращение их отца. Что же отец? Духом и он радовался, детей своих увидев вместе.

О ЕПИСКОПЕ СТЕФАНЕ

Поскольку нужно еще о других свершившихся чудесах и о даре пророческом святого вспомнить, к чудесному повествованию обратимся. Сейчас же расскажем о епископе Стефане, который был мужем добродетельным, который был в жизни благочестив, который с детства чистотой сердца светился. Этот во многих добродетелях воссиявший Стефан, скажем мы, любил по-христиански духом весьма блаженного отца нашего святого Сергея. Однажды пришлось ему путь совершать из своей епархии, называемой Пермской, к царствующему городу Москве. Дорога же та, по которой шел епископ, находится от монастыря святого Сергея на расстоянии десяти поприщ или больше. И решил он, торопясь в дороге, тогда не заходить к святому в обитель, но когда возвращаться назад будет, тогда побывать в обители у преподобного.

Когда же находился чудесный епископ Стефан напротив обители святого, он остановился, и произнес «Достойно есть» и положенную молитву, и, поклонившись святому Сергию в ту сторону, где тот жил, сказал так: «Мир тебе, духовный брат!» Блаженный же тогда за трапезой с братьями сидел. Уразумел и он в тот час духом, что сделал епископ Стефан, и, от трапезы святой встав, немного постоял, и молитву совершил, и поклонившись, сказал: «Радуйся и ты, пастух Христова стада, и мир Божий пусть будет с тобой!» Братия же удивилась, что неожиданно встал святой до положенного времени; поняли некоторые из них, что не зря встал святой, но каким-то видением объяснили это. По окончании трапезы начали ученики его спрашивать о случившемся. Он же все открыл им, говоря: «Встал я, когда епископ Стефан шел по дороге к городу Москве и напротив монастыря нашего поклонился Святой Троице и нас, смиренных, благословил». Он указал и место, где это случилось. Некоторые из учеников его поспешили к названному месту, желая точно узнать; догнав тех, кто шел с епископом, они спросили, правду ли сказал Сергей. И они точно узнали, что поистине было так, как сказал святой; они же удивлялись пророческому дару, которым был наделен святой, и хвалу воздали Богу за чудеса, которые Он совершает через святого Своего угодника.

НАЧАЛО АНДРОНИКОВА МОНАСТЫРЯ

Необходимо рассказать и о создании монастырей учениками блаженного, и в дальнейшем об этом будет сказано; сначала же начнем повесть об ученике его по имени преподобный Андроник. Он происходил из города и мест святого Сергия; и, еще юным будучи, он пришел к блаженному отцу в монастырь, и в иноки был пострижен Сергием. И многие годы он оставался в полном послушании, всякими добродетелями будучи украшен. Поэтому и святой очень любил его из-за доброго его нрава и цветущих в нем добродетелей; и молил Бога за него отец, чтобы была славной его жизнь. И через много лет этот чудесный муж Андроник желание возымел обитель создать, и общежительство в ней устроить, и об этом размышлял про себя, и на Бога надеялся, говоря: «Если будет угодно Богу, Он сможет и в жизнь это воплотить».

В то время, как он однажды размышлял об этом, пришел к преподобному Сергию Алексий-митрополит в обитель навестить его: ведь он всегда был исполнен любви великой к святому и был с ним в близости духовной, обо всем советовался с ним. Так беседовали они между собой, и наконец митрополит сказал святому: «Возлюбленный! Одно хочу просить у тебя благодеяние, чтобы оказала мне его духовная твоя любовь». Старец же архиерею ответил: «Святой владыка! В руках твоих все мы, и ничто не запрещено святыне твоей». Архиепископ же сказал: «Хочу я, если

мне Бог поможет, основать и устроить монастырь. Однажды, когда плыли мы из Константинополя в Русские земли, в свою митрополию, ветер сильный бушевал в море, так что корабль был в опасности от большого волнения. И всем смерть страшная грозила, и все на корабле начали молиться Богу. С ними и я в бедствии великом также начал молиться Всесильному Богу, чтобы Он избавил нас от грозящей беды; и обет свой дал Богу: в день какого святого поможет Господь достигнуть пристани, в честь того святого создать церковь. И в тот же час прекратилось в море волнение и спокойствие великое наступило, и мы достигли пристани месяца августа в шестнадцатый день. Я хочу исполнить обет свой; церковь поставить в честь Нерукотворного Образа Господа нашего Иисуса Христа, и устроить хочу монастырь, и создать по благодати Христа общежительство. И я прошу у твоей милости, чтобы ты дал мне возлюбленного твоего ученика и мне угодного Андроника».

Святой же просьбой святителя не пренебрег и отдал ему Андроника. Сделав большой вклад в монастырь, митрополит ушел, взяв Андроника с собой. И он нашел место подходящее для построения монастыря на реке Яузе. Сначала создана была церковь на диво в честь славного Образа Нерукотворного великого Господа Спаса нашего Иисуса Христа. Церковь ту он чудесно украсил и честную икону Образа Христова, которую он сам принес из Константинополя, чудесную и золотом украшенную в церкви поставил, и до сих пор стоит икона по благодати Христа. Поручив наставничество тому Андронику, он все, что нужно для устройства монастыря, даровал ему; и так образовалось общежительство. Вскоре пришел святой Сергей посмотреть сделанное учеником его на то место и, увидев, похвалил его и благословил, говоря: «Господи, взгляни с неба, и посмотри, и посети место это, которое по Твоему соизволению создано для славы Святого Твоего Имени, и благослови его». И, дав полезные наставления, он назад возвратился в свою лавру.

Так повсюду распространилась слава великая о чудесном Андронике монастыре, так что многие к нему стекались. Он же всем хорошо управлял, и насколько стадо умножалось, настолько в больших подвигах он упражнялся, в воздержании великом усердствовал, и во всеобщем бдении, в посте и молитве. И кто расскажет, какие подвиги этот славный муж совершил? Каждого он как отец наставлял и общее согласие поддерживал; он заповедовал и умолял, вооружал на невидимых врагов и тяготы всех носил: ведь он был образцом кротости; такого кроткого учителя благоразумный ученик. Братство же умножалось все больше, и стал монастырь великим и славным из-за благодати Божьей и стараний добродетельного мужа Андроника. Так он благочестиво прожил долгие годы, хорошо охраняя порученное ему Богом стадо; предчувствуя же к Господу свой уход, он вручает стадо своему ученику, по имени Савва, в добродетели весьма прославившие-

муся. И, дав полезные наставления, он к Господу, Которого с младенчества возлюбил, отошел месяца июля в тринадцатый день.

И этот преподобный отец наш великий в добродетелях Савва также руководил преданным ему стадом в благочестии, и чистоте, и в святости большой. И великими князьями, и во всех местах он всеми почитаем был из-за великих его добродетелей и чудесной и славной его жизни. И еще больше умножилось стадо его добродетельных мужей, великих, честных, из которых многие произведены были в честных местах в игумены, а другие в епископы. Так много лет богоугодно и благочестиво пожив, он к Господу отошел, а после смерти чудеса творил. Из них об одном расскажем: некий из учеников его, которого многие знают ныне, священноинок по имени Ефрем, бесом блудным, плотской страстью одолеваем был. Верой побуждаемый, он пришел к гробу преподобного Саввы, и он призывает отца, чтобы тот помог ему в жестоких страданиях: и быстро в тот час получил исцеление.

Позднее в той обители был игуменом Александр, ученик упомянутого выше игумена Саввы, муж добродетельный, мудрый, славный весьма; был там и другой старец, по имени Андрей, иконописец необыкновенный, всех превосходящий мудростью великой, в старости честной уже, и другие многие. Они хорошо управляли обителью, поддерживаемые благодатью Христовой и Божьей помощью. Создали они в обители своей церковь каменную весьма красивую и росписями чудесными своими руками украсили ее на память об отцах своих, а церковь и сегодня все видят, во славу Христа Бога. Так все те чудесные незабвенные мужи устроили и, богоугодно прожив, к Господу отошли, в обитель отцов своих, и пусть удостоит их Бог соучастниками быть славы отцов и небесного царства. Вот и все об этом.

НАЧАЛО СИМОНОВА МОНАСТЫРЯ

Раньше мы рассказывали вам о Стефане, родном брате святого, который привел сына своего Феодора в возрасте двенадцати лет и отдал его в руки святому Сергию; а тот постриг его в иноки. Так оставался Феодор у святого в полном послушании, жизнь добродетельную вел, тело свое изнурял великим воздержанием, так что удивлялись многие этому. Удивительно было и вот что: никогда он свои помыслы от преподобного не утаивал ни ночью, ни днем. Когда же он достиг совершенства и священничества удостоился, появилось у него желание найти место и основать монастырь общежительный. И пришел он, и признался преподобному в мыслях своих, и так было не один раз, но многократно. Святой же, видя упорное таковое желание его, подумал, что это от Бога.

И по прошествии многого времени благоразумный пастырь благословляет Феодора и отпускает; и кто из братии захотел, по-

шел с ним, куда он решит. Он же нашел место очень красивое для построения монастыря, по имени Симоново, около реки Москвы. Услышав об этом, святой пришел посмотреть место это, и, увидев, что подходит место для создания монастыря, он повелел Феодору строить. Феодор же благословение от архиерея получил и создал церковь на том месте в память честного Рождества Пречистой Владычицы нашей Богородицы. Так он устраивает монастырь, все в нем, как полагается, и весьма основательно; и общежительство организовал, как подобает по преданию святых отцов, — для Славы Божьей монастырь чудесный создал. И множество братьев из различных мест собралось, потому что слава великая во всех местах о Феодоре распространялась, так что многие приходили и великую пользу получали от его наставлений.

И видел Феодор светло в добродетелях сияющим, в зрелости и благолепии многом, весьма премудрого и умом рассудительного. Так из-за многих его добродетелей он всеми почитаем был, и день ото дня росла слава о нем, так что порой старец святой Сергей весьма беспокоился о чести и славе его; и молитвы непрестанные к Богу обращал, чтобы не случилось какого-либо Феодору преткновения. Многие же ученики Феодора в добродетелях прославились великих, так что произведены были в честные игумены, а также в епископы в больших городах. Однажды пришлось этому чудесному мужу Феодору в Царьграде быть; и там вселенским патриархом, владыкой Нилом, он очень почтен был и среди архимандритов всех русских высшей чести удостоен, потому что на Руси Симонов досточтимый монастырь Феодора переходит в подчинение патриарха. И во время устройства монастыря на другом месте основана была церковь каменная архимандритом Феодором, прекрасная весьма, в память честного Успения Пречистой Богородицы. Так все это сделано было, и на том месте по благодати Христа устроен был монастырь славный, который и сегодня все видят и почитают. Мы же к прежнему возвратимся, о чем речь идет.

Позднее же Феодор, архимандрит честный, возведен был в архиереи города Ростова, и так прожил он долгие годы весьма славно, как свеча, на подсвечнике горящая. Так он достойно пас порученное ему стадо и к Господу отошел в год 6903 (1395), месяца ноября в двадцать восьмой день. Мы же теперь прекратим этот рассказ о Симоновой обители и к следующим событиям обратимся теперь.

О ВИДЕНИИ АНГЕЛА, СЛУЖАЩЕГО С БЛАЖЕННЫМ СЕРГИЕМ

Однажды, когда еще жил Феодор священный в обители у блаженного Сергия, служил святой Сергей Божественную Литургию с выше упоминавшимся Стефаном, братом своим род-

ным, и с этим Феодором, родственником своим. Известный же Исаакий-молчальник стоял в церкви; и поскольку он был, как мы раньше сказали, муж добродетельный весьма, откровение было ему: видит он в алтаре четвертого служащего с ними мужа, чудесного весьма, а облик его — удивительный и несказанный, светлости великой, — и внешностью он сиял, и одеждami блистал. И во время первого выхода этот ангелоподобный и чудесный муж вышел вслед за святым, и сияло, как солнце, лицо его, так что Исаакий не мог на него смотреть; одежды же его необычны — чудесные, блистательные, а на них узор златошвейный видится. И вот спрашивает Исаакий поблизости стоящего отца Макария: «Что за видение это чудесное, отче? Кто этот явившийся чудесный муж?» Макарий же, удостоенный этого видения мужа великой светлости, — сказал: «Не знаю, чадо, ужасное видение и несказанное я вижу, но думаю, чадо, что он с князем пришел»; ведь тогда был Владимир в монастыре. Они подошли и спросили одного из людей князя, с ними ли пришел священник; и ответил тот: «Нет». И точно узнали они, что ангел Божий служил в алтаре.

Но тогда нельзя было говорить; а по окончании Святой Литургии, улучив подходящий момент, наедине подошли к святому Сергию те ученики его, которые были удостоены чудесного видения, и спросили его о том, кто это. Сергий утаить хотел, говоря: «Что вы увидели чудесного, чада? Служил Божественную Литургию Стефан, брат мой, и сын его Феодор, и я, недостойный, с ними, а больше никакой священник не служил с нами». Ученики же упорствовали, умоляя святого, чтобы он сказал им, и тогда он открылся: «О чада любимые! Если Господь Бог вам открыл, смогу ли я это утаить? Тот, кого вы видели, — ангел Господень; и не только сегодня, но и всегда по воле Божьей служу с ним я, недостойный. Но то, что вы видели, никому не рассказывайте, пока я не уйду из жизни этой». Ученики же удивлены были весьма.

Эти рассказы о создании монастырей учениками святого должны следовать за рассказом об основании монастыря, который был на Дубенке; а о начале этого монастыря рассказ вот какой.

О ПОБЕДЕ НАД МАМАЕМ И О МОНАСТЫРЕ НА ДУБЕНКЕ

Известно стало, что Божьим попусшением за грехи наши ордынский князь Мамай собрал силу великую, всю орду безбожных татар, и идет на Русскую землю; и были все люди страхом великим охвачены. Князем же великим, скипетр Русской земли державшим, был тогда прославленный и непобедимый великий Димитрий. Он пришел к святому Сергию, потому что великую веру имел в старца, и спросил его, прикажет ли святой ему про-

тив безбожных выступить: ведь он знал, что Сергей — муж добродетельный и даром пророческим обладает. Святой же, когда услышал об этом от великого князя, благословил его, молитвой вооружил и сказал: «Следует тебе, господин, заботиться о порученном тебе Богом славном христианском стаде. Иди против безбожных, и если Бог поможет тебе, ты победишь и невредимым в свое Отечество с великой честью вернешься». Вместе с этим святой дал великому князю в помощь двух иноков, из коих один был по имени Александр, прозываемый Пересвет, а другой — Андрей, по прозвищу Ослябя. Великий же князь ответил: «Если мне Бог поможет, отче, поставлю монастырь в честь Пречистой Богоматери». И, сказав это и получив благословение, ушел из монастыря, и быстро отправился в путь.

Собрав всех воинов своих, выступил он против безбожных татар; увидев же войско татарское весьма многочисленное, они остановились в сомнении, страхом многие из них охвачены были, размышляя, что же делать. И вот внезапно в это время появился гонец с посланием от святого, гласящим: «Без всякого сомнения, господин, смело вступай в бой со свирепостью их, нисколько не утруждаясь, — обязательно поможет тебе Бог». Тогда князь великий Димитрий и все войско его, от этого послания великой решимости исполнившись, пошли против поганых, и промолвил князь: «Боже великий, сотворивший небо и землю! Помощником мне будь в битве с противниками Святого Твоего Имени». Так началось сражение, и многие пали, но помог Бог великому победоносному Димитрию, и побеждены были поганые татары, и полному разгрому подверглись; ведь видели окаянные против себя посланный Богом гнев и Божье негодование, и все обратились в бегство. Крестonosная хоругвь долго гнала врагов, множество бесчисленное их убивая; и одни ранеными убежали, других же живыми в плен захватили. И было чудесное зрелище и удивительная победа; те, кто прежде блистали оружием, тогда все были окровавлены кровью иноплеменников, и все трофеи победные носили. И тут сбылось пророческое слово: «Один преследовал тысячу, а двое тму».

Святой же, как было сказано, пророческим обладал даром, знал обо всем, словно находился поблизости. Он видел издалека, с расстояния во много дней ходьбы, на молитве с братией к Богу обращаясь о даровании победы над погаными. Когда немного времени прошло, так что окончательно побеждены были безбожные, все предсказал братьям святой: победу и храбрость великого князя Димитрия Ивановича, славную победу одержавшего над погаными, и из русского войска убитых по имени назвал Сергей, и службу за них Всемилоостивому Богу совершил.

Достохвальный же и победоносный великий князь Димитрий, славную победу над вражескими варварами одержав, возвращается весело в радости большой в свое Отечество. И неза-

NB *Епифаний, когда писал эти строки, не представлял даже того значения, какое имела Куликовская битва для судеб русской истории. Чем дальше мы отодвигаемся от того времени, тем ярче высекаются события тех лет и тем крупнее становится фигура Сергея Радонежского. На Куликовом поле произошла окончательная христианизация русского этноса (см. об этом также с. 207).*

медлительно он пришел к старцу святому Сергию, благодарность принося ему за добрый совет, и Всесильного Бога славил, и за молитвы благодарил старца и братию, в веселье сердца о случившемся все рассказывал, — как показал Господь милость свою к нему; и вклад большой в монастырь дал. Тогда напоминает о своем желании великий князь старцу и то, что он обещал, хочет быстро в жизнь воплотить, — в честь Пречистой Богоматери монастырь построить на месте, подходящем для этого. Старец Сергей пошел и, поислав, нашел место подходящее на реке, называемой Дубенка; и с соизволения великого князя на том месте святой Сергей церковь поставил Успения Владычицы нашей Богородицы, в честь Пречистой Богоматери. В скором времени, благодаря помощи необходимой великого князя, возник монастырь чудесный, всем необходимым наполненный. Поручил святой игуменство ученику своему, по имени Савва, мужу очень добродетельному; он устроил общежитие на удивление хорошо, как подобает для Славы Божьей. И многочисленное братство собралось, а необходимое они достаточно по милости Пречистой Богородицы и до сих пор имеют. Об этом все.

О ГОЛУТВИНСКОМ МОНАСТЫРЕ

В другой раз великодержавный князь великий Димитрий, о котором идет речь, просил святого старца Сергия, чтобы он пошел и благословил место для построения монастыря в честь святого Богоявления в Коломне, в вотчине его, на месте, называемом Голутвино, и чтобы он сам место это благословил и церковь поставил. Преподобный же имел обыкновение всегда пешком ходить; и послушался он великого князя из-за веры его и любви, пошел в Коломну, благословляет место, которое великий князь облюбывал, и церковь поставил в честь Святого Богоявления. Просил его князь, чтобы дал Сергей из учеников своих одного для устройства монастыря, и дал ему святой из учеников своих одного, Григория-священноинок, мужа благочестивого, многими добродетелями исполненного. И вскоре многочисленное братство собралось, и устроено было общежитие по Божьей благодати, монастырь, почитаемый весьма всеми и великим князем любимый, и до сих пор он наполнен всяких благ. И позднее церковь построена была каменная, которая стоит и до сих пор. Так вот это все было.

О МОНАСТЫРЕ ВЫСОЦКОМ

Не следует также умолчать о Высоцком монастыре, о котором в этой главе речь пойдет. Однажды упомянутый уже знаменитый князь Владимир попросил святого Сергия, чтобы он таким же образом пришел в вотчину его, город Серпухов, и благословил место на реке Наре, и воздвиг церковь в честь Зачатия

ВВ *Официально Сергий не был ничьим из княжеского рода духовником. (Его ученики — были.) Но духовный авторитет старца был намного выше, чем даже у духовника великого князя, и распространялся на всю страну. Недавно его называли «игуменом Всея Руси». И Русь та звалась Святой.*

Пречистой Богородицы. Послушался преподобный; ведь все князья в него великую веру всей душой имели, потому что великую пользу и утешение духовное от него получали. И исполняет желание желающего святой: пришел он и названное место благословил и церковь воздвиг. Также просит боголюбивый князь, чтобы дал ему Сергий одного из учеников его, по имени Афанасий. Святой же из-за любви исполнил просьбу, хотя и дорог ему был ученик; ведь был Афанасий в добродетелях муж чудесный, и в Божественных Писаниях очень сведущий, и книги многие руки его до сих пор известны, и поэтому любил его очень старец. Его и оставляет святой строить монастырь и общежительство создавать; что и свершилось. Благодаря молитвам святого устроен был монастырь чудесный и весьма красивый, называемый Высоцким. И собралась многочисленная братия в стадо доброе мужа благочестивого и добродетелями украшенного, этого славного Афанасия; этот монастырь по благодати Божьей и до сих пор стоит, у всех на виду. Об этом закончим, чтобы не распространяться больше. И зачем много писать о насаждении святым плодов духовных? Хорошо известно всем, сколько сам Божий человек, разумный великий пастырь, монастырей построил, и духовные сыновья его, и сыновья сыновей его, как светильники, видны везде и сияют во всех местах светлой и чудесной жизнью всем на пользу. Но мы об этом закончим рассказ, к дальнейшему перейдем, на последующих событиях в жизни святого остановимся. Вот о чем нужно рассказать.

О ТОМ, КАК ХОТЕЛИ СЯТОГО ВОЗВЕСТИ НА МИТРОПОЛИЮ

Блаженный митрополит Алексей, состарившись и видя, что он слабеет и к концу приближается, призывает святого Сергия. Когда Сергий пришел и начали беседовать они, повелел митрополит вынести крест с парамандом, золотом и камнями драгоценными украшенный, и подарил это святому. Тот же со смирением поклонился, говоря: «Прости меня, владыка, но я с юности не носил золото, в старости же особенно хочу в нище-

те жить». Архиерей же ему сказал: «Знаю, возлюбленный, что жил ты так. Но будь послушным: прими то, что мы даем тебе с благословением». Так он возложил дары своими руками на святого как некий залог. Снова начал он говорить и сказал святому: «Знаешь ли ты, преподобный, зачем я призвал тебя и что хочу в отношении тебя сделать?» Святой же ответил: «Как я могу, господин, знать?» Тот же сказал ему: «Вот я управлял, когда Бог поручил мне, русской митрополией, как Богу угодно было. Теперь же вижу, что мой конец приближается, только не знаю дня кончины моей; хочу я при жизни моей найти мужа, который сможет после меня пасти стадо Христово. Но, во всех сомневаясь, лишь тебя я выбрал как достойного выполнить завет истинный: ведь знаю хорошо, что от великих князей и до последнего человека все требуют на это место тебя. И ты сначала сана епископа удостоен будешь, а после моей смерти мой престол унаследуешь».

Святой, когда услышал это, сильно опечалился, ибо весьма суетным делом считал для себя это, и архиерею ответил: «Прости меня, владыка, но выше моих сил ты требуешь; и на это никогда я не соглашусь. Кто я такой, грешный и худший из всех людей?» Архиерей же многие слова привел старцу из Божественных Писаний, желая ими заставить Сергия последовать его воле. Смиранный же человек никак не соглашался, но сказал: «Владыка святой! Если не хочешь, чтобы ушел я, нищий, и не слышал святыню твою, больше не продолжай об этом говорить со мной, бедным, и другому никому не разрешай, потому что никто меня не сможет переубедить». Когда увидел архиерей, что святой в этом непреклонен, не стал он ничего больше ему об этом говорить, побоявшись, как бы святой не испугался и не ушел в далекую пустыню, и тогда он такого светильника лишится. И, успокоив его словами духовными, митрополит отпустил его в родной монастырь.

Через некоторое время, в год 6885 (1378), уходит из жизни митрополит Алексий. И снова начинают господа великодержавные князья умолять святого принять архиерейский сан. Но его, как твердый алмаз, никак нельзя было к этому склонить. Взошел тогда на престол архиерейский некий архимандрит, по имени Михаил, осмелившись надеть одежду святителя и возложить на себя белый клобук. Начал он против святого ополчаться, думая, что будет противиться дерзости его преподобный, желая сам архиерейский престол занять. Услышал блаженный, что ополчается Михаил на него, и сказал ученикам своим, что Михаил, ополчающийся на святую обитель эту, не сможет получить желанного, потому что гордостью побежден, и Царьграда не сможет увидеть. Так и случилось, как пророчил святой: когда Михаил плыл к Царьграду, он недугом был поражен и скончался. И все считали святого Сергия одним из пророков³¹.

О ПОСЕЩЕНИИ БОГОМАТЕРЬЮ СЯГОГО

Однажды блаженный отец молился по своему обычаю перед образом Матери Господа нашего Иисуса Христа и, часто обращая взор к иконе, говорил: «Пречистая Матерь Христа моего, покровительница и заступница, верная помощница рода человеческого! Будь нам, недостойным, защитницей, постоянно моли

ВВ *Это видение Сергия — не есть только факт его личной биографии, свидетельствующий о степени его духовного преобразования. Богородица, покровительница афонских монахов-святогорцев, явилась Сергию на Маковце, признав и утвердив православную веру, распространившуюся в наших северных лесах. «Не покину я обители твоей...» — сказала она. А ведь обителью Сергия вся Русь стала. Вот почему здесь так много Богородичных храмов и ее чудотворных икон: от первой на Руси — Владимирской — до последней в XX в. — Державной. Вот почему, чтобы победить нас, татаро-монголы превратили наш символ святости и вселенской любви в потаскушку, оставив нам в наследство так называемый «матерный» язык, которым мы почему-то очень гордимся. А между прочим тот, кто им пользуется, быстро теряет интеллект и добросердечие. Это серьезная духовная болезнь, трудно излечимая, свидетельствующая о распаде личности. Вспомним наших подростков. Так народ превращается в стадо, жаждающее вожака, а не учителя. Об этом надо говорить с детьми.*

сына Своего и Бога нашего, чтобы не оставил святого места этого, которое создано для похвалы и чести Святого Имени вовеки. На Твою, Мать любимого мною Христа, защиту и молитвы мы надеемся, ибо великую смелость имеют рабы Твои перед Богом, Который для всех — упокоевание и пристанище спасения». Так он молился и пел благодарственный канон Пречистой Богоматери, то есть акафист, а когда он завершил канон и сел немного отдохнуть, сказал ученику своему, по имени Михей: «Чадо! Будь бдительным и бодрствуй, потому что видение чудесное и ужасное будет нам в сей час». И пока он это говорил, вдруг глас раздался: «Се Пречистая грядет!» Святой, услышав, быстро вышел из кельи в пруст, то есть в сени. И вот свет ослепительный, сильнее солнца сияющий, ярко озарил святого; и видит он Пречистую Богородицу с двумя апостолами, Петром и Иоанном, в несказанной светлости блистающую. И когда увидел ее святой, он упал ниц, не в силах вынести нестерпимый этот свет.

Пречистая же своими руками прикоснулась к святому, говоря: «Не ужасайся, избранник Мой! Ведь Я пришла посетить тебя. Услышана молитва твоя о учениках твоих, о которых ты молишься, и об обители твоей, — и не скорби больше: ибо отныне всего будет здесь в изобилии, и не только при жизни твоей, но и после твоего к Господу ухода не покину Я обители твоей, все нужное подавая в изобилии, и снабжая всем, и защищая». Сказав это, стала Она невидима. Святой же в

смятении ума страхом и трепетом великим объят был. Когда он понемногу в себя пришел, увидел Сергей ученика своего лежащим от страха, словно мертвого, и поднял его. Тот же бросился к ногам старца, говоря: «Скажи мне, отче, Господа ради, что это было за чудесное видение? Ведь дух мой едва не разлучился с телом из-за блистающего видения». Святой же радовался душой, так что лицо его светилось от радости той, но ничего не мог ответить, только вот что: «Потерпи, чадо, потому что и во мне дух мой трепещет от чудесного видения».

Они стояли и дивились про себя; наконец святой сказал ученику своему: «Чадо, призови ко мне Исаака и Симона». Когда они пришли, рассказал Сергей все по порядку, как он видел Пречистую Богородицу с апостолами и какие Она дала святому чудесные обещания. Когда ученики услышали это, охватила их радость несказанная; все вместе отпели молебен Богоматери и прославили Бога. Оставался святой всю ночь без сна, думая о несказанном видении.

О ЕПИСКОПЕ, ПРИШЕДШЕМ УВИДЕТЬ СВЯТОГО

Некоторое время спустя пришел некий епископ из Константинополя в великокняжеский город Москву. Многие вещи слышал он о святом, ибо слух великий о нем распространился повсюду, вплоть до самого Царьграда. Был этот епископ неверием одержим относительно святого и говорил: «Как может в этой земле такой светильник появиться, особенно же в последние эти времена?» И решил он пойти в обитель и увидеть блаженного. Когда епископ приблизился к обители, начал он страх ощущать; а когда он вошел в обитель и увидел святого, поразила его слепота. Преподобный же взял его за руку и ввел в келью свою. Тот епископ начал со слезами молить старца, рассказал ему поневоле о своем неверии, а также прозрения просил, окаянным и с правого пути уклонившимся себя называя. Незлобивый же смиренный человек прикоснулся к ослепшим его зеницам, и как будто чешуя отпала от глаз его, и он прозрел.

Сказал преподобный епископу: «Вам, премудрым учителям, подобает учить нас, — не мудрствовать, не возноситься над смиренными. Нам же, неученым и невежам, какую ты принес пользу, только чтобы узнать о неразумии нашем ты пришел. А праведный Судья все видит». Епископ же, который был раньше неверием одержим, с правой верой и громким голосом во всеуслышание признался, что святой — истинный Божий человек, и сказал так: «Сподобил меня Бог увидеть сегодня небесного человека и земного ангела». И отправился он в путь свой, получив полезные и подобающие наставления от преподобного, и славил он Бога и Его угодника святого Сергия.

ОБ ИСЦЕЛЕНИИ МУЖА МОЛИТВАМИ СЯГОГО СЕРГИЯ

Человека некоего, живущего в близлежащих от обители сЯГОГО местях, поразила болезнь тяжкая весьма, так что он двадцати дней мучительно болел, пребывая без сна и пищи. Братья же его родные жалели его, видя, что он долгое время так страдает. Осенила благая мысль сердца их: «Сколько, — говорили они, — Бог творит чудеса через угодника Своего сЯГОГО Сергия; может быть, Он и над нами смиростивится». И так, посовещавшись, они понесли больного к сЯГОГО, и, положив его у ног Сергия, умоляли сЯГОГО помолиться за него. СЯГОГО же взял освященную воду и, молитву сотворив, окропил больного; и в тот же час почувствовал больной, что проходит болезнь его. И вскоре погрузился в продолжительный сон, бессонницу от болезни возмещая; и с тех пор он выздоровел и пищу с этого времени начал принимать. И, радуясь, вернулся в дом свой, великую благодарность воздавая Богу, творящему удивительные и славные чудеса через Своего угодника.

ОБЛИЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ПОПРОБОВАВШЕГО ПОСЛАННУЮ ЕДУ

И это пусть не будет предано забвению. В те времена преждеупомянутый благоверный князь Владимир, который полон был великой веры и любви к преподобному (ведь обитель сЯГОГО находилась в вотчине его), часто навещал Сергия; иногда же необходимые вещи ему посылал. Однажды посылает он таким образом одного из слуг своих к преподобному с различной пищей и напитками на утеху старцу и братьям. Пока шел посланный к обители сЯГОГО, прельщен был сатаной человек этот; взял пищу посланную и попробовал ее; также и напитков отведал. И вот пришел он к преподобному и передает посланное ему по любви благоверным князем. Но прозорливый в чудесах великий тот муж понял прегрешение этого человека, и не захотел принять даров, и, в случившемся упрекая слугу, говорил: «Зачем ты, брат, врага послушался, прельстился и попробовал пищи? То, что тебе не следует до благословения есть, то ты попробовал». Тот же, обличенный сЯГОГО, в грехе своем признался, и, унав в ноги сЯГОГО, плакать начал, и прощения просил за совершенное. СЯГОГО же, приказав ему больше так не делать, простил его. И отпустил слугу, приняв посланное; и, молитву над пищей и напитками совершив, он христолюбивому князю молитву свою и благословение передать приказал. Об этом все, а перед этим случилось следующее.

О ЛИХОИМЦЕ

Некий человек жил около обители сЯГОГО, а был он корыстолюбив, — ведь и до сих пор имеют обыкновение богатые бед-

ных обижать. Этот человек насилие сотворил над своим соседом-сиротой такое: отнял у него борова, откармливаемого для себя, а платы не дал ему, и заколоть повелел борова. Обиженный же пришел и упал к ногам святого, скорбя и плача, и умолял его, о помощи просил. Милосердный же этот человек, утешающий скорбящих, защищающий нищих, помогающий бедным, призывает того насильника и, укоряя, наставляет его так: «Чадю! Вернись ли ты, что есть Бог, Судья праведных и грешных, Отец сирот и вдов, готовый к отмщению, и страшно попасть в руки Его? Как мы не трепещем, но грабим, насильствуем, и бесчисленное зло совершаем, и, не довольные дарованной Богом благодатью, чужого хотим непрестанно и презираем терпение Божье? Не перед глазами ли нашими случаи, когда делающие все это становятся нищими и дома их пустеют; и многие богатые забыты будут, а в будущей жизни их мучение бесконечное ждет». Долго наставлял его Сергей и повелел деньги сироте отдать, говоря: «Больше не обижай сирот». Тот же в страхе обещал исправиться, начать добропорядочную жизнь и обиженному отдать деньги; так он вернулся в дом свой.

Но вскоре стал он забывать о наставлениях святого старца, и решил он не отдавать денег сироте. С такими помыслами вошел он, как обычно, в кладовую свою, — и видит, что туша борова того сгнила, червями вся кишит, а было тогда зимнее время. Тогда страх великий охватил его, и затрепетал он весьма из-за непослушания святому старцу, и не знал, как он предстанет перед лицом Того, от Которого ничего не может утаиться. И тотчас отдал деньги тому, с кем не хотел расплачиваться. Туша же того борова брошена была на съедение псам и птицам, но даже они не прикоснулись к ней для обличения лихоимцев, чтобы они перестали других обижать. Человек тот не мог из-за стыда появиться перед лицом блаженного; и кого он раньше весьма хотел видеть, того поневоле избегал.

О ВИДЕНИИ БОЖЕСТВЕННОГО ОГНЯ

По прошествии некоторого времени служил как-то блаженный Божественную Литургию, а был тогда еkkлeсиархом ученик преподобного Симон, о котором мы выше вспоминали, человек, многими добродетелями украшенный, о котором и сам святой старец говорил, что совершенна его жизнь. И видит этот Симон чудесное видение: когда служил, как рассказывал он, святой, виден был Огонь, ходящий по жертвеннику, осеняющий алтарь и со всех сторон святую трапезу окружающий. А когда святой хотел причаститься, тогда Божественный Огонь свернулся как некая плащаница и вошел в святой потир³²; так преподобный причастился. Симон же, увидев это, ужасом и трепетом охвачен был и про себя дивился. Когда святой вышел из жертвенника, он понял, что Симон видения чудесного удостоен был, призвал его и

сказал: «Чадо, почему устрасился дух твой?» А тот ответил: «Господин! Я видел чудесное видение, как благодать Святого Духа содействует тебе». Святой же запретил ему говорить об этом, сказав: «Никому не передавай о том, что ты видел, пока Господь не возьмет меня из жизни этой». Так они общую хвалу воздали Господу. Об этом все.

О КОНЧИНЕ СВЯТОГО

Жил святой долгие годы в совершенном воздержании, труде, и непередаваемые, несказанные чудесные дела совершил, и старости глубокой достиг, никогда от божественного пения или службы не уклоняясь. И чем больше старел он, тем больше укреплялся и возвышался, в усердии божественных подвигов мужественно и с любовью упражняясь, и никак его старость не побеждала. Но ноги его костенели день ото дня, как будто по ступеням приближались к Богу. Предвидел он за шесть месяцев свою кончину и, призвав братию, вручил игуменство своему самому любимому ученику, в добродетелях совершенному и во всем без исключения следующему своему учителю, и хотя возрастом был он молод, — ум его был весьма сединами убелен; впоследствии он чудесами прославился, о которых следующая повесть расскажет, — по имени Никон. Сергей повелел ему пасти стадо Христово внимательно и праведно, ибо ответ ему придется держать не за себя, но за многих. И с тех пор Сергей, этот великий подвижник в вере благочестивейший, недремлющий хранитель, непересыхающий источник, славный именем, безмолвствовать начал.

И в сентябре месяце недугом телесным был поражен, и видя, что он уже к Богу отходит, чтобы природе отдать долг, дух же любимому Иисусу предать, он призывает священное братство и новособранное стадо. И беседу повел подобающую, и полезным вещам учил, неуклонно в православии оставаться веля, и завещал единомыслие друг с другом хранить, иметь чистоту душевную и телесную, и любовь нелицемерную, от злых и скверных похотей остерегаться, пищу и напитки вкушать трезвенные, а особенно смирением украшать себя, страннолюбия не забывать, от противоречия уклоняться, и ни во что ставить честь и славу жизни этой, но вместо этого от Бога воздаяния ожидать, небесных вечных благ наслаждения. И другому многому Сергей поучал, говоря: «Поскольку Бог зовет меня, я ухожу от вас, передаю Всемогущему Господу и Его Пречистой Богоматери, чтобы Она была для нас прибежищем и стеной от сетей вражеских и козней их». И перед самой смертью, когда должна была душа его с телом разлучиться, он Тела и Крови Владыки причастился, а ученики руками своими его немощные члены поддерживали. Он простер к Небу руки и, молитву совершив, чистую свою и священную душу с молитвой Господу предал, в год 6900 (1392) месяца сентября в 25 день; жил же преподобный семьдесят восемь лет.

Распространилось тогда благоухание великое и неизреченное от тела святого. А братия вся собралась и в плаче и рыдании сокрушалась; и, в гроб честное и трудолюбивое тело положив честно, они псалмами и надгробным пением его провожали. Ученики проливали слез ручьи, кормчего лишившись, с учителем разъединенные; с отцом разлуки не вынося, плакали они, и если бы могли, умерли бы тогда с ним. Лицо же святого было светлым, как снег, а не как обычно у мертвых, но как у живого человека или ангела Божьего, показывая этим душевную его чистоту и от Бога воздаяние за труды его. Похоронили честное его тело в обители, которая им была создана. Сколько после смерти и после кончины Сергия чудесных дел произошло и происходит, ослабленных членов укрепление, от лукавых духов людям освобождение, слепых прозрение, горбатых выпрямление — только от приближения к его раке. Хотя и не хотел святой, как и при жизни, после смерти славы, но крепкая сила Божья его прославила. После кончины перед ним летели ангелы к небесам, двери открывая ему райские и в вожделенное блаженство вводя, в покой праведных, в свет ангельский; и увидел святой то, о чем мечтал, и Всесвятой Троицы озарение получил, как подобает постнику, иноков украшению.

Таково было житие отца, таковые дарования, таковые чудеса его проявления, — причем не только при жизни, потому что чудеса его до сих пор все видят.

Покажи мне в древности прославившихся, сравним с ним тех, что известен добродетельной жизнью и мудростью, и увидим, что поистине святой ничем не хуже был тех ветхозаветных божественных мужей: как великий Моисей и после него Иисус, он вождем был и пастырем людям многим, и поистине незлобивость Иакова имел и страннoлюбие Авраама, законодатель новый, и наследник Небесного Царства, и истинный правитель стада своего. Не пустыню ли он наполнил заботами многими? Разумен был великий Савва, общежителства создатель, но не обладал ли Сергей, как он, добрым разумом, так что многие монастыри общежительные создал? Не обладал ли и он чудотворным дарованием, как до него прославившиеся, так что весьма Бог его прославил и сделал знаменитым по всей земле? Мы восхваляем не того, кто в похвале нуждается, но того, кто за нас молится, кто во всем предавшему себя на мучения Христу подражал. Но не будем удлинять рассказ. Ведь кто сможет по достоинству святого прославить?

**СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ ПРЕПОДОБНОМУ ОТЦУ
НАШЕМУ СЕРГИЮ; СОЗДАНО БЫЛО
УЧЕНИКОМ ЕГО СВЯЩЕННОИНОКОМ ЕПИФАНИЕМ.
БЛАГОСЛОВИ, ОТЧЕ!**

Тайну царскую следует хранить, а дела Божьи проповедовать похвально; ибо не хранить царской тайны — пагубно и опасно, а

молчать о делах Божьих славных — беду душе приносить. Поэтому и я боюсь молчать о делах Божьих, вспоминая мучения известного раба, получившего от господина талант, и в землю его зарывшего, и не пустившего его в оборот. Никто не достоин писать, у кого нечисты внутренние помыслы; таков и я, одержимый страстями, как пленник, многими грехами моими связанный, и к таким славным вещам не следовало бы мне прикасаться, но только лишь в беззаконии моем каяться и заботиться о грехах моих. Но желание бушует меня и мне, недостойному, молчать не дает, и грехи мои тяготеют надо мной, как бремя тяжкое. И что мне делать? Осмелюсь ли, недостойный, начать? Что делать — говорить мне или запретить себе это? Буду ли оплакивать себя, окаянного? Буду ли внимать приходящим на сердце мое блаженным мыслям о преподобном?

Но ты сам, отче, помоги мне, чтобы у недостойного меня не помрачился ум мой, но сам ты (когда и не пишу я в мыслях своих, пусть восстанут они на похвалу тебе), пока я пишу это, вразуми и научи меня. Много раз в уме перебирал свои пороки и слезы из-за них источал, боялся, что не исполню своего желания, — того, что начал, — если ты мне руку помощи не подашь. Ведь не способен я по достоинству хвалы тебе воздать, но только немного из великого рассказать могу. Но, однако, помоги мне восславить тебя, приносящего мольбы за меня, бедного, Христу, Богу нашему. Ведь если другие достойны, я не достоин, стремлюсь и желаю хотя бы крупичицы от трапезы избранных получить; может ведь и множество крупичиц насытить алчущую душу, особенно же духовных отцов учения и душеполезные слова могут не только тело, но и саму душу укрепить и насытить для духовных подвигов: потому что светлая, и сладостная, и просвещающая о наших честных отцах нам сияет память, ибо они, светлой зарей и славой просвещаясь, и нас озаряют. Светлая их память поистине и просвещающая, и всякой почести от Бога и радости достойная, которая ваши боголюбивые души, как возлюбленных сыновей отец, к духовному веселью теперь созвав и, как любимого отца, в светлой этой церкви радостно приняв и с любовью веселя, до плотской духовную вам приготовляет трапезу: их память наполнена радости и веселья духовного и наполнена сладостных Божественных слов, ангельской пищи. Ведь пищей ангельской в Писании духовные слова называются, которыми наслаждается душа и внимает ум; и как пищей тело, так словом укрепляется душа. Сладость слов вкусив, Давид, дивясь, Богу говорит: «Как сладки гортани моей слова Твои, лучше меда устам моим! Повелениями Твоими я вразумлен, потому ненавижу всякий путь лжи». Так же и древние отцы наши и прочие все, кто в посте прославился.

По их стопам следуя и жизни их подражая, всякий путь лжи возненавидел и истину возлюбил тот, о котором мы в написанном раньше слове вспоминали и которого мы сейчас здесь хва-

лим — Сергей, блаженный и преподобный отец наш. Ему поистине подобает удивляться, и его следует прославить: потому что он, хотя был человек, подобный нам, но больше нас Бога возлюбил, и все прелести мира этого, как прах, отверг и презрел, и усердно за Христом последовал, и Бог возлюбил его; так как он угодит Богу искренне старался, Бог возвеличил и прославил его; «славящих Меня, — сказано, — Я прославлю, а уничижающие Меня без чести будут». Кого Бог прославил, кто может того величие скрыть? Следует и нам его поистине достойно прославить и похвалить: ведь похвала наша Сергию не ему пользу приносит, но для нас спасением будет духовным. Поэтому у нас и установился обычай полезный, чтобы почести от Бога святым для последующих поколений в писаниях передавать, чтобы в глубине забвения не погрузились святого добродетели, но, разумными словами о них рассказывая, следует о них сообщить, чтобы принесли они пользу слушателям.

Ведь о добродетели рассказ может многих умилиť, словно жалом уязвить душу и к Богу чистой жизнью подвинуть. Так и он привел к Богу многие души своей чистой и непорочной жизнью,

ВВ *Вот нравственный идеал духовного руководителя народа. Каждый из нас, кто претендует на звание руководителя (от президента до учителя), должен прикоснуться к этому идеалу и развить в себе основные качества НАСТОЯЩЕГО ЧЕЛОВЕКА, собранные в образе Сергея Радонежского. И тогда обстоятельства жизни будут подчиняться нам.*

преподобный игумен отец наш святой Сергей: старец чудесный, добродетелями украшенный, тихий, кроткий нрав имевший, смиренный и добронравный, приветливый и благодушный, утешительный, сладкогласный и мягкий, милостивый и мягкосердечный, смиренномудрый и целомудренный, благочестивый и нищелюбивый, гостеприимный и миролюбивый, и боголюбивый; он был отцам отец и учителям учитель, предводитель вождям, пастырям пастырь, игуменам наставник, монахам начальник, монастырям строитель, постникам похвала, мол-

чальникам поддержка, иереям красота, священникам благолепие, настоящий вождь и неложный учитель, добрый пастырь, праведный учитель, неподкупный наставник, умный правитель, всеблагый руководитель, истинный кормчий, заботливый врач, прекрасный заступник, священный очиститель, создатель общечеловечества, милостыню подающий, трудолюбивый подвижник, в молитвах крепкий и чистоты хранитель, целомудрия образец, столп терпения; он прожил на земле ангельской жизнью и прославился в земле Русской, как звезда пресветлая; великая его добродетель многим людям на пользу была, для многих спасение, для многих успех душевный, для многих поддержка, для многих опора; он был для благоверных князей великих русских учителем православия; вельможам же, и тысяцким, и прочим начальникам, и всем придворным, и благоверному всему войску благоче-

ствия твердый поборник; архиепископам же, и епископам, и прочим святителям, архимандритам благоразумный и душеполезный предстатель и испытатель; честным же игуменам и пресвитерам прибежище, инокам как лестница, возводящая на высоту небесную; сиротам как отец милосердный, вдовицам как заступник горячий; печальным утешение, скорбящим и сетующим радость, воюющим и гневающимся умиротворение, нищим же и слабым сокровище неистощимое, бедным, не имеющим повседневной пищи, великое утешение, страдающим многими недугами успокоитель, изнемогающим укрепление, робким опора, злосчастным заступник, обиженным помощник, насильников и хищников твердый обличитель, находящимся в плену избавитель, в трудах изнемогающим освободитель; в темницах в оковах содержащимся избавление, должникам выкуп, просящим подаяние, пьяницам трезвость, горделивым целомудрие, чужое грабящим обуздание, лихоимцам запрещение; грешникам кающимся и всем приходящим к нему, как к источнику целительному, — верный помощник.

Все видели, что его внешность честная была прекрасна ангельской сединой, постом он был украшен, воздержанием сиял и братолюбием цвел, кроткий взором, с неторопливой походкой, с умиленным лицом, смиренный сердцем, возвышен жизнью добродетельной, удостоен Божьей благодати. Он Бога почитал, и поэтому Бог почтил его, Божью честь великую даровал ему. Он Бога прославил, и Бог на земле прославил его, как сказал Господь в Святом Евангелии: «Да светит свет ваш перед людьми так, чтобы они видели дела ваши добрые и прославляли Отца вашего небесного». И также сказал: «Не укроется город, на верху горы стоящий. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике» и прочее.

Этого угодника Своего, преподобного отца нашего и преблаженного Сергия, так Бог почтил и так прославил, что благодаря молитвам его многие от болезней выздоравливали и многие от недугов исцеление получали, многие от бесов избавились и от различных искушений очистились. Так Бог прославил угодника Своего не только в том месте, где жил святой, но и в других городах, и в дальних краях, и у всех народов от моря до моря, не только в Царьграде, но и в Иерусалиме. Не только одни православные изумлялись добродетельной жизни преподобного, но и неверные многие удивлялись блаженной жизни его: ведь он Бога возлюбил всем сердцем своим, и ближнего своего — как самого себя. Ведь одинаково он любил всех и всем добро творил, и все его благодарили; и ко всем любовь имел, и все к нему любовь имели и искренне его почитали. И многие к нему приходили, не только из ближних мест, но издалека, и из дальних городов и краев, желая увидеть его и услышать поучение его, и великую пользу, и душевное спасение получали от поучения и дел его: он учил и творил, как в Деяниях святых Апостолов³³ сказано: «Пото-

му что начал Иисус творить и учить»; чему словом учил, то сам делом творил.

И не только поучения его пользу приносили, но много раз, взглянув на него только, от лицезрения его получали пользу многие. Многих он научил душеполезными словами, и на покаяние к Богу обратил, и многих спас, и в иноческий облек образ, даже в ангельский, и, честные мощи их своими руками одев, погребению предал. И многих души он к Богу привел, и многие благодаря поучениям его спаслись и донныне спасаются, — не только иноки, но и миряне, — вспоминая душеполезные его слова и поучения; он пас порученное ему Богом стадо в благочестии, правде, примером во всем будучи своим ученикам. Прожил он на земле жизнь чистую, непорочную и угодную Господу, начиная с юности ранней и до старости глубокой, не отступив от правил иноческих во все годы жизни своей; никогда не ленился, не унывал, что начинал, то и завершал: и насколько мужественно и свято он начал, настолько же твердо и чудесно закончил; радостно начал, а свято завершил жизнь в Страхе Божьем. «Ведь начало премудрости Страх Господень»; так как он верой, и надеждой, и любовью в изобилии обладал, он благочестиво начал, и благочестиво прожил, и свято закончил жизнь. Он неуклонно течение жизни закончил, веру сохранил, и венец праведный получил, и мзду заслуженную принял за труды и деяния свои, которые он совершил на земле, подвиг великий совершил, и трудности великие преодолел, — тяжесть жары дневной терпел и зной полуденный доблестно переносил, и от стужи зимней весьма страдал, и морозы лютые нестерпимые терпел во Имя Божье; и за это теперь получил мзду заслуженную и великую милость.

Зачем я пространно говорю, и говорить не перестаю, умножаю речи, растягивая слова и продолжая рассказ, хотя не могу по достоинству описать жизнь доброго господина и святого старца, не могу, как подобает, назвать его или похвалить достойно? Но о прочих его добродетелях в другом месте скажем, и о многих его деяниях в другом месте сообщу, и похвалу ему изложим, если Бог вразумит меня и силу даст молитвами святого старца; теперь же не время из-за оскудения разума и из-за оскудения ума моего.

Это я подробно писал не для тех, кому все доподлинно известно и кто хорошо знает жизнь его: они ведь не нуждаются в этом рассказе. Но хотел я вспомнить это и сообщить для новорожденных младенцев и молодых отроков, у которых еще детский ум, чтобы, когда они вырастут, и возмужают, и преуспеют, и достигнут зрелого возраста, и достигнут совершенства разума, и друг друга спросят о Сергии, — чтобы тогда они прочли это, и уразумели, и другим сообщили, как в Святом Писании сказано: «Спроси, — сказано, — отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе. Что видели мы, и слышали, и узнали, отцы наши сообщили нам, чтобы не скрылось это от детей их,

которые расскажут сыновьям своим, чтобы знал грядущий род, сыновья, которые родятся, и чтобы они в свое время возвещали сыновьям своим, чтобы они не забыли дел Божьих». Ведь те из них, которые были великому тому и святому старцу слугами и очевидцами дел его, учениками и сподвижниками, особенно же послушники, которые своими глазами видели его, и ушами своими слышали его, и руки их осязали его, которые и трапезу делили с ним, которые учением его насытились и добродетелью его насладились, — те не нуждаются в этом убогом нашем рассказе. Ведь они и сами могут других научить, а особенно меня самого исправить, и вразумить, и наставить на путь правый; но для тех, которые теперь только на свет появились, как было сказано, которые не видели и не знали Сергия, и для всех прочих, особенно же для начинающих монахов, эта повесть очень полезна и нужна. Чтобы не забыта была жизнь святого — тихая, и кроткая, и незлобивая; чтобы не забыта была жизнь его чистая, и непорочная, и безмятежная; чтобы не забыта была жизнь его добродетельная, и чудесная, и прекрасная; чтобы не забыты были многие его добродетели и великие деяния; чтобы не забыты были хорошие обычаи его и добрый пример; чтобы не остались без воспоминания такие удивительные милости, которыми его прославил Бог, а нас сподобил увидеть такого мужа святого и великого старца, который жил в дни наши.

О, возлюбленные! Хотел я молчанию предать многие его добродетели, как я сказал, но, однако, внутреннее желание заставляет меня говорить, а недостатки мои запрещают мне молчать. Мысль моя убогая идет впереди, повелевая мне говорить, скудость же ума заграждает мне уста, повелевая мне умолкнуть. Но хотя одержим я и побеждаем обоими желаниями, все же лучше мне говорить, чтобы получить понемногу некое облегчение и успокоение от многих помыслов, смущающих меня, и решаюсь я кое-что о жизни святого рассказать, то есть из многого малое. Я взял, написал и запечатлел все здесь, в убогой нашей похвале на славу и честь Святой и Живоначальной Троице и Пречистой Богоматери и на похвалу преподобному отцу нашему Сергию, убогим своим разумом и растленным умом. Хотя и сомневаюсь, но дерзаю писать, надеясь на молитву блаженного, потому что жизнь его была добродетельна и совершенна, и он Богом прославлен. Я же убоился, потому что немощен я, грубым и злым будучи; но, даже подробно повествуя о Сергии, невозможно понять его до конца, даже если бы кто-нибудь смог изложить все исчерпывающе о преподобном этом отце, великом старце, который жил в дни наши, и времена, и годы, в стране нашей и среди народа нашего, прожил на земле ангельскую жизнь, закалился в терпении кротком и воздержании твердом, в девственности, и в чистоте, и целомудрии, достиг Святыни Божьей и удостоен был Божественной благодати: потому что с юности он очистился, чтобы церковью стать Святого Духа, и сделал себя сосудом свя-

тым избранным, чтобы вселился Бог в него, согласно апостолу, говорящему: «Братья, вы церковь Бога Живого, как сказал Бог: «Вселюсь в них».

Этот преподобный отец наш Сергей с детского возраста, и с юных лет, и с молодых ногтей предан Богу, и с самых пелен Богу был посвящен, с молодых лет церковь весьма любил, и, часто в нее ходя, наставляясь по святым книгам, выучил Божественные Писания, и, радостно их слушая, по ним учился, как пророк Давид сказал: «Будет учиться день и ночь и будет как дерево, посаженное при потоках вод, которое плод свой приносит во время свое». Ибо с молодости он возлюбил монашескую одежду и в нее облекся, с молодости в различных добродетелях прилежно подвизался и все добродетели иноческой жизни постиг, и свет благодатный воссиял в сердце его, и просветилась мысль его благодатью духовной, благодаря которой он преуспевал в жизни добродетельной.

Воздержание великое он хранил, смирение, целомудрие и ко всем любовь нелицемерную. Слава его и слух о нем разнеслись повсюду, и все, слыша о нем, издалека приходили к нему, и великое благо, и многую пользу, и спасение получали от него: ведь дал ему Господь разум всяческий, который мог утешить опечаленных. Все усердие его было направлено на то, чтобы не обра-

В Многие мечтают стать «сосудом избранным, чтобы вселился Бог в него», так как знают, что «царствие Божье внутри нас есть». И желание это ПРАВЕДНО. Путаница же начинается, когда внутренние критерии праведности вдруг подменяются внешними подобиями. И здесь очень полезно обратиться к этим страницам Жития Сергия Радонежского, где Епифаний описывает характер праведности «игумена Святой Руси», «небесного человека» и «земного ангела». Более четких критериев нам нигде не найти.

тисился ум его ни к каким вещам земным и житейским печалям; и никаких он не стяжал себе стяжаний на земле — ни имущества от тленного богатства, ни золота или серебра, ни сокровищ, ни храмов светлых и высоких, ни домов, ни сел прекрасных, ни одежды драгоценной. Но он стяжал, вместо всего этого, истинное нестяжание и бедность, а вместо богатства — нищету духовную, смирение великое и любовь нелицемерную равно ко всем людям. Он всех вместе равно любил и равно почитал, не выбирая, не судя, не взирая на лицо человека, ни над кем не возносясь, не осуждая, не клеветая, ни с гневом, ни с яростью, ни с жестокостью, ни со свирепостью; и зла он не имел против кого-либо; но слово его в благодати солью было растворено с приятностью и с любовью.

Кто, услышав добрый его сладостный ответ, не наслаждался когда-либо сладостью слов его? Или кто, взирая на лицо его, не веселился? Или кто, видя святую его жизнь, не покался? Или кто, видя кротость его и незлобивость, не умилился? Или какой стяжатель, видя его нищету духовную, не удивился? Или какой

хищник, в гордости возносящийся, видя его высокое смирение, не поразился? Или какой блудник, видя чистоту его, не прекратил жизнь блудную? Или какой гневливый и несдержанный человек, беседуя с ним, в кроткого не превратился? Ибо я не видел в дни наши, и в нынешние времена, и в наши годы такого мужа святого, и совершенного во всяком деле благом, и украшенного всякими добродетелями всесторонне. Ибо кого из прочих святых столь возлюбил Бог, как этого преподобного Сергия?

Он для меня первый и последний в нынешние времена; его Бог даровал в последние времена перед концом света нам, последним людям, его Бог прославил в Русской земле в конце седьмого тысячелетия, этот преподобный отец наш воссиял в стране Русской, и как светило светлое воссиял посреди тьмы и мрака, и как цветок прекрасный среди терниев и колючек, и как звезда незаходящая, как луч, тайно сияющий и блистающий, и как лилия в ущелье земном, и как кадило благоуханное, как яблоко благовонное, как шиповник благоуханный, как золото посреди пыли, как серебро раскаленное, и испытанное, и очищенное семь раз, как камень прекрасный, и как жемчуг драгоценный, и сапфир светлый, и как финиковая пальма он расцвел, и как кипарис у воды, как кедр в Ливане, как маслина плодовая, как ароматы благоуханные, как миро³⁴ излитое, и как сад пышный, как виноградник плодоносный, и как гроздь богатая, и как огород запертый, и как вертоград³⁵ затворенный, и как сладостный скрытый источник, как сосуд избранный, как алавастр³⁶ с миром ценным, и как город несокрушимый, и как стена неподвижная, и как крепость твердая, и как сын крепкий и верный, и как основание церкви, как столб неколебимый, как венец славный, как корабль, наполненный богатством духовным, как земной ангел, как небесный человек.

Скончался старец ради Господа в старости глубокой, славно прожив, в добродетели, в правде и целомудрии, в смирении, во всякой чистоте и святости, кончив дни духовные, ушел из жизни этой в семьдесят восемь лет. А иноком он был пятьдесят пять лет со всяким прилежанием и воздержанием, леностью никогда не одолеваем, но с бодростью и в великой трезвости, и всех иноков превзошел во времена наши трудами своими и терпением, и многих превзошел добродетелями и деяниями своими. Что наша жизнь или что наше существование по сравнению с подвигами и другими добродетелями святого? Ничто по сравнению с ним наше иночество, и наша молитва только отблеск его молитвы. И насколько отстоит восток от запада, настолько нам трудно постигнуть жизнь блаженного и праведного мужа. Такова жизнь его и таковы труды его, и деяния, и подвиги, и тяготы, и многие болезни, мы же из множества о малом только постарались рассказать, хотя и не по заслугам сообщили о нем, не по достоинству написали.

Когда пришло время кончины его, он наставление дал ученикам своим и не разрешил им в церкви положить себя, но вне церкви скромно повелел похоронить себя с прочими братьями. Братия же, услышав это от святого, весьма печальна была и об этом спросила пресвятейшего архиепископа. Тогда в славном и знаменитом в великом городе Москве, украшая престол Пресвятой и Славной Владычицы нашей Богородицы, был митрополитом преосвященный Киприан. Подумав и рассудив про себя, как и где должен быть погребен блаженный, он благословил братьев и повелел им положить его в церкви с правой стороны; так и сделали. Положено было тело преподобного в церкви, которую он сам создал, и воздвиг, и устроил, и основал, и украсил ее всякими подобающими украшениями, и назвал ее в честь Святой, и Живоначальной, и Неразделимой, и Единосушной Троицы; в честном его монастыре, и в знаменитой Лавре, в великой ограде, и в славной обители, которую он сам воздвиг, и создал, и устроил; где он братию собрал, словесное стадо Христа, и как спасенное стадо пас ее в доброте сердца своего, и разуму наставлял; где и сам он принял иноческий образ, даже ангельский, и многие неисчислимые тысячи трудов совершил, и бесчисленные подвиги творил; где он непрестанные молитвы возносил; где он в повседневном и ночном пении в благодарности славословил и воспевал Бога; где он многолетний и многострадальный путь жизни своей закончил и завершил, не уходя с места своего в другие земли, за исключением особой на то нужды.

Не стремился он к Царьграду, Святой Горе³⁷ или Иерусалиму, как я, окаянный и лишенный разума. Увы, тяжко мне! Я ползаю здесь и там, и плаваю туда и сюда, и с места на место перехожу; не скитался так преподобный, но в молчании похвальном оставался и к себе прислушивался: ни во многие места, ни в далекие края он не ходил, но на одном месте жил и Бога воспевал. Ибо он не искал суетных и трудных вещей, в которых нужды нет, но более всего стремился к единому истинному Богу, чтобы душу спасти, что и удалось ему. «Ищите, — сказано, — и найдете, и стучащему отворят». Кто ныне так стремился к Богу всем сердцем и от всей души Его любил, как этот преподобный отец наш, как пророк сказал: «Всем сердцем моим искал Тебя»; а также: «Я искал Господа, и Он услышал меня».

Во время кончины Сергия собралось множество народа из городов и из мест многих, каждый желал весьма настойчиво приблизиться и прикоснуться к честному телу его или взять что-нибудь из одежды его в качестве благословения себе. Болея старец некоторое время и так ушел к Господу, к вечным обителям, иссушив тело свое постом и молитвами, изнузив плоть и умертвив части тела земного, страсти телесные покорив духу, победив зло душевное, поправ сладости жизни, отвергнув земные заботы, одолев страстные устремления, презрев мирскую красоту, золото, и серебро, и прочее имущество соблазнительное света этого

как дурные вещи отверг и презрел. И легко переплыв мутное море жизни, он невредимым провел душевный корабль, наполненный богатством духовным, без ущерба дошел до тихой пристани, и достиг ее, и крыльями духовными вознесся на высоту разумную, и венцом бесстрастия украсился, отошел к Господу и перешел из смерти в жизнь, из труда в покой, из печали в радость, из подвига в утешение, из скорби в веселье, из суетной жизни в вечную жизнь, из быстротекущего мира в мир бесконечный, из тления в нетление, из силы в силу, из славы в славу. И все пришедшие в монастырь и находившиеся там плакали о нем.

Князья, и бояре, и другие вельможи, и честные игумены, попы, и дьяконы, и иноков множество, и прочие люди со свечами и кадилами проводили честно сго священные и мученические мощи, пели над ним положенное пение, и благодарность воздавали в надгробных песнях и, достаточно помолившись, обрядили и благочинно положили его в гроб, как выше было сказано. И многие часы плакали над ним беспрестанно и едва разошлись все восвояси, многими слезами и печалью полные. Особенно непрестанные слезы изливали его старые ученики и любимые послушники, которые в стаде его жили, весьма все были скорбны и ходили, сетуя, вздыхали и рыдали, стонали смиренные, со слезами, дряхлые, печальные, умиленные, поникшие, не имея утешения; и, друг друга встречая и вопрошая, они со многими слезами умиленно говорили: «Прости, отче, и благослови нас, возлюбленный во Христе брат! Вот добрый и блаженный наш старец от нас к Господу отошел, нас осиротевшими оставив. Ушел туда, где получит мзду великую и воздаяние за дела его; ушел с миром к Господу, которого с молодости возлюбил. Успокоился в сне вечном и заслуженном и почил о Господе в покое вечном, только нас осиротевшими оставил. Поэтому сейчас мы о нем жалеем и плачем, так как остались без него и обнищали очень, так как осиротели и уменьшились, так как смирились и в презрении остались, так как мы опечалены и обеднели, и в растерянности находимся, как стадо без пастыря и корабль без кормчего, как виноградник плодovitый без сторожа и больной без врача; мы смущены и отвержены». Такие слова и подобные этим, скорбя и плача о нем, они говорили.

Многие из тех, которые к нему веру и любовь имели не только при жизни, но и после смерти, к гробу его всегда приходили, и со страхом прибегали, и с верой приступали, и с любовью припадали, и с умилением приближались, и руками обнимали благочестиво и с благоговением, и взирали очами, и головой своей прикасались, и с любовью целовали раку с мощами его, и устами чистыми лобзали, и верой исполненные и страстным желанием, с великой любовью беседовали с ним, как с живым, — воистину после смерти живым, — и со слезами говорили ему:

Молитва: «О святой Божий, угодник Спаса! О преподобный избранный Христа! О священный муж, преблаженный отец Сер-

гий великий! Не забудь нас, нищих твоих, окончательно, но вспоминай о нас всегда в святых твоих благих молитвах к Господу. Вспомни стадо свое, которое ты сам пас, и не забывай посещать детей своих. Молись за нас, отче священный, за детей своих духовных, поскольку ты имеешь дерзновение перед Небесным Царем, и не умолкай, взывая за нас к Господу, не оставь нас, с верой и любовью почитающих тебя. Вспомни нас, недостойных, у престола Вседержителя. Не переставай молиться за нас к Христу Богу, — ведь тебе дана благодать за нас молиться. Мы не считаем тебя мертвым, хотя тело твое скончалось для нас, но не отступай от нас духом, пастух наш добрый. Вот гроб с мощами твоими перед глазами нашими стоит всегда, но святая твоя душа невидимо с ангельским войском, с бесплотными лицами, с небесными силами у престола Вседержителя прекрасно и достойно радуется. Ибо мы знаем про тебя, что жив ты и после смерти, — ведь так написано пророком, сказавшим: «Души праведных в руке Божьей, и не коснется их мучение; надежда их полна бессмертия, потому что Бог испытал их и нашел их достойными Его; как золото испытал их и как жертву принял их; ибо благодать и милость с избранными Его, и Он посещает преподобных Своих». «А праведники, — сказано, — во веки живут, мзда им от Господа и помощь им от Всевышнего; поэтому они получают царство красоты и венец доброты из рук Господа. Память о праведном с похвалами бывает, и благословение Господа над головой праведного; хотя и скончался праведный, в покое будет; ибо старость честная не в долговечности, не числом лет измеряется, — разум есть седина для людей, а возраст старости — жизнь непорочная. Угоден Богу был и возлюблен Им был, жил среди грешников и представился, чтобы злоба не изменила разума его, и лещь чтобы не помрачила его; он скончался, в короткое время прожив годы многие: ибо была угодна Господу душа его. Поэтому Господь любит праведника, сохранит его, сбережет ему жизнь, блажен будет он на земле, и не будет никогда в смятении праведник, и не даст Бог увидеть тление преподобному Своему. Высок Господь и смиренных возвышает, и принимает кротких Господь, и близок Господь ко всем призывающим Его в истине; желание боящихся Его он исполняет, молитву их услышит, и спасет их; хранит Господь всех любящих Его; любит Господь праведных сердцем, приятны Ему все, идущие непорочным путем; хранит Господь все кости их, и ни одна из них не сокрушится; когда хвалят праведника, веселятся люди. Вот так благословится человек, боящийся Господа, и живущий с помощью Всевышнего под кровом Бога Небесного водворится; посаженный в доме Господа, во дворах дома Бога нашего расцветет и, как кедр в Ливане, умножится. Вот слава церковная, слава всем преподобным Бога. Радуйтесь, праведные, о Господе, праведным подобает похвала!» «В памяти вечной, — сказано, — будет праведник, и род праведных благословится. Сколь славны для меня друзья

Твои, Боже, и как утвердилась власть их». Как сказал Павел-апостол: «Братья, радуйтесь о Господе», и снова сказал: «Радуйтесь». И сказал праведник: «Поскольку я смирился, спас меня Господь. Поэтому возвратилась душа моя в покой твой, ибо добро сотворил душе Господь, ибо Он избавил душу мою от смерти, очи мои от слез, ноги мои от преткновения; я угодил Господу в стране живых. Это покой мой навеки, здесь вселюсь; желаю быть у порога в доме Бога моего больше, чем жить в селах грешников. Когда приду и явлюсь перед лицом Божиим с голосом радости и славословия шума праздничного? Поэтому я не умру, но жить буду и возвещать дела Господни; строго наказал меня Господь, но смерти не предал меня. Отворите мне ворота правды, и я войду в них и прославлю Господа, говоря: «Господи, Боже сил! Как возлюбленны жилища Твои! Желает душа моя скончаться во дворах Твоих, ибо день один во дворах Твоих лучше тысяч; ибо тысяча лет пред очами Твоими, Господи, как день вчерашний, когда он прошел; и как тянется олень к источнику воды, так тянется душа моя к Тебе, Боже; ибо для всех веселящихся жилище у Тебя и источник жизни. Блаженны живущие в доме Твоем: они будут восхвалять Тебя во веки веков. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю и будут обладать ею».

Ясно, что праведники, и кроткие, и смиренные сердцем, наследуют землю тихую и безмолвную, веселящую всегда и наслаждающую не только тела, но и саму душу несказанным весельем постоянно наполняющую, и на ней будут веселиться всегда.

Так и этот преподобный отец наш Сергей ради того все прелести мира здешнего презрел и к ней стремился, и ее прилежно искал, землю спокойную и безмолвную, землю тихую и безмятежную, землю прекрасную и всяким исполненную утешением, как сама Истина сказала в святом Евангелии: «Стучите и откроете себе, ищите и найдете жемчуг бесценный», то есть Господа нашего Иисуса Христа, и Царство Небесное от него получают, и пусть все мы получим его по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Которому подобает всякая слава, честь, поклонение с Безначальным Его Отцом и с Пресвятым, и Благим, и Животворящим Его Духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

**ДРЕВНЕРУССКИЙ ТЕКСТ «ЖИЗНЬ И ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО СЕРГИЯ»**
(Избранные фрагменты)³⁸

Слово, по глубокому убеждению Епифания Премудрого, является истинно православным средством воспитания. Оно заключает в себе особую духовную силу, способную своим звуковым составом воздействовать не только на ум, но и на сердце, душу воспитанника, приносит «пльзу» (пользу) развивающемуся человеку. Епифаний донес до наших дней высочайший уровень педагогического мастерства. Особое внимание он уделил психологической силе избранного и во многом им осознанного звукоряда, проникающего во внутренний мир ученика и читателя. Его учительская речь насыщена вербальной символической наглядностью, метафорическими эпитетами, точными сравнениями и т.п.

В переводе на современный русский язык вряд ли можно удержать высокую смысловую музыку епифаниевского текста: «Премудрости наставник и смысладавец, несмысленным скоратель, учиши человека разуму, да умение неумеющим, дая молитву молящемуся, дая и всяко даание благо, дааши дар на плзю просящим, дааши незлобивым коварьство и отроку уну чювьство и смысл, иже сказание словес его просвещает и разум дает младенцам». Для того чтобы в полной мере углубиться в педагогический смысл «Жития», следует читать его в подлиннике. Это произведение — высшее достижение традиционного древнерусского средства воспитания и просвещения, сила его коренится в боговдохновенности, в приближении к молитвенному слову.

Мы даем несколько педагогически нацеленных отрывков, чтобы вы, дорогой читатель, познакомившись ранее с переводом этого удивительного источника, прониклись бы теперь оригинальным педагогическим звукорядом.

Это придает оригинальному тексту Епифания Премудрого особый колорит, позволяет нынешнему читателю, родителям и педагогам по достоинству оценить древнерусское искусство воспитания словом. Читателю антологии предоставляется возможность самому сравнить епифаниевский текст и его перевод.

НАЧАЛО ЖИТИЮ СЕРГИЕВУ БЛАГОСЛОВИ, ОТЧЕ!

Сын преподобный отец наш Сергие родися от родителя до бородну и благоверну, от отца, нарицаемого Кирила, и от матери именованной Мариа, иже беста Божии угодници, правдиви пред Богом и пред человеки и всячьскими добродетельми исполнены иже и украшени, яко же Бог любит. Не попустит бо Бог, иже таковому детищу въсиати хотящу, да родится от родителю неправедну. Но прежде проуготова Бог и устроил таковаа праведна родителя его и потом от них своего си произведе угодника. О прехвальная врѣсто! О предобраа супруга¹, иже таковому детищу родителя быста! Прежде же подобаше почитити и похвалити родителей его, да от сего яко некое приложение похвалы и почести ему будет. Понеже лепо быше² ему от Бога дароватися многым людем на успех, на спасение же и на плъзу, и того ради не бе лепо такому детищу от неправедных родителей, ниже иным, сиречь неправедным родителем, таковаго не бе лепо родити детище. Но токмо тем единымъ от Бога даровася, еже и прилучися: паче и снисеся добро къ добру и лучшее къ лучшему.

И бысть же и чудо некое прежде рождения его: прилучися нечто сицево, его же не достоит мълчанию предати. Еще бо ему въ утробе матерне носиму, въ един от дний — днєви сушу недели⁴ — мати его вниде въ церковь, по обычаю, въ время, егда святую поют литургию. И стояще с прочими женами въ притворе, и внигда хотяху начати чести святое Евангелие, людем мълчащим⁵, тогда абие внезапноу младенец начят въпити въ утробе матерне, яко же и многым от таковаго проглашения ужаснутися о преславнем чудеши, бывающемъ о младенци сем. Паки же, егда преже начинания, еже пєти херувимскую песнь, рекше «Иже херувим», тогда внезапноу младенец гласом начия велми верещати въ утробе вторицею паче прьваго, яко и въ всю церковь изыде глас его, яко и самой матери его ужасхися стояти, и сущим женам, стоящим ту и недоумяющимъ, в себе глаголющим: «Что убо будет о младенци сем?» Внигда же иереѣй възгласи: «Вънмем⁶, святаа святым!» — тогда паки младенец третицею велми възопи.

Мати же его мало не паде на землю от многа страха, и трепетом великим одръжима сущи, и ужасхися, нача въ себе плакати. Прочая же верняя⁷ оны жены, приступльши к ней, начата въпрашати ю, глаголюще: «Имаши ли въ пазусе младенца, пелєнами повита, его же глас младенческий слышахом, въ всей церкви верещающе?» Она же в недоумении от многа плача не можаше к ним ни провещати, но в мале⁸ отвеща им: «Пытаете, — рече, — инде⁹, аз бо не имам». Они же въпрашаша, пытающе

¹пара, чета. ²супруги (оба). ³следовало. ⁴воскресенье. ⁵и когда умолкли все. ⁶и когда священник възгласил: «Вникнем...». ⁷православные. ⁸только. ⁹ищите, сказала, в другом месте.

промежю собою, и поискавше, и не обретоша. Паки обратишася к ней, глаголюще: «Мы въ всей церкви поискавше и не обретохом младенца, да кый тый есть младенец, иже гласом проверещавый?» Мати же его, не могущи утаити бываемаго и испытываемаго, отвеща к ним: «Аз младенца въ пазусе не имам, яко же мните вы, имею же въ утробе, еже до времени не рожена — сий провъзгласил есть». Жены же реша к ней: «Да како дасться глас прежде рожения младенцу, въ утробе сушу?» Она же рече: «Аз о сем и сама удивляюся, и вся есмь въ страсе, трепещу, не ведущи бываемаго».

Жены же, въздохнувши и быюще в перси своя, възвращахуся кааждо на свое место, токмо к себе глаголющи: «Что убо будет отроча се? И яко о нем воля Господня да будет». Мужие же въ церкви, сия вся слышавши и видевши, стояху безмолвием ужасни, дондеже иерей святую съвърши литургию, и съвлечеся риз¹ своих, и распусти люди. И разидошася книждо въсвояси: и бысть страх на всех слышавших сиа.

Мария же, мати Его от дне того, отнележе бысть знамение таковое и проявление, оттоле убо пребываше до времени рожения его, и младенца въ утробе носящи, яко некое съкровище многоценное, и яко драгый камень, и яко чюдный бисер, и яко съсуд избран. И егда в себе сего носяще и сим непраздне² сущи ей, тогда сама съблюдашеся от всякыя скврны и от всякыя нечистоты, постом ограждаяся, и всякыя пища тлѣстыя ошавяся³, и от мяса, и от млека, и рыб не ядыше, хлебом точию, и зелием⁴, и водою питашеся. И от пианьства отинудъ въздръжашеся, но вместо пития всякого воду едину точию, и то по оскудѣ⁵, испиваше. Начасте⁶ же втайне наедине съ въздыханиемъ и съ слъзами моляшеся къ Богу, глаголя: «Господи! Спаси мя, съблуди мя, убогую си рабу свою, и сего младенца, носимаго въ утробе моей, спаси и съхрани: ты бо еси храниши младенца, Господь, и воля твоя да будет, Господи! И буди имя твое благословено въ веки веком. Аминь».

И сие творя, пребываше даже и до самаго рождениа его; велми прилежаше паче всего посту и молитве, яко и самое то зачатие и рожество полно бе поста и молитвы. Бяше бо я та добродетелна сущи, зело боящися Бога, яко и прежде рождениа его уведавши и разумевши яже о нем таковое знамение, и проявление, и удивление⁷. И съвѣщаша с мужем своим, глаголя: «Аще будет ражаемое мужск пол, обещаевеса⁸ — принести его въ церковь и дати его благодетелю всех Богу»; яко же и бысть. Оле веры добрыа! О теплоты⁹ блага! Яко и прже рождества его обещахася привести его и вдати благых подателю Богу, яко же и древле Анна пророчица, мати Самоила пророка.

¹и снял ризы. ²беременна. ³избегала скоромной пищи. ⁴овощами. ⁵понежному. ⁶часто. ⁷Ибо и она была добродетельная, Бога боялась, ибо еще до рождения младенца уже поняла и постигла и это знамение, и явление достойное удивления. ⁸мы оба обещаем. ⁹порывы.

Егда же исполнися дние родити ей, и роди младенца своего. И зело непечално рождество приимши, родители же его призваста к себе ужикы¹ своя, и други, и суседи, и възвеселишася, славяще и благодаряще Бога, давшего има таковый дитищ. По рожении же его, внегда и пеленами повито бысть отроча, нужна всяко быше еже и къ сосцу принести². Да внегда аще случашеся матери его пищу некую вкусити, еже от мяс, и тою насыщене быти и полне утробе ея, тогда никако же младенец съсцу касашеся. И сие случашеся не единою³ бывати, но овогда день, овогда два младенцу не напитаются. Иже отиуд о сем ужас вкупе и скръбь обдръжаше рожшую⁴ и сродники ея. И едва разумеша, яко не хошет младенец еже от мяс питаете питательнице его быти и тем млеком напаятися, но точию от поста и не разрешатися⁵. И уже оттоле матерня въздръжание и пост быше, и оттоле младенец повсегда по обычаю питаете бываше.

И исполнися дние обещанию матери его: яко бысть по днех шестих седмиц, еже есть четверодесятный день по рождестве его⁶, родители же его принесоста младенца въ церковь Божию, въздающе, яко же и приаста, яко же обещастася въздати его Богу, давшему его; купно же иереви поведевающа, яко да крещением божественным съвршити. Иерей же, огласив его и много молитвовав над ним, и с радостию духовною и съ тщанием крести его въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, Варфоломея въ святом крещении нарек того имя. Възвед же его абие от купельныя воды крещения, благодать приимши богато Святаго Духа, и провидев духом божественным, и проразумее, съсуду избранну быти младенцу.

Отец же его и мати разум имуща Святаго писания нехуде, и та поведаста иереови, како, носим сый въ утробе матерни, въ церкви трикраты провъзгласи: «Что убо будет сие, мы не вемы». Иерей же, именем Михаил, разсуден сый книгам, поведаше има от Божественнаго Писания, от обою закона, Ветхаго и Новаго, сказа, глаголя: «Давиду въ псалтыри рекшу, яко: «Несъделанное мое видеста очи твои», и самъ Господь своими усты учеником си рече: «Вы же яко искони съ мною есте». Тамо, въ Ветхом законе, Иеремя пророк въ чреве матерни освятися; zde же, в Новем, Павел апостол въпиаше: «Бог, Отецъ Господа нашего Иисуса Христа, възвавый мя из чрева матере моея, явити Сына своего въ мне, да блавестую въ странах». И ина множайшаа от святых поведат има Писания. О младенци же рече къ родителям: «Не скръбите о сем, но паче радуйтеся и веселитесь, яко будет съсуд избран Богу, обитель и служитель святых Троица», еже и бысть⁷. И тако благословив отроча и родителя его, отпусти а в дом ея⁸.

¹родные. ²нужно было уже приносить его к груди. ³не единожды. ⁴и печаль охватила родительницу. ⁵не освобождать. ⁶после шести недель, то есть когда наступил сороковой день после его рождения. ⁷что и случилось. ⁸отпустил их обоих в дом их.

Потом же по времени, малым минувшим днем, о младенци паки чюдодествовашеся другое некое знамение, странно нечто и незнаемо: в среду и в пяток не принимаше ни от сьсу, ни от млека кравья¹, но отинудь ошаятися² ему и не сьсати, и не ядушу пребывати ему в весь день. Кроме же среды и пятка въ прочая дни по обычаю питашеся; аще ли будыше въ среду и в пяток, то атчен³ младенец пребываше. Се же не единою, ни дважды, но и многожды прилучашеся, еже есть по вся среды и пятки бываше. От сего неким мняшеся, яко болно бо детище; о сем же убо матери его скръбящи сетоваше. И съ другими женами, съ прочими кормителницами расматривающе беаше, мняше, яко от некия болезни младенцу приключашеся сие бывати. Но обаче обзираху повсюду младенца, яко не есть болно, и яко не обретахшеся в нем явленныя или неявленныя знамение болезни: ни плакаше, ни стыняше, ни дряхловаше, но и лице, и сердце, и очи весели, и всячьскый младенцу радостну сушу, яко и ручицами играше. Тогда вси видящи, и познаша, и разумеша, яко не болезни ради в пяток и въ среду младенец млека не принимаше, но проявление некое прознаменашеся, яко благодать Божия бе на нем. Еже проявляше будущаго въздержания образ, яко некогда въ грядущаа времена и лета въ постном житии просиати ему; еже и бысть.

Другойци же матери его привожаше к нему жену некую, долицу, имущу млеко, дабы его питала. Младенец же не рачи⁴ прияти никакже от чюдодиа матери питатися, но точию от своєю си родительница. И сие видевше, приходяху к нему и другыя жены, тауци доилицы, тем подобно тако же творити, яко же и пръвие. И тако пребысть своєю токмо питаем материю, донде же и отдоен бысть⁵. Се же сматряют неции, яко и се знамение бысть, яко дабы добра корене добраа леторасль нескврны млеком възпитан быв.

Нам же мнится сие быти: яко сии младенец измлада бысть Господови рачитель⁶, иже въ самой утробе и от утробы материя къ благоразумию прилепися, иже от самех пелен Господа познал и въправду уразумел, иже въ пеленах сый в самой колыбели пощению навикаше; иже от матери млеком питаем сый вкупе с плотным⁷ млеком, въздержанию учаеся, иже по естеству младенец сый, но выше естества пост начинаше; иже въ младенце чистотный бысть въскормленник; иже благочестием паче, нежели млеком, възпитан бысть; иже прежде рожения его избран Богом и пронаречен⁸, егда въ утробе матерне носим, трикраты въ церкви провъзглася; иже слышашаа удивляет.

Дивити же ся паче сему подобает, како младенец въ утробе не провереща кроме⁹ церкви, без народа, или инде, втайне, наедине, но токмо при народе, яко да мнози будут слышателие и сви-

¹коровьего молока не пил (по постным дням). ²избегать. ³голодный. ⁴не хотел. ⁵вскормлен. ⁶приверженец. ⁷с плотским. ⁸предназначен. ⁹вне.

детели сему истинству¹. И паки, како не помалу провъзгласи, но въ всю церковь, яко да въ всю землю изыдет слово о нем; и егда сущей родительнице его или на пиру, или в ноши спяще, но въ церкви, паче же и на молитве — да молитвенник крепко будет къ Богу. И како не провереща не в коей хлевине² или не в чисте месте некоем и ненарочите³, но паче въ церкви, стоящи на месте чисте, святе, иде же подобает святыню Господню съвършити, яко да обрящется⁴ съвършенная святыня Господня въ страхе Божии.

Паки сему достоит чюдитися; что ради не провъзгласи единицею или дважды, но паче третицею, яко да явится ученик святыя Троица, понеже убо тричисленное число паче инех прочих числ болши есть зело чтомо. Везде бо троечисленное число добру начало и вина⁵ взвещению, яко же се глаголю: трижды Господь Самоила пророка възва; трею камению пращею Давид Голиада порази; трижды повеле възливати воду Илия на полена, рек: «Утройте», — утроиша; трижды тойжде Илия дуну на отрочища и възкреси его; три дни и три нощи Иона пророк в ките тридневнова; трие отроци въ Вавилоне пещь огньную угасиша; тричисленное же слышание Исайю пророку, серафимовицу, егда на небеси, слышаше ему пение ангельское, трисвятое възпиющих: «Свят, свят, свят Господь Саваоф!» Трею же лет въведена бысть въ церковь святаа святых пречистая Дева Мария; тридесати же лет Христос крестися от Иоанна въ Иердане; три же ученики Христос постави на Фаворе и преобразися пред ними; тридневно же Христос из мертвых възкресе; трикраты же Христос по възкресении рече: «Петре, любиши ли мя?» Что же извещаю по три числа, а что ради не помяну болшаго и страшнаго, еже есть тричисленное Божество: тремя святынями, тремя образы, тремя собъствы⁶, въ три лица едино Божество пресвятыя Троица, и Отца, и Сына, и Святаго Духа, триипостаснаго Божества едина сила, едина власть, едино господство. Лепо же бяше и сему младенцу трижды провъзгласити, въ утробе матерне сущу, прежде рождения, прознаменуя от сего, яко будет некогда троичный ученик, еже и бысть; и многы приведет в разум и въ уведение Божие, уча словесныя овца веровати въ святую Троицу единосущную, въ едино Божество.

Воле, не указание ли се будет яве, яже о том последи будущаа дивна и странна! Воле, не знамение ли се истовое, да покажется яже о нем, да збудеться чудесными напоследок⁷! Подобает бо видевшим и слышавшим первая и веровати последним. Яко и прежде рождения его Бог прознаменовал есть его: не просто бо, ни бездобъ⁸ таковое знамение и удивление бывшее преднее, но

¹истинному событию. ²в доме. ³нехорошем. ⁴пусть сыщется. ⁵повод, причина. ⁶ипостаси. ⁷О, не явное ли то указание, что в грядущем с ним случится удивительное и необычное? О, не верное ли то знамение, чтобы стало всем ясно, что впоследствии сбудется чудо?! ⁸напрасное.

предпутіе есть последи будущим. Се же понудихомся реши, елма же чюдна мужа чюдно и житіе поведесе.

Лепо же zde помянути и древних святых, иже въ Ветхом и Новом законѣ въсиавших, и многы во святыхъ зачатіе и рождество откровениемъ божественнымъ некако откровено бысть. Мы бо не от себе износимъ слово, но от святыхъ взимающе Писаний и къ предлагающей повести приуподобляюще воспоминаемъ сие: и понеже Иеремею пророка Богъ въ чреве матерни освяти и прежде рождения его проводыи — яко провидецъ Богъ — яко быти ему прителішу¹ Святаго Духа, наплъняетъ сего абие благодати от юности възраста. Исайя же пророкъ рече: «Глаголетъ Господь, възвавый мя из утробы и ис чрева матере моея избравъ, пронареche мя». Святый же великій Иоанъ пророкъ Предтеча еще сый въ утробѣ матерни позна Господа, носимаго въ ложеснехъ² пречистая приснодевы Маріа; и възыграся младенецъ радощами въ чреве матери своея Елисавети, и тоя устнами пророчествова и възопи тогда, глаголя: «Откуда се мне, да прииде Мати Господа моего къ мне?» Святый же славный пророкъ Іліа Фезвитянинъ, егда роди его мати его, тогда родители его видеша видение, яко мужіе блгокрасни и белообразни нарицахутъ имя ему, и огненными пеленами повиваху его, и пламы огнени дааху ему ясти. Отецъ же его, шедъ въ Іерусалимъ, възвести сѧ архіереомъ. Они же реша ему: «Не бойся, человече! Будетъ бо дитище сего житіе светъ и слово суд, и тѣ судитъ Израилю оружиемъ и огнемъ»; еже и бысть.

Святый Николае чюдотворецъ, егда родися и начаяша омывати его, вънезапу вѣста младенецъ на ногу свою и стояше простъ в ночвахъ³ полтора часа. Святый же преподобный отецъ нашъ Ефремъ Сиринъ, егда бе родися младенецъ, родители его видение видѣста: виноградъ на языкѣ его насажденъ, и възрасте, и исполни всю землю, и прихожяху птица небесныя и ядыху от плода его. Виноградъ же проявляше хотящий разумъ податися ему. Преподобный Алимпій стлпникъ, прежде рождества его мати его видѣ сонъ таковъ, яко ношаше на руку свою агнецъ красенъ, имущъ на рогу свою вѣща. И от того разуме, яко хошетъ родитися отроча и будетъ добронравно; яко же и бысть. Иже въ святыхъ отецъ нашъ преподобный Симеон стлпникъ; иже на Дивней горѣ чюдотворецъ, зачатъ бе от обещанія Предтечи Крестителя, матери его възвѣстившу. И рожся, вънегда доену ему быти, небрежаше леваго съсца: Богу проявившу о семъ, яко десный⁴ путь, путь заповѣди Господня, възлюбити ему. Святый Феодоръ Сикиотъ чюдотворецъ, егда бе въ утробѣ матерне младенецъ, мати его видение видѣ: звезда съ небесъ шедъ, паде на утробу ея; се же звезда проявляше всяку добродетель отрочати. Пишетъ в житіи великаго Евфиміа, яко прежде рождения его въ едину бо отъ ношей молящимся родителямъ его въ нощи единема некое Божіе явленіе явися има, глаголя:

¹вместилищемъ. ²въ чреве. ³сталъ младенецъ на ноги и простоялъ прямо в ясляхъ своихъ. ⁴правый.

«Тешитася и утешитася! Се бо дарова вама Бог отрока тешения тьяклоименита¹, яко въ родстве его тешение дарова Бог своим церквам». И паки в житии Феодора Едесскаго писано есть, яко родители его Симеон и Мариа молитвою просиста себе детищи сына. Въ един от дний, въ пръвую субботу Великаго поста, въ церкви молящимся има, сладко некое видение предста има, особѣ комуждо их явлься: мняща бо ся видети великаго мученика Феодора Тирона купно с Павлом апостолом стояща и глаголюща: «Въистину дар Божий будет ражаемый отрок, еже есть Феодор»; еже и бысть. Пишет же в житии святаго отца нашего Петра митрополита, новаго чудотворца иже въ Руси, яко прилучися нечто сичево знамение. И прежде рожения его, еще сущу ему въ утробе матерне, въ едину от ношей, свитаючи днєви недели², виде видение таково мати его: мняще бо ся ей агньца держати на руку своею, посреди же рогу его древо благолиственно израстше и многими цветы же и плоды обложено, и посреди ветвий его многы свєтяща свєща. И възбудившиєся, недоумєашєся, что се или что събытие и конецъ такому видению? Обаче аше она и не домьслѣшєся, но конецъ събытію послєди съ удивлєніємъ яви, великими дарми угодника своего Бог обогати.

И что подобаетъ инаа прочаа глаголати, и длѣготоу слова послушателемъ слухи лєнєвы творити? Сытость бо и длѣгота слова ратникъ есть слуху, яко и преумноженная пища телесемъ. И никто же да не зазритъ ми грубости моеѣ, яко о семъ продлѣжившу ми слово. И еже о прочихъ свѣтыхъ от житіа ихъ вѣспоминая, и приводѣя свидєтєльства на извѣщєніє, и приуподобляя, къ подлєжащєѣ повєсти чюднаго сєго мужа чюдны и вєщи сказаютъся. Чюдно бо слышашєся, еже въ утробѣ зачало провѣзглашєніа его. Чюдно же въ млєдєнцєхъ въ пєлєнахъ вѣспитаніє его — не худо бо знамєніє сіє мнящєся быти. Тако бо подобашє съ чюдєсємъ родитиєя такому отроку, яко да от сєго познаютъ прочіи чєловєци, яко такова чюдна мука чюдно и зачатіє, и рожєство, и вѣспитаніє. Таковою благодатію Господь удивилъ³ его, пачє прочихъ млєдєнцєвъ новоражающихъся, и тачєми знамєнми⁴ проявляшє о немъ премудрєє Божіє промыслєніє.

Хошу же сказати⁵ вємєна и лєта, въ нѣ же преподобный родисѣ: в лєта благочєстиваго прєславнаго дрѣжавнаго царѣ Андроника, самодрѣжца Грєчьскаго, иже въ Цариградѣ царствовавшєго, при архієпископѣ Коньстѣянтинаграда Калистѣ, патриарсє всєлєньскомъ, в зємлѣ же Русстєѣ въ княжєніє великєє Тѣрьсєкєє при великомъ князи Димитрии Михайловичѣ, при архієпископѣ прєсвѣщеннємъ Петрѣ, митрополитѣ всєѣ Руси, єгда рать Ахмулова бє.

Млєдєнецъ же прєжєрєчєнный, о немъ же слово изначала прихєдитъ, бє убо по крєщєніи прєидє неколико вємєѣ мєѣсѣцєѣ, єгда

¹утешению одноименного. ²на рассвете воскресенья. ³одарил. ⁴и такими предзнаменованиями. ⁵истолковать.

и отдоен бысть законом естества, и от съсцу отемлеться, и от плен разрешается, и от колыбели свобожается. И тако абие отроча растяше прочее время, по обычаю телеснаго възраста, преуспевая душею и телом, и духом, исплняясь разума и страха Божия, и милость Божия, бе на нем, донде же достиже до седмаго лета възрастом, въ егда родители его вѣдаша его грамоте учить.

Прежереченный раб Божий Кирил имеяше три сыны: прѣваго Стефана, втораго сего Варфоломея, третиаго же Петра; их же възпита съ всяким наказанием¹ въ благочестии и чистоте. Стефану же и Петру спешно изучившу грамоту, сему же отрочу не скоро выкнуша писанию, но медлено некако и не прилежно: учитель же съ многым прилежаниемъ учае его, но отрок не внимае и не умеае, не точен² бысть дружине своей, учащимся с ним. О сем убо много браним бываше от родителю своею, боле же от учителя томим, а от дружины укаряем. Отрок же втайне чясто съ слъзами моляшеся Богу, глаголя: «Господи! Ты дай же ми грамоту сию, ты научи мя и въразуми мя!»

ЯКО ОТ БОГА ДАЕТСЯ ЕМУ КНИЖНЫЙ РАЗУМ, А НЕ ОТ ЧЕЛОВЕК

Посему бо немала печаль бѣше родителема его; немалу же тѣсноту вменяше себе учитель его. Все же си печалюхуся, не ведуще яже о нем вышняго строения Божия промысла, яже хошет Бог сътворити на отрочати сем, яко не оставит Господь преподобнаго своего. Се же бѣше по смотренію Божию быти сему, яко да от Бога книжное учение будет ему, а не от человек; еже и бысть. Скажем же и сие, яко от Божия откровения умети ему грамоту.

Въ един убо от дний отец его посла его на възискание ключа³. Се же все бысть всемудраго Бога судбами, яко Прѣвѣя Царьскія книги извѣщают о Саулѣ, иже послан бѣше отцем своим на възискание ослѣпца; он же шед обрете святаго пророка Сомоила, от него же помазан бысть на царство, и выше дела поделіе приобрете⁴. Сіце и блаженный отрок выше дела поделіе обрете: послан бо бысть отцем своим Кирилом на възискание скота, обрете етера⁵ черноризца, старца свята, странна⁶ и незнаема, саном прозвѣтера, святолепна и ангеловидна, на поле под дубом стояща и молитву прилежно съ слъзами творяща. Отрок же, видев, преже сътвори смирена метаніе⁷ ему, таче приближися и ста близ его, оживдая конца молитве.

И яко преста старец и възрев на отроча, и прозре внутренима очима, яко хошет быти избран Святому Духу. И пригласив, призва и⁸ к себе, и благослови его, и о Христѣ целование дасть ему, и въпроси его, глаголя: «Да что ищещи или что хощещи, чадо?»

¹наставлениями. ²не похож. ³жеребят. ⁴обрел высшее дело. ⁵некоего. ⁶необыкновенного, удивительного. ⁷поклон. ⁸его.

Отрок же рече: «Взлюбил душа моя възжелати паче всего учить грамоту сию, еже и вдан бых учитися, и ныне зело прискрѣбна есть душа моя, понеже учюся грамоте и не умею. Ты же, отче святыи, помолися за мя къ Богу, яко да бых умел грамоту».

Старец же, въздев руце, купно же и очи, на небо, и въздохнув къ Богу, и сътвори молитву прилежную, и по молитве рече: «Аминь». И, иземь от чпага¹ своего аки некое съкровище, и оттуда тремя пръсты подаст ему нечто образом аки анафору, видением аки мал кус бела хлеба пшенична, еже от святыя просфиры, рек ему: «Зини² усты своими, чадо, и разврзи а. Приими сие и снежь, се тебе дается знамение благодати Божия и разума Святаго писания. Аще бо и мало видится даемое, но велика сладость вкушения его». Отрок же отврз уста своя и снест сие; и бысть сладость въ устех его, аки мед сладый. И рече: «Не се ли есть реченное: «Коль сладка грѣтани моему словеса твоя! Паче меда устом моимъ»; и душа моя възлюби зело». И рече ему старец: «Веруеши ли, и болша сих узриши. И о грамоте, чадо, не скрѣби: ведый буди известно³, яко от сего дне дарует ти Господь грамоте уметь зело добре, паче братия твоя и паче свръстник твоих». И поучи его о плъзе души.

Отрок же сътвори поклонение старцу и, аки земля плодovита и доброплодна, семена приемши въ сердци си, стояще, радуясь душею и сердцем, яко сподобися такова свята старца обрести. Старец же тщащися отбити в путь свой; отрок же пометаша⁴ на земли лицом пред ногами старчима и съ слъзами моляше старца, дабы обитал в дому родителей его, глаголя: «Родители мои зело любятъ таковыя, яко же ты, отче». Старец же удивлься вере его, потщався вниде въ дом родителей его.

Они же, узревши его, изыдоша въ сретение ему и поклонистася ему. Старец же благослови я; они же готовяху трапезу поставити пред ним. Старец же не преже брашна вкуси, но преже вниде⁵ въ храм молитвенный, еже есть в часовницу, поим с собою освященнаго въ утробе отрока. И начят часы пети, повеле же сему отроку псалом глаголати. Отрок же рече: «Аз не умею того, отче». Старец же рече: «Рех ти, яко от сего дне дарует ти Господь уметь грамоту. Ты же глаголи слово Божие без сумнения». Тогда бысть сице во удивление: отрок приим благословение от старца, начят стихословити⁶ зело добре и стройне; и от того часа горазд бысть зело грамоте. И сбысться пророчество премудраго пророка Иеремя, глаголюща: «Тако глаголетъ Господь: «Се дах словеса моя въ уста твоа». Родители же его и братия его, се видевше и слышавше, удивишася скорому его разуму и мудрости, и прославиша Бога, даващаго ему такову благодать.

И изведше съ старцем, поставиша пред ним брашно. Старец же вкуси брашна, благослови родители его и хотяше отити. Ро-

¹вынул из мошны. ²раскрой. ³да будет тебе известно. ⁴упал. ⁵поспешив, вошел. ⁶начал службу вести.

дители же его моляхуся старцу, въпрашающе его и глаголюще: «Отче господине! Пожди еще, да въпрашаем тя, да разрешиши¹ и утешиши нищету нашу и печаль нашу. Сие смиренное отроча наше, его же благославляеши и хвалословиши, о нем же многа блага предглаголеши. Но мы о нем въ удивлении есмы и печаль о нем зело жасит² ны, понеже вещь о нем сътворися страшна, странна и незнаема сиева: ему сушу въ утробе матерне, за неколико время рождения его, трижды провереща въ утробе матерне, въ церкви сущи ей при народе, во время, егда святую поют литургию. Инде же сиева вещь³ ниже слышашеся, ниже видешесе; и мы о сем страшимся, недомысляеся, что си будет конец сему или что напреди сбытися имат⁴».

Старец же святыи проразуме, и позна духом будущее, и рече има: «О блаженная врѣсто!⁵ О предобраа супруга, иже таковому детищу родители быста! Въскую⁶ устрашится страхом, идеже не бе страха? Но паче радуется и веселится, яко сподобистася таковыи детищъ родити, его же Бог прознамена еще суща въ утробе матерне. И уже конечную беседу реку и потом препonoю слово⁷; се вам буди знамение моих словес сбытие, яко по моем ошествии узрите отрока добре умсующа всю грамоту и вся прочаа разумевающа святаа книги. И второе знамение вам и извещение — яко отроча се будет велик пред Богом и человеки, житиа ради добродетелнаго». И сиа рек старец, отиде, назнаменава темне глагол⁸ к ним, яко: «Сын ваю⁹ имат быти обитель Святыа Троица и многы приведет въслед себе на разум божественных заповедей». И сиа рек, изиде от них. Они же провожахут его пред врата домовнаа; он же от них вънезапну невидим бысть.

Они же, недоумевающесе, помышляаху, яко ангел послан бысть даровати отроку умение грамоте. Отец же его и мати, въземше от старца благословение и словеса его положиша на сердци своем, възвратистася в дом свой. По отшествии же старца оного обретесе отрок вънезапну всю грамоту оттуду добре умеа, пременися странным образом; и куюждо разгнет книгу¹⁰, ту добре чтый да разумеет. Добрый си отрок достоин бысть даров духовных, иже от самех пелен Бога позна, и Бога възлюбил, и Богом спасен бысть. Пребываше, въ всем повинуюся родителема своим: тщааше бо ся повеления ея съврѣшити и ни въ чем же преслушатися ея, яко же и святое глаголет Писание: «Чти отца своего и матерь да будеши длъголетен на земли».

¹освободи нас. ²огорчает. ³и где бы такого дела. ⁴чем это кончится или что случится в будущем. ⁵чета. ⁶отчего. ⁷и потом прекращу речи. ⁸произнес непонятные слова. ⁹ваш (обоих). ¹⁰какую ни раскроет книгу.

ОТЪ ИНЫЯ ВРЪСТЫ¹

Еще же иное дело скажем сего блаженного отрока, еже въ младе телесе стар смысл показа. По лстех же неколицех жесток пост ѡказа и от всего въздръжаніе имѣаше, въ среду и в пяток ничто же не ядыше, въ прочаа же дни хлебом питаешся и водою; в нощи же многажды без сна пребываше на молитве. И тако вселися во нь благодать Святаго Духа.

Мати же его матерними си глаголы увещеваше его, глаголющи: «Чядо! Не съкруши си плоти от многаго въздръжання, да не въ язю² выпаднеши, паче же младу ти еще сушу, плоти растуши и цветущи. Никто же бо тако млад сый, въ ту врѣсту твою, таково-му жестоку посту касается: никто же от братіа твоея и от свръстник твоих сичево стяжа въздръжаніе, яко же ты. Суть бо нещи, иже и до седмижды днем ядят, иже от утра зело рано начинающе и долго нощи окончевающе, пьюще бесчислени³. Ты же овогда единою днем еси, овогда же ни единою, но чрес день. Престани, чадо, от таковыя продлъженныя алчбы⁴, неси доспел в сие прясло⁵, не бе бо ти еще время. Все бо добро, но въ свое время». Предобрый же отрок отвѣщаваше ей, купно же и моляше ю, глаголя: «Не дей⁶ мене, мати моя, да не по нужи преслушаюся тебе, но остави мя тако пребывати. Не вы ли глаголаста ми, яко «егда былъ есть в пеленах и в колыбели, тогда, — рече, — въ всякую среду и въ пяток млека не ядушу ти». Да то слыша аз, како могу елика сила не въспрянути къ Богу, да мя избавит от грѣмоих?»

К сим же отвѣща мати его, глаголющи: «И двоюнадесяте⁷ не имаши лет, грѣхы поминаеши. Киа же имаши грѣхы? Не видим бо на тебе знаменій грѣховных, но видехом на тебе знамение благодати и благочестіа, яко благу ю чясть⁸ избрал еси, яже не отимется от тебе». Отрок же рече: «Престани, мати моя, что глаголеши, яко мати сушая, яко чадолюбивца, яко мати, о чадах веселящихся, естествоно любовію одръжима. Но слыши, святое глаголет Писаніе: «Никто же да не похвалится въ чловецех; никто же чист пред Богом, аще и един день живота его будет; никто же есть без грѣха, токмо един Бог без грѣха». Неси ли божественаго слышала Давида, мню, яко от нашей худости глаголюща: «Се бо въ безаконіи зачат есмь, и въ грѣсех роди мя мати моя».

И то рек, паки по пръвое⁹ дръжашеся доброе устройство¹⁰, Богу помогающе ему на благое произволеніе. Сий предобрый и вседоблий отрок не по колицех временех пребываше в дому родителей своих, възрастая и преуспевая въ страх Божій: къ детям играющим не исхожаше и к ним не приставахе: иже в пустошь

¹возраст. ²болезнь. ³безмерно. ⁴воздержаніе, голод. ⁵ты еще не созрел для этого. ⁶говори (здесь: не трогай меня). ⁷двенадцати. ⁸участь. ⁹прежнее.

¹⁰путь, образ жизни.

текущим¹ и всеу тружajúщимся не внимаше; иже суть сквернословци и смехотворци, с теми отнудъ не водворяшеся². Но разве токмо упражняшеся на славословие Божие и в том наслажашеся, къ церкви Божии прилежно пристояше, на заутреню, и на литургию, и на вечерню всегда исхождааше и святыя книги часто почитающе.

И въ всем всегда труждааше³ тело свое, и иссушая плоть свою, и чистоту душевную и телесную без скверны съблюдающе, и часто на месте тайне наедине съ слезами моляшеся къ Богу, глаголя: «Господи! Аще тако есть, яко же поведаста ми родителіе мои, яко и преже рожения моего Твоя благодать и Твое избрание и знамение бысть на мне, убозем, воля Твоя да будет, Господи! Буди, Господи, милость Твоя на мне! Но дай же ми, Господи! Измлада всем сердцем и всею душею моею яко от утробы матери моея къ Тебе привръжен есмь, из ложесн, от съсцу матери моея — Бог мой еси Ты. Яко егда сущу ми въ утробе матерни, тогда благодать Твоя посетила мя есть, и ныне не остави мене, Господи, яко отец мой и мати моя оставляют мя. Ты, Господи, прими мя, присвой мя к Себе, и причти мя къ избранному Ти стаду: яко Тебе оставлен есмь нищий. И из младенчества избави мя, Господи, от всякия нечистоты и от всякия скврны плотскыя и душевныя. И творити святыню въ страхе Твоем сподоби мя, Господи. Сердце мое да възвысится к Тебе, Господи, и вся сладкая⁴ мира сего да не усладят мене, и вся красная⁵ житейская да не прикоснутся мне. Но да прилпе⁶ душа моя въслед Тебе, мене же да примет десница Твоя. И ничто же да не усладит ми мирских красот на слабость; и не буди ми ни мало же порадоватися радостію мира сего. Нъ испльни мя, Господи, радости духовныя, радости неизреченныя, сладости Божественныя, и Дух Твой благодатный наставит мя на землю праву⁷». Старци же и прочіи людие, видевши таковое пребывание уноши, дивляхуся, глаголющи: «Что убо будет уноша сый, иже елику дару добродетели сподобил его Бог от детства?»

До zde же убо списашася сиа вся, елика съдеяшася, идеже прежде жил Кирил в некоей веси области оная, иже бе въ пределах Ростовскаго княженія, не зело близ града Ростова. Хочет же слово сказати аки некое преселение: пресели бо ся Кирил от Ростова в Радонеж. Како же или что ради преселися, аще бо и много имам глаголати, но обаче нужна ми бысть о сем писати.

О ПРЕСЕЛЕНІИ РОДИТЕЛЕЙ СВЯТОГО

Сей убо прежереченный раб Божій Кирил преже имаше житіе⁸ велико в Ростовстей области, болярин сый, един от славных и нарочитых боляр, богатство многым изобилуя, но напослед на старость обнища и оскуде. Како же и что ради обни-

¹ бездельникам. ² не общался. ³ изнурял. ⁴ услады. ⁵ красоты. ⁶ прирастет. ⁷ путь праведный. ⁸ имущество.

ша, да скажем и се: яко частыми хоженми еже съ князем въ Орду, частыми ратми Татарскими, еже на Русь, частыми послы Татарскими, частыми тяжкими данми и выходы еже въ Орду, частыми глады хлебными. Надо всеми же сими паче бысть егда великая рать Татарская, глаголемая Федорчукова Туралыкова, егда по ней за год един наста насилowanie, сиречь княжение великое досталось князю великому Ивану Даниловичю, купно же и досталось княжение Ростовское к Москве. Увыи, увый тогда граду Ростову, паче же и князем их, яко отъяся от них власть, и княжение, и имение, и честь, и слава, и вся прочая потягну к Москве.

Егда изиде по великого князя велению и послан бысть от Москвы на Ростов, акы некий воевода, един от велмож, именем Василий, прозвище Кочева, и с ним Мина. И егда внидоша въ град Ростов, тогда възложиста велику нужю¹ на град да и на вся живущаа въ нем, и гонение много умножися, и немало их от ростовец москвичем имениа своа съ нуждею отдаваху, а сами противу того раны на телеси своем съ укоризною въземлюще и тышима² рукама отхождааху, иже последняго беденьства образ³, яко не токмо имениа обнажени быша, но и раны на плоти своей подяща, яко и самого того епарха градскаго старейшаго боярина ростовскаго именем Аверкый стремглавы обесиша⁴ и възложиша на ня руце свои, и оставиша поругана. И бысть страх велик на всех слышащих и видящих сиа, не токмо въ граде Ростове, но и въ всех пределах его.

И таковыя ради нужда раб Божий Кирил воздвижеся из веси оная предиреченныя Ростовская; и събрася съ всем домом своим, и съ всем родом своим⁵ въздвижеся, и преселися от Ростова въ Радонеж. И пришед, вселися близ церкви, нареченныя въ имя святаго Рожества Христова, еже и донныне стоит церковь та. И ту живяше с родом своим. Не един же сий, но с ним и инии мнози преселишася от Ростова въ Радонеж. И быша преселници на земли чуждей, от них же есть Георгий, сын протопопов, с родом си, Иоанн и Феодор, Тормосов род, Дюдень, зять его, с родом си, Онисим, дядя его, иже последи бысть диакон. Онисима же, глаголют, с Протасием тысяцким пришедша в тую весь, глаголемую Радонеж, юже даде князь великы сынови своему мезинуму⁶ князю Андрею. А наместника постави въ ней Терентиа Ртища, и лготу людем многу дарова, и ослабу обещася тако же велику дати. Ея же ради лготы събрашася мнози, яко же и Ростовская ради нужда и злобы разбегошася мнози.

Отрок же предобрый, предобраго родителя сын, о нем же беседа воспоминається, иже присно воспоминаемый подвижник, иже от родителей добродородных и благоверных произиде, добра бо корене добра и отрасль прорастве, добру кореню прьвообразу-

¹бедствия. ²пустыми. ³являя собой крайнюю степень бедности. ⁴повесили вниз головой. ⁵со своими родными. ⁶младшему.

емую печать всячьскый изобразуя, из младых бо ногтей, яко же сад благородны показася, и яко плод благоплодный процвете, бысть отроча добролепно и благопотребно. По времени же възраста к лучшим паче преуспевающу ему, ему же житийския красоты ни въ что въменившу¹ и всяко суетство мирьское, яко и сметие², поправшу, яко же реши и то самое естество презрети и преодолети, еже и Давидова в себе словеса начасте пошептавшу: «Каа плъза въ крови моей, внегда снити ми въ истление?» Ношцию же и денью не престааше молящи Бога, еже подвижным начатком³ ходатай есть спасения. Прочая же добродетели его како имам поведати: тихость, кротость, слова млъчание, смирение, безгневие, простота без пестроты⁴, любовь равну имея къ всем человеком, никогда же къ ярости себе, ни на претыкание⁵, ни на обиду, ни на слабость, ни на смех, но аще и усклабитися⁶ хотящу ему — нужда бо и сему приключается — но и то с целомудрием зело и съ въздръжанием. Повсегда сетуя хождааше, акы дряхловати съобразуяся⁷, боле же паче плачущи бѣаше, начасте слъзы от очи по ланитама точящи, плачевное и печальное житѣльство сим знаменаючи. И Псалтырь въ устех никогда оскудеваше, въздръжанием присно красующися, дручению⁸ телесному выну⁹ радовашеся, худость ризную съ усердием приемлющи. Пива же и меду никогда же вкушаючи, ни къ устом приносящи или обнюхаючи. Таковаа же вся не довольна еже къ естеству вмениящи¹⁰.

Сынове же Кириловы, Стефан и Петр, оженистася; третий же сын, блаженный уноша Варфоломей, не въсхоте женитися, но и зело желаше въ иночьское житие. О сем моляшеся отцу своему, глаголя: «Ныне отпусти мя, владыко, по глаголу твоему и по благословению твоему да иду въ иночьское житие». Родителие же его рекоста ему: «Чядо! Пожди мало и потръпи о наю¹¹: се бо въ старости и въ скудости, и въ болести есмы ныне, и несть кому послужити нама: се бо братиа твоя Стефан и Петр оженистася и пекутся, како угодити женама. Ты же не оживый печешися, како угодити Богови — паче же благуя чясть избрал есть, и яже не отимется от тебе. Токмо послужи нама мало, да егда наю, родителя своя, проводиши до гроба, тогда и свою мысль сътвориши. Егда нас гробу предаси и землею погребеши, тогда и свое хотение испълниши».

Пречюдный же уноша съ радостию обещася послужити има до живота ею и от того дни тѣшашеся по вся дни всячьскыи угодити родителема, яко да наследит от них молитву и благословение. И тако пребысть неколико время, служа и угадая родителема своима всею душею и чистою съвѣстию, дондеже постригостося въ мнишеский чин, отидоша кыждо ею въ своя времена в монастыря своя. И мало поживша лет в чернчестве, преставис-

¹не почитавший. ²пыль. ³начинающим подвижникам. ⁴хитрости, лукавства. ⁵препирание. ⁶улыбнуться. ⁷как бы печальному. ⁸тяготам. ⁹всегда. ¹⁰Но все такое он не считал потребным для естества человеческого. ¹¹о нас.

тая, от жития сего отидоста къ Богу, а сына своего блаженнаго уношу Варфоломея по вся дни многими благословении благословяху и до послѣдняго издыханія. Блаженный же уноша проводив до гроба родителя своя, и пѣв над ним надгробныя песни, и skutав телеса ею, и целовав, съ многою честию и предав гробу, и покрыв землею съ слъзами, аки некое съкровище многоценное. И съ слъзами почте и отца и мать умрыша понахидами же и святыми литургиями, украси память родителю своею и молитвами, и милостынями къ убогим, и нищекръмием. И пребысть до 40 дний сице, творя память родителема своима.

И отиде в дом свой, радуяся душею же и сердцем, яко некое съкровище многоценное приобрет, полно богатства духовнаго. Сам же преподобный юноша зело желаше мнишескаго житія. Вышед в дом по преставлении родителю своею и нача упражня-ти¹ от житейских печалей мира сего. Дом же и яже суть въ дому потребныя вещи ни въ что же вменив си, поминаше же въ сердци Писание, глаголющее, яко «много въздыханія и унынія житіе мира сего плъно естъ». Пророк рече: «Изыдете от среды их и отлучитесь, и нечистем мире не прикасайтесь». И другой пророк рече: «Отступите от земли и възидете на небо». И Давид рече: «Прилпе душа моя въслед Тебе; мене же приат десница Твоя»; и паки: «Се удалихся, бегая, и въдворихся в пустыню, чаах Бога, спасающаго мя». И Господь въ Евангелии рече: «Иже кто хошет въслед Мене итти, аще не отречется всех, яже суть в мире сем, не может быти Мой ученик». Сими утврдив си душу и тело, и призва Петра, по плоти брата своего меньшаго, оставляет ему отчее наследіе и проста вся, яже суть в дому его, житейским на потребу. Сам же не взя себе ничто же, по божественному апостолу, рекшему: «Уметы вся вменил си, да Христа приобретаю»².

Стефану же, по роду брату его старейшему, немного лет пожившу съ женою, и жена его умре, родивши два сына: Климента да Иоанна, иже тот Иоанн последи бысть Феодор Симоновский. Стефан же не по мнозе оставль мир и бысть мних в монастыри святыя Богородица у Покрова, иже на Хоткове. К нему же пришед блаженный уноша Варфоломей, моляше Стефана, дабы шел с ним на взысканіе места пустыннаго.

Стефан же принужен быв словесы блаженнаго, и исшедша, обходиста по лесом многа места и последи приидоста на едино место пустыни, въ чащах леса, имуща и воду. Обышедша же место то и възлюбиста е, паче же Богуставляющу их. И сътвориша молитву, начаста своима рукама лес сещи и на раму³ своею бервьна изнесоша на место. Прежде же себе сътвориста одрину⁴ и хизину и покрыста ю, потом же келию едину създаста, и обложиста⁵ церквицу малу, и срубиста ю. И егда бысть съвръшено кончана церковь внеуду⁶ изготована, яко же бысть лепо уже вре-

¹удалаться, освободиться. ²«Я почитал все за прах, чтобы только обрести Христа!» ³На плечах. ⁴постель. ⁵заложили. ⁶вне.

мя свящати ю¹, тогда блаженный уноша рече къ Стефану: «Понеже брат ми еси старейший по роду и по плоти, паче же и по духу, и лепо ми есть имети тебе въ отца место²; и ныне несть ми кого въпросити о всем, развие тебе. Паче же о сем молю тя и въпрашаю тя: се уже церковь поставлена и съвршена всем, и время есть свящати ю; скажи ми, в которое имя будет праздник церкви сия, и въ имя котораго святого свящати ю?»

Отвѣшав же Стефан, рече ему: «Что мя въпрашаеши и всякую мя искушаеши и истязаети? И сам веси мене не хуже³, понеже отецъ и мати, наши родителіе, колькраты⁴ възвестиша тебе пред нами, глаголющи: «Блюди, блюди, чадо! И не наше еси чадо, но Божіе дание, елма⁵ же Бог избра тебе, еще суша въ утробе матерне носима, и прознамена о тебе и прежде рожения твоего, егда трикраты провъзгласил еси въ всю церковь въ время, егда поют святую литургию. Яко же и всем людем, стоящим ту и слышащим, въ удивлении быти и ужасным почудитися, глаголюще: «Что убо будет младенец сѣй?» Но священники же и старци, святии мужіе, ясно о тебе проразсудиша и протолковаша, глаголюще: «Понеже о младенци сем троичное число изобразися, и сим прознаменуя, яко будет некогда ученик Святыя Троица. И не токмо же сам един веровати начнет благочестно, но и ины многы приведе и научит веровати въ Святую Троицу». Да лепо есть тебе свящати церковь сию паче всех въ имя Святыя Троица. Не наше же се замышление, но Божіе изволение, и прознаменованіе, и избраніе, Богу тако изволшу. Буди имя Господне благословено в веки!» И сиа изглаголавшу Стефану, блаженный же уноша въздохнув от сердца и рече: «Вѣистину изглагола, господине мой. Се и мне любо есть, и аз того хотех и смыслях, и желает душа моя еже съвршити и свящати церковь въ имя Святыя Троица. Но смиренна ради въпрашах тя, и се Господь Бог не остави мене, и желание сердца моего дал ми, и хотения моего не лишил мя».

И то рекша, и взяша и благословение от святителя. И приехаша из града от митрополита Феогнаста священники, и привезоша с собою священие, и антимиас, и мощи святых мученик, и прочая, яже на потребу на освящениіе церкви. И тогда священа бысть церкви въ имя Святыя Троица от преосвященнаго архиепископа Феогноста, митрополита Киевскаго и всея Руси, при великом князи Симеоне Ивановиче; мно убо, еже реши, въ началю княжениа его. Въправду убо церковь си наречена бысть въ имя Святыя Троица: понеже поставлена бысть благодатию Бога Отца, и милостию Сына Божіа, и поспешением Святаго Духа.

Стефан же, съвршив церковь и свящав ю, и видя труд пустынный, житіе скръбно, житіе жестко, отвсюду теснота, отовсюду недостаткы, не имущим ниоткуда ни ястіа, ни питія, ни

¹ибо наступило время ее освящать. ²вместо отца. ³сам знаешь не хуже меня. ⁴сколько раз. ⁵поскольку же.

прочих, яже на потребу. Не бе бо ни прохода, ни приноса ниоткуда же; не бе бо окрест пустыня тоя близ тогда ни сел, ни дворов, ни людей, живущих в них; ни пути ниоткуда же, и не бе мимоходящаго, ни поспешающаго, но округ места того съ все страны все лес, все пустыня. Он же видя сиа и стужився, оставляет пустыню, купно же и брата своего приснаго, преподобнаго пустынолюбца и пустыножителя, и отгуду изиде на Москву.

И пришед въ град, вселися в монастырь святаго Богоявления, и обрете себе келию, живяше в ней зело подвижаяся на добродетель: бяше бо и тот любяше жити трудолюбно, живой в келии своей житие жестоко, постом и молитвою и от всего въздржаяся, и пива не пиаше, и ризы нещапливы¹ ношааше. Бяше же в та времена в том монастыри Алексий митрополит живяше, еще не поставлен в митрополиты, но чрънечское житие честно проходя пребываше. С ним же Стефан, духовным житием оба купно живяста, но и въ церкви на клиросе оба по ряду стояще, пояху; тако же и Геронтий некто, нарочит и славен старец, въ том же монастыри живяше. Уведав же князь великий Симеон яже о Стефане и добрем житии его, повеле Феогносту митрополиту поставити его въ прозвиреры, въ священнический сан, таче потом игуменьство ему приказати въ том монастыри, и приа его въ отчство себе въ духовничество²; тако же и Василий тысящник³, и Феодор, брат его, и прочии боляре старейши купно вси по ряду.

Вседоблий же блаженный юноша верный, иже бе присны брат и единоматерен тому Стефану, аще бо и от единого отца родистася, аще и едино чрево изнесе его, но не едино произволение его. Не брата ли приснаа оба быста себе? не единомыслием ли съгласистася и седоста на месте том? не оба ли равно купно съвещастася сести въ пустыници той? како абие распрягостася друг от друга? Ов сице произвели, другий же инако, ов убо въ градстем монастыре подвижатися проразсуди, ов же и пустыню, яко град, сътвори⁴.

Не зазрите же ми грубости моей, понеже и до zde писах и продльжих слово о младенстве его, и о детъстве его, и прочее о всем белецком⁵ житии его: и елико бо аще в миру пребываше, но душею и желанием къ Богу распалашеся. Показати хочу почитающим и послушающим житиа его, каков быв измлада и из детства верою, и чистым житием, и всеми добрыми делы украшен — сице деание и хождение его еже в миру. Доброму сему и преудобренному отроку аще и в мирьстем устроении живушу ему тогда, но обаче Бог свыше призираше на него⁶, посещаа его своею благодатию, съблюдаа его и огражаа святыми ангелы своими, и въ

¹скромные, нещегоольские. ²духовным отцом. ³тысяцкий. ⁴Не братьями ли родными оба они были? не сообща ли решили и осела на месте том? не оба ли вместе собирались осесть в той пустыни? так отчего же вдруг разошлись они друг от друга? Один пожелал того, другой — иного, один в городском монастыре решил подвизаться, другой же пустыню в град превратил. ⁵мирском. ⁶однако Бог хранил его свыше.

всяком месте съхраняя его и во всяком пути его, аможе колиждо хождааше¹. Бог бо есть сердцевидец, един сведый сердечная, един сведый тайная, прозя будущаа яже о нем, яко имсаше въ сердци многы добродетели и любви рачение², проведеый, яко будет в нем съсуд избран по его благому доброизволению, яко будет игумен множайший братии и отец многим монастырем. Но тогда убо велми хотяше обещися въ образ чернечский³: зело желаше иноческаго житиа и постнаго и мльчаннаго пребывания.

О ПОСТРИЖЕНИИ СВЯТАГО

И изшед же съй святыи Варфоломей, о нем же нам слово, моли некоего священноинока, глаголя: «Гряди, о честный отче, яко да облечеши мя въ святыи образ. Зело бо от юности своеа желаю, его же да сподобит мя Бог святых ти ради молитв. Моленна же его тый священноинок не презрев, паче же и смиренни[е] его виде. По временех велит ему главу преклонити. Он же съ смирением главу преклонив, и абие облачит его въ иночскый образ. И тако отлагает власи главы своеа, вкупе же и долу влекущаа желаниа. Нареченно же бысть и имя его — Сергий. Поучив же его тый духовный настоатель о ползи. Конечнее же рек: «Аз, чадо, отхожду, предаю же тя въ руце Божии. Бог же да будет тебе прибежище и сила, еже на врагы, еже противитися кознем его и лаянию». И сия рек, и молитву сътвори, и тако отиде от него. Бе же възрастом тогда святыи Сергее, егда приат святыи образ иночскый, яко двадцать лет.

Преподобный Сергие упражняшеся от попечения⁴ телеснаго, яко же выше рекохом, яко любя безмльвие, въздржание же его и труды. Кто сказати может, или кый язык изглаголет, колика пострада от бесов и от зверей. Беси бо преображахуся овогда въ зверя, овогда же въ змия, и тако бе видети чюдное борение мужа. Ти бо с висканием⁵ и зверьским сверепием устремляющеся бяху, ть же отражаа молитвою, яко же неким мечем обоюдоустрым. И пресекаа вся бесовскаа опльчения⁶. И тако благодатию Христовою пребываше от них певредим. <...>

**СЛОВО ПОХВАЛНО ПРЕПОДОБНОМУ ОТЦУ НАШЕМУ
СЕРГИЮ; СЪТВОРЕНО БЫТЬ УЧЕНИКОМ
ЕГО СЯЩЕННОИНОКОМ ЕФИФАНИЕМ.
БЛАГОСЛОВИ, ОТЧЕ!**

Тайну цареву добро есть хранити, а дела Божиа проповедати преславно есть; еже бо не хранити царевы тайны пагубно есть и блазнено⁷, а еже мльчати дела Божиа преславнаа — беду души наносить...

¹куда бы сколько раз ни ходил. ²пристрастие. ³стать монахом. ⁴удалялся от забот. ⁵с визгом. ⁶нападения. ⁷опасно.

Сего же угодника своего, преподобнаго отца нашего и пре-
блаженнаго Сергия, тако Бог почте и тако прослави его, яко да
молитвами его мнози от болезней здрави бывааху и мнози от не-
дуг исцеление приаша, мнози от бесов избавишася и от много-
различных искушений очистишася. Толико бо Бог прослави
угодника своего не токмо в той стране, в ней же святой живяше,
но и въ иных градах, и в далних странах, и въ всех языцех от мо-
ря даже и до моря, не токмо въ царствующем граде, нъ и в Ие-
русалиме. Не токмо едины православнии почюдишася добродетел-
ному житию преподобнаго, но и невернии мнози удивишася
благопробывателней жизни его: бяше бо Бога възлюби всем
сердцем своим и ближняго своего, яко и сам ся. Равно бо любля-
ше всех и всем добро творяше, и вси ему благодворяху; и къ всем
любовь имяше, и вси к нему любовь имеаху и добре его почита-
аху. И мнози к нему приходяаху, не токмо ближнии, но издале-
че, и от далних градов, и стран, хотяше видети и и слышати сло-
во от него и велику ползу и душевное спасение приемлюще от
поучения и дел его: учаше бо и творяше, яко же в Деяниях свя-
тых апостолъ речеся: «Понеже начат Иисус творити же и учити;
иже убо словом учяше, то же и Сам делом творяше.

И не токмо от поучения его ползевашася, нъ и многажды не-
ким зрящим на нъ точию от зрѣния его приѣмати ползу многым.
Многих научи душеполезными словесы, и на покаание къ Богу
обрати, и многих спасе, облек въ иночскій образ, паче же аг-
гелскы, и честныя мощи их своимъ рукама спрятавъ¹, погребению
предать. И многих душа к Богу приведе, и мнози поучением его
спасошася и доныне спасаются, не точию иноци, нъ и прости, по-
минающе душеполезнаа его словеса и учения; упасе бо пору-
ченное ему от Бога стадо въ преподобии и правде, образ во всем
быв своимъ ученикомъ. Поживе на земли житие чисто, непорочно
и благоугодно Господови, еже начен от юности зело, то же и
свършы въ старости, не изменивъ правила чрънечскаго во вся
лѣта житиа своего, никако же разленися, ни унывъ, не инако на-
чя, и инако оконча²: но елико убо жестоко и свято нача, толико
же изрядно и чюдно сконча, съ благоизволениемъ убо нача, съ
святынею же свършы въ страхе Божии. «Зачало бо премудрости
— страхъ Господень». Занеже веру и упование, и любовь преизли-
ше приобрете, темъ же благочестиве нача, и благочестно поживе,
и свято свършы. Равно течение сконча, веру съблюде, и венецъ
праведный получи, и мзду верну въсприятъ трудовъ ради и исправ-
ленийъ своихъ, ими же подвизася на земли, подвигъ многъ свършивъ,
и трудъ великъ подъятъ, тяготу и вара дневнаго понесъ³, и зной полу-
дневный доблестовне въсприятъ, и студень зимнюю велми постра-
да, и мразы лютыя и нестерпимыя претръпе имени ради Божия;
и того ради нынѣ въсприятъ мзду свършену⁴ и велию милость.

¹оцев. ²все, что начинал, то и завершал. ³тяжесть жары дневной перенес.
⁴награду высшую.

...Сиа же подробну писах не к тем, иже известно сведущим и добре знающим благочестное житие его: ти бо не требуют сего воззвешение. Нъ понудихся възвестити сиа и възпомянути ново-рожденным младенцем и младоумным отрочаюм, и детский смысл еще имущим, да и ти некогда възрастут, и възмужают, и преуспеют, и достигнут в меру врѣсты¹ испльнення мужества, и достигнут в разум свершен, и друг друга възпросят о сем, и почтше разумеют² и инем възвестят, яко же въ святом Писании речеся: «Въпроси, — рече, — отца своего, и възвестит тебе старца твоя, и рекут тебе. Елико видеша, и слышаша, и разумеша, отци наши поведаша нам, да не утаится от чад их в род их сказати я сыновом своим, да не познает род ин сынове родящеися, да встанут и поведят я сыном своим, и не забудут дел Божиих». Елици бо их быша великому тому и святому старцу самовидци же и слугы, ученици и таибници³, паче ж послушници, иже своими очима видеша его, и уши их слышаша и, и руце их осязаста и, ядоша же и пища с ним, иже учения его насытитися и добродетели его насладишася, то тии не требуют сего нашего писмене. Доволни бо суще и иных научити, паче же и мене самого наказати, и известити, и наставити на путь правый; а елици их же быти ныне начинают, яко же преди речеся⁴, иже не видеша, ни разуме-ша, и всем сущим, наипаче же новоначальным⁵ зело прилична и угодна суть, да не забвено будет житие святого, тихое и кроткое, и незлобивое, да не забвено будет житие чистое, и непорочное, и безмятежное; да не забвено будет житие его добродетельное, и чюдное, и преизящное; да не забвены будут многыя его добродетели и великаа исправления; да не забвены будут благыя обычаа и добронравныя образы; да не будут бес памяти сладкаа его словеса и любезныя глаголы; да не останет бес памяти таковое удивление, иже на нем удиви Бог милость свою и дарова нам видети такова мужа свята и велика старца, иже бысть въ дни наша.

О, възлюбленный! Въсхотех умлъчати многыя его добродетели, якоже преди рекох, но обаче внутрь желание нудит мя глаголати, а недостойнство мое запрещает ми мльчати. Помысл болезный предваряет, веля ми глаголати, скудость же ума заграждает ми уста, веляще ми умлъкнути⁶. И понеже обдрѣжим есмь и побеждаем обема нуждема, но обаче лучше ми естъ глаголати, да прииму поне малу некую ослабу⁷ и почию от многих помысл, смущающих мя, възхотев нечто от житиа святого поведати, сиречь от многа малая. И взем, написах и положих зде в худем нашем гранесловии⁸ на славу и честь Святей и Живоначальной Троици и Пречистой его Матери и на похвалу преподобному отцю нашему Сергию худым своим разумом и растленным умом.

¹возраста. ²и прочтя постигнут. ³сподвижник. ⁴как уже сказано. ⁵начинающим (монахам). ⁶Идет мысль убогая впереди, повелевая мне повествовать, но скудость ума заграждает уста, приказывая мне умолкнуть. ⁷облегчение. ⁸в убогой нашей похвале.

Наипаче же усумнехся, дръзаа, надеяся на молитву блаженана, понеже житие его добродетелно есть и съвършено, и от Бога прославлен бысть. Аз же убояхся, яко немощен есмь, груб же и умовреден¹ сый; нъ обаче подробну глаголя, невъзможно бо есть постигнути до конечнаго исповедана, якоже бы кто могл исповедати доволно о преподобнем сем отци нашем и великом старци, иже бысть въ дни наша и времена, и лета, и въ стране и въ языке нашем, поживе на земли аггельским житием, стяжа трпение крепко и въздержание твердо, въ девстве, и чистоте, и целомудрии съвърши святыню въ страхе Божии и сподоблен бысть Божественныя благодати: понеже от юности очистися церкви быти Святаго Духа и преуготова себе съсуд свят и избран, да вселится Бог въ нь, по апостолу, глаголющу: «Братие, вы есте церкви Бога жива, яко же рече Бог: «Вселюся в ню».

Сий убо преподобный отец наш Сергие из детьска възраста и от юны врьсты, и от младых ноготь предастся Богу, и от самых пелен Богу освятися, и измлада церкви велми пристояше², и чясто въ ню входя, поучаася въ святых книгах, навик Божественана Писаниа, и сладостно их послушая, и в них поучаашеся, яко же пророк Давид рече: «Поучитися день и ночь и будет яко древо, сажленно при исходящих вод, иже плод свой даст въ время свое». Измлада бо възлюби мнишский чин, и въ нь³ облькся, измлад въ всякой добродетели прилежно постився и всяку добродетель иноческаго житиа исправи, и свет благодатный възсия въ сердци его, и просветися помысл его благодатию духовною, ея же приспеаше⁴ въ житии добродетелном.

И въздержание велие стяжав себе, смиренномудрие, целомудрие и къ всем любовь нелицемерну. Слава же и слышание пронеся о нем повсюде, и вси слышащей издалеча притекааху к нему, и велик успех, и многу ползу, и спасение приимаху от него: дасть бо ему Господь разум о всем, и слово утешения даровася ему, могый утешити печалныя. Сиде же бе тщание его, да не прилпнет ум его никацех же вещей земных и житейских печалех; и ничто же не стяжа себе притяжания⁵ на земли, ни имениа от тленнаго богатства, ни злата или сребра, ни скровищ, ни храмов светлых и превысоких, ни домов, ни сел красных, ни риз многоценных. Но сиде стяжа себе паче всех истинное нестяжание и безыменство, и богатсво — нищету духовную, смирение безмерное и любовь нелицемерную, равну къ всем человеком. И всех вкупе равно любляше и равно чтяше, не избирав, ни судя, ни зря на лица человеком, и ни на кого же возносяся, ни осужаа, ни клеветша, ни гневом, ни яростию, ни жестостию, ни лютостию, ниже злобы дръжа на кого, нъ бяше слово его въ благодати солиу растворено съ сладостию и с любовию.

Кто бо, слыша добрый его и сладкий ответ, не насладися когда от сладости словес его? Или кто, зря на лице его, не весе-

¹неразумен. ²любил. ³в него. ⁴преуспевал. ⁵стяжаний.

ляшеся? Или кто, видя святое его житие, не покаяся? Или кто, видя кротость его и незлобие, и не умилился? Или кто сребролюбец бысть, видя его нищету духовную, и не подивися? Или кто похыщник и гордостию превъзносясь, видя его высокое смирение, и не почудися? Или кто бысть блудник, видя чистоту его, и не пременися от блуда? Или кто гневлив и напрасен¹, беседуай с ним, на кротость не преложися? Несмь бо аз видел въ дни сиа, и в нынешняя времена, и въ наша лета сиеца мужа свята, и съвършена въ всяко дело благо, и украшена всякою добродетелию всячески. Яко же от прочих святых, иже кто възлюблен есть от Бога, яко же сый преподобный Сергие?

Сый ми есть первый и последний въ нынешняя времена; сего Бог проявил² есть въ последняя времена, на скончание века и последнему роду нашему, сего Бог прославил есть в Русской земли и на окончание седмыя тысяща; сый убо преподобный отец наш провосиал есть въ стране Русстей, и яко светило пресветлое възсия посреди тмы и мрака, и яко цвет прекрасный посреди тръνια и волчец³, яко звезда незаходимаа, яко луча, тайно сияючи и блистаючи, и яко крин въ юдолии мирских⁴, яко кадило благоуханное, яко яблоко добровонное, яко шипок⁵ благоуханный, яко злато посреди бръνια⁶, и сребро ражнжено, и искушено, и очищено седморицею⁷, яко камень честный, и яко биср многоценный, яко измарагд⁸, и сапфир пресветлый, яко финикъ процвете, яко кипарис при водах, яко кедр иже въ Ливане, яко маслина плодovита; яко араматы благоухания, яко миро излианное, яко сад благоцветущ, яко виноград плодоносен, яко гроздь многоплоден, яко оград заключен⁹, и яко врьтоград затворен, яко сладкий запечатленный¹⁰ источник, яко съсуд избран, яко алавастр мира многоценнаго, яко град нерушим, яко стена неподвижима, яко забрала¹¹ тверда, яко сон крепок и верен, яко основание церковное, яко столп непоколебим, яко венец пресветлый, яко корабль, испльн богатства духовнаго, яко земный аггел, яко небесный человек.

Успе же старец о Господе въ старости глубоце, добре пожив въ преподобии и правде, и целомудрии, въ смиренномудрии, въ всякой чистоте и святыни, испльн дний духовных, преставися от житиа сего лет седмидесяти. Чернечествова же лет 50 съ всяким прилежанием и въздержанием, не леностию когда съдръжим, въ съ бодростию и со мнозем трезвением, и всех инок предуспе¹² в роде нашем труды своими и тръпением, и многих превзыде добродетelmi и исправлением своими.

Что же наше житие или что наше пребывание противу святаго подвигом и прочим добродетелем? Ничто же есть наше чръне-

¹несдержанный. ²даровал. ³среди терний и колючек. ⁴как лилия в ущелии земном. ⁵шиповник. ⁶пыли, грязи. ⁷раскаленное, испытанное, очищенное семь раз. ⁸изумруд. ⁹огород запертый. ¹⁰скрытый, тайный. ¹¹крепость. ¹²превозмог.

чество, и наша молитва яко стена есть. Колико растоание имат вѣстокъ отъ запада — сице намъ неудобъ есть постигнути житіа блаженнаго и предивнаго мужа. Сице ти есть житіе его и сицевы труды его, и исправления, и подвизи, и потове, и мнози болезни, еже отъ многа мало нечто понудихомся, аще и не по чину положихом, ни по достоянію написахом.

Егда же приспе время преставленія его, заповѣда ученикомъ своимъ и не повеле имъ въ церкви положить ся, нѣ вне церкви тако просто повеле погребсти ся съ прочими братіями. Братія же, слышавше сѣя отъ святаго, зело скръбни быша и о семъ въспросиша пресвятейшаго архіепископа. Тогда же бе въ преславнемъ и пресловущемъ, в велицемъ граде Москвѣ, украшая престолъ пресвятыи и преславныи владычица наша Богородица, преосвященный Киприанъ митрополитъ. Порасмотривъ и рассудивъ въ себѣ, како и гдѣ погребетъ блаженный, и благослови и повеле имъ положить его въ церкви на правой странѣ; еже и бысть. Положено же бысть тело преподобнаго въ церкви, юже самъ създа и въздвиже, и устрои, и съврши, и украси ю всякою подобною красотою, и нарече сѣя быти въ имя Святыхъ, и Живоначальныхъ, и неразделимыхъ, и единосущныхъ Троица; въ честнемъ его монастыри, и пресловущей лаврѣ, и велицей оградѣ, и в славней обители, юже самъ съгради, и совокупи, и устрои; иде же братію собора, словесное стадо Христово, и спасеную паству упасе я¹ въ незлобии сердца своего, и в разумѣ настави; идеже и самъ одеанъ бысть въ иночскій образъ, паче же аггельскій, и многи тмами темъ труды положи, и неизчетныи подвиги показа; идеже непрестанныи молитвы сътвори; идеже повседневный и нощныи пѣнія и благодаренія славословяще и Бога въспеваше; идеже многолетное и многострадальное теченіе² свое препроводи и укрепи, не исходя отъ мѣста своего во иныя предѣлы, разве нужда некая.

Не взыска царствующаго града, ни Святыхъ горы или Иерусалима, якоже азъ, окаанныи и лишеныи разума. Увы, люте мнѣ! Ползаа сѣмо и овамо, и преплываа сюду и оуду³, и отъ мѣста на мѣсто преходя! нѣ не ходаше тако преподобный, нѣ в мльчании добре сѣдѣше и себѣ внимааше: ни по многимъ мѣстомъ, ни по дальнимъ странамъ хождааше, нѣ въ единомъ мѣстѣ живяше и Бога въспеваше. Не искаше бо суетныхъ и стропотныхъ⁴ вещей, иже не требе ему бысть, нѣ паче всего взыска единого истиннаго Бога, иже чимъ есть душа спасати, еже и бысть. «Ищите бо, — рече, — и обрящете, и толкующему отвръзается». Кто бо нынѣ тако взыска Бога всемъ сердцемъ и отъ всея души възлюби, яко же сѣй преподобный отецъ нашъ, яко же пророкъ рече: «Всемъ сердцемъ моимъ взыскахъ Тебѣ»; и пакы: «Взыскахъ Господа, и услыша мя».

Въ время же преставленія его събрася множество народа отъ градъ и отъ странъ многихъ, коиждо желаше съ многымъ тищаніемъ приблизитися и прикоснутися честнемъ телеси его или что взяти

¹их. ²жизнь. ³ползая здѣсь и тамъ, перебираясь сюда и туда. ⁴лукавыхъ.

от риз его на благословение себе. Поболев убо старец неколико время и тако преставися ко Господу к вечным обителем, изушав тело свое постом и молитвами, истончив плоть и умертвив уды, сущаа на земли, страсти телесныя покорив духови, победив вреды¹ душевныя, поправ сласти житейскыя, отвръг земнаа попечения², одолев страстным стремлением, презрев мирскую красоту, злато и сребро и прочая имениа прелестнаа³ света сего яко худаа вменив и прозре. И легце преплыв многомутное море житейское, и без вреда препроводи душевный корабль, испльнъ богатства духовнаго, беспакостно⁴ доиде в тихое пристанище, и достиже, и крилома духовныма въскрилися на высоту разумную, и венцем бестрастиа украсися, преставися къ Господу и преиде от смерти в живот, от труда в покой, от печали в радость, от подвига в утешение, от скръби в веселие, от суетнаго житиа въ вечную жизнь, от маловременнаго века въ веки бесконечныя, от тля въ нетление, от силы в силу и от славы в славу. И вси пришедшей ту и обретшейся плакахуся его ради.

Князи и боляре, и прочий велмужи, и честнии игумени, попы же и диякони, и инок множество, и прочий народ съ вещами и с кандилы⁵ проводиша честно священныя его и страстотерпческыя мощи, певше над ним обычныя пения, и благодаривше надгробныя песни, и довольно молитвоваше, опрятавши⁶ и благочиние положиша и въ гробе, якоже прежде речеса. И на мног час плакавши над ним довольно, едва разыдошася каждо въ своя, многа плача и печали наполнишася. Наипаче непрестанных слез еже ему беша приснии ученици и любимии послушници, в пастве его живущей, зело вси скръбни быша и хождяху, сетующе, въздыхающе и радающе, стенующе смирени, слезни, дряхли, печални, умилини, поникли, не имуще утешения, и друг друга сретаяюще, и въпрашающе, и съ многыми слезами умилено глаголаху: «Прости, отче, и благослови, възлюбленный о Христе брате! Се добрый и блаженный наш старец от нас къ Господу отиде и нас сирых оставив. Изыде тамо, идеже есть мзда велиа и въздаание делом его и многим трудом его. Изыде с миром къ Господу, его же измлада възлюби, успе сном вечным и длъжным и почи о Господе в покой вечный; токмо нас сирых оставь, тем ныне и мы по нем жадаем и плачемся, яко остахом его⁷ и обнищали зело, яко осирехом и умалихомся, яко смерихомся, и оубожахом⁸, и изумлени быхом, яко стадо бес пастыря и корабль бес крьмника, яко виноград многоплодный без стража и болящий без врача, быхом смущени и отвръжени», — сиа таковаа и подобнаа сим, по нем скръбяще и плачюще, глаголаху. Мнози же убо елици к нему веру и любовь имуще, не токмо в животе, нъ и по смерти къ гробу его присно приходяще, и съ страхом притекающе, и верою приступающе, и любовию припадающе, и съ умилением прини-

¹болезни. ²заботы. ³прельстительные. ⁴без ущерба, вреда. ⁵с кадилами. ⁶обряди. ⁷оставили его. ⁸обнищали.

чающе¹, и руками объемлюще, святолепно и благоговейно осязающе, очима и главами своими прикасающееся, и любезно целующе раку мошей его, и устнами чистыми лобызающе, и верою теплою, и горящим желанием, и многою любовью беседующе к нему, акы живу по истине и по успении живому, и съ слезами глаголюще к нему: «О, святоче Божий и угодниче Спасов! О, преподобниче и избранниче Христов! О, священнаа главо, преблаженный Авва², Сергие великий! Не забуди нас, нищих своих, до конца, но поминай нас всегда въ святых своих и благоприятных молитвах къ Господу. Помяни стадо свое, яже сам паствил еси, и не забуди присещати чад своих.

Моли за ны, отче священный, за дети своя духовныя, яко имея дерзновение къ Небесному Царю, и не премлъчи, въпиа за ны къ Господу, не презри нас, верою и любовию чтущих тя, помяни нас, недостойных, у престола Вседръжителя, не престай моляся о нас къ Христу Богу — тебе бо дана бысть благодать за ны молитися, не мним бо тя мертва суща³, аще и телом преставися от нас, но не оступи от нас духом, пастуше наш добрый; се бо мощий твоих гроб пред очима нашимъ видим есть всегда, нъ святаа твоя душа невидимо съ ангельскими воинствы съ бесплотными лики, съ небесными силами у престола Вседръжителя и в лепоту достойно веселится.

Нам бо суще сведущим тя, яко живу ти и по смерти сущу. Тако бо писано есть пророком, глаголющим: «Душа праведных в руце Божии, и не прикоснется их мука. Упование их исполнь бесмертия, яко Бог искуси я⁴ и обрете их, достойны себе; яко злато, искуси я⁴, яко всесъзжения, прият я⁴, яко благодать и милость въ избранных его и посещение на преподобных его. Праведници бо, — рече, — в веки живут, мзда от Господа и строение их — от Вышняго. Сего ради примут царствие красоты и венец доброты от руку Господня». Память праведнаго с похвалами бывает, и благословение Господне над главою праведнаго. Аще и преставится праведный, в покой будет, старость бо честна многолетна, ни в числе лет изчетена есть, седины же суть разум человеку, лета же старости житие нескверно. Угоден Богу быв и възлюблен быв, живый посреди грешник, преставлен бысть. Да не злоба изменит разум его, и лесь да не помрачит душу его. Скончався в мале, исполни лета многа, угодна бо бе Господови душа его. Того ради любит Господь праведника, съхранит и живит и⁵, и ублажит его на земли, и не даст в веки смятенна праведнику, ниже даст видети исления преподобному своему; яко высок Господь на смиренныя, призирает и приемля кроткыя Господь и близ есть всем призывающим его истинною; волю боящихся его сътворит, и молитву их услышит, и спасет я⁶. Хранит Господь вся любящаа его, любит Господь преподобных сердца, прияти же ему вси непорочнии в путь. Хранит Господь вся кости их,

¹приникнув. ²отче. ³не считаем тебя умершим. ⁴их. ⁵его. ⁶их.

и не едина от них не съкрушится, похваляему убо праведнику възвеселятся людие. Се тако благословится человек, бояйся Бога: и иже живый¹ в помощи Вышняго, въ крове Бога небеснаго въдворится. Насажден в дому Господни, въ дворе дому Бога нашего процветет, яко кедр, иже в Ливане, умножится. Си есть слава церковная, слава си есть всем преподобным его.

Радуйтесь, праведнии, о Господе! Праведным подобает похвала; «в память вечную, — рече, — будет праведник, и род праведных благословится»...

Тако и сый преподобный отец наш Сергие того ради вся красная мира сего презре, и сия въздеде, и сия прилежно възиска землю кротку и безмълвну, землю тиху и безмятежну, землю красну и всякого исполнь утешения. Яко же сама истина рече въ святом Евангелии: «Толцай² отврзе себе, и ищай обрящет бесценный бисер», — рекше, Господа нашего Иисуса Христа, и Царство Небесное от него въсприят, его же буди всем нам получитьи благодатию Господа нашего. Ему же подобает всяка слава, честь и поклоняние съ безначальным его Отцем, пресвятым, и благим, и животворящим его Духом, ныне и присно и в веки веков. Аминь.

NB Признаюсь, древний язык наш в тонкостях не знаю. Но прочла данный текст с удовольствием, слушая, как поэтично и возвышенно звучат полузабытые слова. Интонация певучая, нескончаемая, как будто ручеек по камешкам журчит: запятых много (значит, мыслей много), а точек мало. Для тех, кто изучает в школе церковнославянский язык, такой параллельный текст оригинала и перевода — настоящий кладезь для духовных размышлений о судьбе русского языка. Современный русский ничуть не хуже древнего, надо только понять алгоритм его становления в веках, раскрыть истинную суть древних корней, сохранившихся в нем, и тогда он, родной и могучий, засверкает так же, как спасенные реставраторами иконы древних мастеров.

¹и всяк живущий. ²стучающийся.

МОЛИТВА КЪ ПРЕПОДОБНОМУ СЕРГИЮ

О, священная главо! Преподобне отче, преблаженный Авва, Сергие великий! Не забуди нищих своих до конца, но поминай нас всегда въ святых своих и благоприятных молитвах къ Богу. Помяни стадо свое, еже сам паствил еси, и не забуди присещати чад своих; моли за ны, отче священный, за дети своя духовныя, яко имея дерзновение къ невесному Царю, и не премълчи, въпи за ны къ Господу, и не презри нас, верою и любовию чтущихъ тя; поминай нас, недостойныхъ, у престола Вседержителя, не престай, моляся о нас къ Христу Богу, тебе бо дана вѣсть благодать за ны молитися, не мнимъ бо тя суща мрътва, аще и теломъ преставился от нас, но и по смерти уже живъ превышаеши; но не отступи от насъ духомъ: съхраняй насъ от стрелъ вражнихъ, и всякни прелести бесовскыя, и козней диавольскихъ.

Пастырю нашъ добрый! Се бо мощей твоихъ рака предъ очима нашими видима вѣсть всегда, но святая твоя душа съ ангельскими вѣнъчѣствы, съ несплотными лики, съ невесными силами, у престола Вседержителя предстоящи достойно, веселится. Намъ бо, ведущимъ тя въ истинну и по смерти, яко живѹ ти сущѹ, тебе припадаемъ, и тебе молимся, и тебе ўмилися, деємъ, еже молитися о насъ всесланому Богу о ползе душъ нашихъ. И испроси времена покаани невѣзвранномъ пренити отъ земли на небо, мытарства грѣкъхъ весовъ, въздушныхъ князей и вечныя мѹкы избавитися и невесному царствію наследникомъ быти съ всеми праведными, иже отъ века ўгодившимъ Господу нашему Иисусу Христу, ему же подобаетъ всяка слава, честь и покланіиіе.

КОММЕНТАРИИ

1. Текст печатается по: Жизнь и житие Сергия Радонежского. — М., 1991, с. 192—193.

2. Печатается по: ЧЕТЫИ МИНЕИ, 6 июля. — М.: Изд. Московского патриархата, 1988, с. 381—382.

3. Текст печатается по: Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. — М., 1981, с. 257—429.

4. *Апостолы* — ученики Иисуса Христа, избранные Им для благовестия миру о наступлении на Земле царствия Божия. Апостолы вели подвижническую жизнь, распространяя христианство, воспитывая, обучая и просвещая. В данном высказывании апостола Павла подчеркивается, что учительский труд — это особый дар Бога.

5. Василий Великий (ок. 330—379) — епископ Кесарии Каппадокийской. Доказывал преимущество мудрости духовной — христианской веры над светской мудростью — античной наукой; предложил метод согласования «натуральной правды» со Святым Писанием. Автор «Бесед на шестоднев», содержащих основы христианской космологии и получивших широкую известность на Руси. Разработал свой вариант литургии (см. примечание 5), до сих пор принятый в православии. Вместе со своими современниками Григорием Богословом и Григорием Нисским заложил основы патристики, т.е. литературы Отцов христианской церкви. Обязательным условием правильного образования Василий Великий считал монастырское уединение ученика-послушника и его самопознание методом углубления в свой внутренний мир. В этом можно усмотреть связь педагогических воззрений Василия Великого с практикой воспитания и высказываниями Сергия Радонежского.

6. Притча о таланте, вернее, о ленивом человеке, который зарыл свой талант в землю и потерял крах в жизни, — часть последней эсхатологической речи Иисуса Христа, которую он в назидание произнес для своих ближайших учеников (Евангелие от Матфея, гл. 25, зач. 105). Под талантом (крупная римская денежная единица) подразумеваются способности, даруемые человеку Богом. Слово «талант» с древнерусских времен стало синонимом творческих способностей. Педагогический смысл этой притчи: каждому человеку дан талант, который необходимо приумножать, непрерывно совершенствовать, потому что это угодно Богу.

7. *Литургия* (греч. «богослужение») — название главнейшего из христианских богослужений, установленного самим Иисусом Христом на Тайной вечере. Во времена, описываемые Елифанием, на Руси была распространена Златоустова Литургия, которая развивала Литургию Василия Великого. Литургия является символическим церковным действием, на котором совершается таинство причащения, или евхаристия (греч. «благодарность»), — вкушение верующими хлеба и вина, в кои претворяются «тело и кровь» Христа. Причастие есть акт принятия искупительной жертвы Христа и благодарности за нее. Литургия сопровождается Херувимской песней («Достойно есть яко воистину...»). Данное пение отвлекает мысли и чувства слушающих от житейских дел,

уводит от мира и поднимает к Богу. Еще до рождения Варфоломеем принял участие как в Литургии, так и в Херувимском пении, что, несомненно, для средневекового человека означало его избранность как служителя Бога.

8. *Ночва* — сосуд, подобный лотку, применяемый для очищения жита.

9. Великий Пост (40 дней от Масленицы до Пасхи) — время строгой внутренней дисциплины, покаяния, молитвы и воздержания в пище. Первая неделя наступает сразу после Масленицы. Это пора духовно-нравственного очищения, физического воздержания и закаливания организма. Для родителей и всех православных в эту неделю важно, чтобы дети осознали и почувствовали всю значительность и важность наступившего времени, чтобы они осмысленно соединили свои души с настроением родных и близких.

10. Ссылка Епифания Премудрого на правление Тверского князя Дмитрия Михайловича («Грозные очи»), во время которого якобы родился Сергей Радонежский, а именно 1322—1325 гг., внесла путаницу в определение даты его рождения. Иначе получается, что Варфоломеем отправился в пустынь после смерти родителей в возрасте 15 лет. Позднейшие исследователи эпохи (митрополит московский Филарет, известный профессор истории русской церкви Е.Е. Голубинский и др.) считают наиболее вероятной дату рождения святого 1313—1314 гг. Она соответствует и возрасту старца — 78 лет — в год его кончины в 1392 г.

11. Просфора (греч. — «приносимое») — хлеб, употребляемый для совершения евхаристии. Она имеет вид кружка с изображением креста.

12. «Часы» — этим словом обозначаются в церковно-богослужебной книге «Часослов» определенные службы и молитвы, осуществляемые в разное время суток.

13. Радонеж — древний городок к северо-востоку от Москвы.

14. Монастырь Покрова Святой Богородицы (с 1308 г.) находился вблизи от Радонежа.

15. Феогност — московский митрополит, сменивший на этом посту Петра (1328—1353), обрусевший грек, прошедший школу афонского монашества. После победы исихазма в Византии константинопольский патриарх Филофей в его лице в последний раз объединяет три русских митрополии — Киевскую, Галицкую и Московскую — в одну, и с 1347 г. Феогност возвращается звание митрополита Киевского и всея Руси с кафедрой в Москве. Описанные Епифанием события не могли произойти позже 1341 г., так как в 1342—1343 гг. Феогност находился в Золотой Орде у хана Джанибека, избавляя русскую церковь от угрозы ежегодной подати. Летописные источники Троице-Сергиевой лавры отсчитывают ее начало с 1337 г.

16. «Лествица» — книга византийского святого Иоанна Синайского (ум. в 536 г.), в которой развита и богословски обоснована идея поэтапного развития и нравственного совершенствования монаха-аскета. Сергей Радонежский воспринял мысль св. Иоанна о том, что в целях духовного восхождения человеку необходимо сконцентрировать свою волю на любви к Богу, самому выбрать себе духовного отца-наставника, научиться со смирением управлять своими страстями. Главным условием

такого восхождения к Богу (или «обожения») является внутреннее желание ученика. Иоанн Лествичник называл такие средства духовного восхождения и нравственного воспитания, как молитва и покаяние, которые очищают душу, просвещают человека изнутри.

17. «Начало мудрости — Страх Господень» — изречение из Псалма 110-го; в полноте оно звучит так: «Начало мудрости — страх Господень; разум верный у всех, исполняющих заповеди Его. Хвала Ему пребудет вовек». Страх Господень, как явствует из Ветхого Завета, не только «научает мудрости», но и «отводит от зла», «ведет к жизни», то есть обладает воспитывающим воздействием. Страх оказаться в жизни без Бога, вне его просветляющей и просвещающей силы возвращает человека на единственный, истинный путь.

В Новом Завете, во Втором послании апостола Павла к коринфянам, говорится: «зная страх Господень, мы вразумляем людей» (2 Кор. 5.11), тем самым подчеркивается, что этим качеством должны обладать как ученик, так и учитель. Епифаний Премудрый отмечает, что преподобный Сергей обладал этим даром.

18. *Месфимоны* (греч. «с нами») — церковная служба на первой недели Великого поста, на которой читается покаянный канон св. Андрея Критского «С нами Бог...».

19. Произошло это в 1354 г. Здесь надо понять великое смущение Сергия из-за просьбы его собратьев стать их духовным отцом. Он двадцатилетним уходил от людей, чтобы заниматься подвигом пустынножительства, а теперь (в 40 лет) на него ложилось пожизненное бремя организации всей жизни церковной общины, включая священство. Епифаний описывает редчайший случай перевода в сан рядового монаха, которого в течение суток сам епископ (в качестве главы русской церкви в отсутствие митрополита) проводил по ступеням церковной иерархии, посвящая Сергия сначала в иподиаконы, потом в диаконы, а уж потом в сан священника.

20. «Ангелоподобный Пахомий» — Пахомий Великий (ум. в 348 г.). В 312 г. принял крещение и удалился в Фивайдскую пустыню (Египет), где впервые устроил обитель на началах общежития, устав которой, по преданию, получил во сне от ангела.

Антоний Великий (ок. 250—356 гг.) — основатель монашества. В полном уединении около двадцати лет пробыл он в пещере на берегу реки Нил, возделывая сам небольшое поле, имел много впоследствии учеников и последователей. Им была освящена монашеская отшельническая жизнь и составлены правила иноческие для монашеской обители.

Великий Евфимий (377—477) — палестинский подвижник, основатель многих монастырей. После создания очередного монастыря Евфимий удалялся в другое, еще менее доступное место, где вокруг него снова собирались ученики и вырастал новый христианский центр.

Феодосий Великий (424—529) — основатель общежительного монашества. Подобно всем первым древним основателям монастырей, Феодосий путем долговременного уединения, поста и строгого подвижничества приготовился к учительской деятельности. Ученики-монахи приходили к опытному руководителю-педагогу и селились рядом с ним. Ино-

ки основанного Феодосием монастыря умело сочетали духовный труд с физическим, они не только самосовершенствовались, но и всячески заботились о духовном преуспевании ближних. Забота о воспитании и образовании иноков стала традицией греческих, а затем русских монастырей и расцвела в деятельности Сергия Радонежского и его учеников.

Савва Освященный (ум. в 532 г.), каппадокиец, жил и трудился в монастыре под учительством Евфимия Великого. Основал лавру, где давалось образование окрестному бедному населению из христиан. Эта лавра стала одним из известнейших центров православного образования на Востоке.

21. Епитимия (греч. «наказание») — метод религиозного духовно-нравственного воспитания. Суть его в добровольном исполнении исповедовавшимся по назначению духовника конкретных дел благочестия за те или иные прегрешения. Наказание подобного рода не было карательным, оно считалось «врачеванием духовным».

22. «Премудрый Сирах» — Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова — наиболее педагогически ориентированное сочинение II в. до н.э. Традиционно она помещается вслед за книгой Премудрости Соломона и является ее продолжением. Сочинение Сираха состоит из нравственных сентенций, имеющих прямой практический выход. В большей мере эти изречения имеют прямое отношение к целостному образованию человека. См. в кн.: Царь Соломон и «литература премудрости». — М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 1996, с. 82—127.

23. Параманд — принадлежность монастырского облачения, четвероугольный платок с изображением страстей Господних, шнурами привязываемый к телу и носимый под одежду.

24. Схима (греч. «образ») — высшая степень монашества и соответствующее монашеское облачение.

25. Грамота царьградского патриарха Сергию (ок. 1376 г.) с предложением устроить в монастыре «общее житие» — киновию — свидетельствует о том, что общежительный устав, известный еще в Киево-Печерской лавре и введенный там преподобным Феодосием, к середине XIV в. на Руси был уже забыт и традиция утеряна. Обычно на Руси до этого существовал в монастырях «особножительный» устав, когда каждый из иноков жил «сам по себе» и даже имел свою собственность. Три главные особенности имеет жизнь в монастыре по образу киновии: целомудрие (особый образ мышления), нестяжание и послушание у старца. Игумен в общежительном монастыре — это духовный наставник, обладающий благодатью, послушание которому происходит не по чину, а по любви. Как видим, образ жизни в Троицком монастыре под управлением Сергия Радонежского в точности соответствовал правилам общежительности, хотя сам игумен этого и не знал. Так на Руси в лице Сергия Радонежского соединились две традиции старчества: собственно русская, основанная на трудовом подвиге, подвиге преодоления и преображения природы, и византийская, основанная на ценностях утонченного греческого созерцания. После послания патриарха Сергию в Московскую Русь широким потоком полилась византийская культура. Везли греческие иконы, философскую и богословскую литературу, ехали художники,

помощники в организации монашества и в политической борьбе за победу московского престола.

26. Келарь — хранитель монастырских припасов.

27. Екклесиарх — церковный ключарь, следящий за выполнением церковного устава.

28. Парасеклесиарх — пономарь, зажигающий светильники.

29. Пономарь — клирик, чьей обязанностью являлось безотлучно охранять священные места, наблюдать за храмом, помогать в богослужении.

30. Канонарх (греч. «начинаю») — одно из лиц священного клира, в обязанности которого входит предначинание некоторых песнопений в ходе православной службы.

31. После смерти святителя Алексия Московская Русь 10 лет (1378—1389) находилась без митрополита, но это церковное безвластие не привело ни к каким катастрофическим последствиям, потому что к этому времени уже действовала ШКОЛА Сергия Радонежского. Великий подвижник собственным вмешательством в церковную жизнь русских городов умиротворял князей и не давал рассыпаться на глазах создаваемому государству.

32. Святой потир — богослужебный сосуд, в котором во время божественной Литургии возносятся святые Дары.

33. «Деяния святых Апостолов» — новозаветная историческая книга, охватывающая время от воскресения Иисуса Христа до 62 г. н.э. В книге рассказывается о сошествии Святого Духа на апостолов, превратившего их в учителей народов, о первой проповеди апостола Петра, о преследовании христиан и распространении христианства.

34. Миро — состав из разных благовонных веществ, употребляющийся в церкви.

35. Вертоград — сад огороженный, содержащий в себе плодовые деревья и разные злаки.

36. Алавастр — узкогорлый сосуд из алебастра, стекла или хрусталя для хранения ароматических веществ.

37. Святая Гора, или Афон, — узкий гористый полуостров в Эгейском море на северо-востоке Греции — центр православного монашества («Иноческая страна»), одно из самых чтимых мест восточного христианства. Есть на Афоне и русский монастырь св. Пантелеймона (XII в.).

38. Текст печатается по: Жизнь и житие Сергия Радонежского. — М., 1991, с. 13—34; 91—105; 192—196.

СПОДВИЖНИКИ И УЧЕНИКИ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

СТЕФАН ПЕРМСКИЙ

Проблему христианского воспитания и образования языческих окраин Московской Руси решал епископ Стефан Пермский (ум. в 1396 г.), ближайший соратник митрополита Алексия и друг Сергия Радонежского. В его Житии рассказывается, что высшее образование он получил в монастыре Григория Богослова в городе Ростове. В монастырском училище, носившем название «Братский затвор», он обучался вместе с Епифанием Премудрым, который и составил его Житие, предлагаемое в извлечениях читателю данной антологии.

«Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана...» было замыслено Епифанием как словесное средство воспитания, обучающее молодежь «писать невидимо на скрижалях сердечного разума». Согласно Епифанию Премудрому, успехи в обучении зависят от понимания учителем характера одаренности ученика. Стефан от рождения был наделен «естественною остротою ума своего» и «доброразумием». Отданный благочестивыми родителями в училище мастера грамоты небольшого северорусского города Устюг, Стефан быстро развился «разумом душевным» и «вскоре извыче всю грамоту яко до года».

Рассказывая об учительском труде самого Стефана Пермского в новокрещеных областях Коми-Зырянского края, куда он отправился в 1379 г., Епифаний подчеркивал особую значимость его дела, его подвига просвещения зырян: «И научил он их пермской грамоте, которую перед этим впервые сложил. И всем им новокрещеным — мужам, и юношам, и молодым отрочатam, и малым детям — повелел он изучать грамоту, то есть Часослов, Восьмигласник, Песни Давида, а также прочии книги».

В те времена обучение грамоте и первоначальное воспитание по церковным книгам в Московской Руси уже было традицией, которой следовали и мирские учи-

теля, и клирики. Авторитет наставника на Руси был высок и непререкаем уже потому, что учитель-пастырь не только давал ученику знания с нравственным содержанием, но и выводил его на путь спасения, соединяя необходимую и жизненно важную информацию и православную веру в единое и нераздельное целое. Талантливым ученикам учитель-пастырь передавал и навыки учительского труда, чтобы «они сами учили друг друга грамоте и, переписывая из книги в книгу, число книг умножали». Христианская учебная книга рассматривалась не как самоцель, а как средство воспитания и самовоспитания.

Епифаний Премудрый в приведенных в антологии фрагментах подробно и детально раскрывает монастырский порядок воспитания и обучения как на своем личном примере, так и на примере «учения книжного» равноапостольного Стефана Пермского.

**Преподобного в священноникоях отца нашего ЕПИФАНИЯ
слово о житии и учении святого отца нашего СТЕФАНА,
бывшего в Перми епископом. Благослови, отче¹.**

Жития преподобных мужей полезно слушать или и переписывать для памяти, потому что тем самым немаловажный успех и немалую пользу хорошо осведомленные рассказчики приносят слушателям. Увидеть, конечно, надежней, чем услышать, но часто, и услышав, человек может поверить, если рассказываемое истинно. Если же что-то не записано для памяти, то оно уходит из памяти, и по прошествии лет и смене родов легко забудется. А коль скоро незаписанное забывается, то нехорошо, не записав, погрузить в забвение житие его и как бы предать глубине молчания столь полезное.

И Василий Великий² пишет в своем поучении: «Будь ревнителем праведно живущих и имена их, и жития, и дела записывая на своем сердце». Поскольку же я не достиг такой меры и не пришел в такое состояние, чтобы писать невидимо на скрижалях сердечного разума, то решился писать на материальном пергамене. Потому-то, дурной и недостойный убогий инок, желанием одержимый и любовью движимый, и захотел я записать кое-что небольшое, из многого малое, как воспоминание, а также и памяти ради, о добродетельной и чудесной жизни преподобного отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом, рассказав сначала о его рождении, детстве, затем о

жизни в юности, во иночестве, во священничестве, в учительстве, во святительстве и до самого его преставления. В добрых ведь делах его — похвала ему и тому подобное.

В Вот биография праведного человека — всего восемь слов, но какой за ними стоит духовный подвиг! Рождение, детство, юность, иночество, свя-

щенничество, учительство, святительство и представление — выкинь одно звено, и праведности уже не будет. Не будет ее без книжного детства, без нетерпеливой юности, наполненной романтическими впечатлениями жизни и страстными надеждами на всемирное счастье; не будет ее и без учительства, освященного служением Истине и переполненного океаном Любви к малым и неумелым, желанием их защитить и «поднять на крыло». А уж после этого приходит право благословлять и причащать Святых Тайн, соборовать других и самому спокойно предстать перед судом Божиим. Безмятежная смерть дорогого стоит! Она и бывает только у праведников.

А отыскал я это и изложил его житие, и там и здесь собрав: кое-что услышал в устных рассказах; кое-что разузнал от его учеников, что касается его учительства и епископства; кое-что, другое, видел я своими глазами, а об ином я с ним самим многократно беседовал и от него узнал; о прочем же расспросил старых мужей, как советует Святое Писание: «Спроси отца твоего, и он возвестит тебе, и старцев твоих — они скажут тебе» (Втор. 32, 7).

Но умоляю вас, боголюбцы: подайте мне прощение и молитесь обо мне, ибо умом я груб, а в слове невежа, худой имея разум и мысли вредные для ума. Не побывав в Афинах с юности, не научился я у тамошних философов ни риторским хитросплетениям, ни ораторским словам, ни Платановых, ни Аристотелевых бесед не приобрел, ни философии, ни искусству речи не выучился, и, попросту сказать, совершенно весь неумением наполнился. Но надеюсь я на Бога всемилостивого и всемогущего, «для Которого все возможно» (Мф. 19, 26), Который по Своей

благости обильно подаст нам Свою милость, и молюсь Ему, прежде всего прося у Него «слов, необходимых мне, чтобы открыть уста мои» (Еф. 6, 19), и, как сказал в древности пророк Исайя: «Господь даст мне язык, чтобы я мог сказать, когда подobaет мне сказать слово» (Ис. 50, 4). Также и пророк Давид сказал: «Господь даст глагол» (Пс. 67, 12). Поэтому преклоняю колена мои перед Отцом Господа нашего Иисуса Христа, от Которого «всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше» (Иак. 1, 17), и простираю, ища Дародавца, руки к Предвечному Сыну Божию и Слову, от Которого и «Которым все» (1 Кор. 8, 6) было, и «все через Него начало быть, и без Него же ничто не начало быть, что начало быть» (Ин. 1, 3). Он ведь сказал: «Без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5), «Просите, и дано будет вам» (Мф. 7, 7; Лк. 11, 9).

Вот я и прошу, чтобы Он подал мне благодать и «дар Святого Духа» (Деян. 2, 38). Поэтому вздохами непронизносимыми молю Пресвятого Духа, Которым всякая жизнь вдыхается, благодаря Которому все «живут и движутся» (Деян. 17, 28), от Которого истекает всякая премудрость, от Которого истекают благодатные воды, что и имеет в виду сказанное пророком Иоилем: «Изолью от Духа Моего на всякую плоть» (Иоиль 2, 28).

И другой пророк сказал: «Открой уста твои, и Я наполню их» (Пс. 80, 17).

Потому открою я уста мои, и они наполнятся Духом, и слово произнесу. И говорю я: «Господи, уста мои Ты отверзешь, и уста мои возвестят хвалу Тебе» (Пс. 50, 17), «чтобы наполнились уста мои похвалами, чтобы восхвалил я славу Твою» (Пс. 70, 8) и приложил ко всяческой похвале Тебе, ибо верую я в Бога Отца, чьего также Сына Христа, равным образом благодарен и поклоняюсь Святому Духу, и молюсь Святой Троице, единосущной и нераздельной, прошу дара: да пошлет Она благодать Свою в помощь мне, да подаст мне слово твердое, разумное и пространное, да воздвигнет мне ум мой, отягощенный унынием и тучностью плоти, да очистит мне сердце мое, покрытое струпьями от множества душевных повреждений и телесных страстей, чтобы смог я хоть что-то малое написать в похвалу доблестному Стефану, проповеднику веры и учителю Перми, наследнику апостолов. Если бы только Господь подал! Ведь способный даровать слепым зрение, немой речь и бесплодный плод, может, если захочет, и бессловесным подать слово и безгласым голос.

И это явно — от Него, ибо нахожу я в Ветхом Завете, что в древности, при пророке Моисее, из камня, который не рассечь, из кремня, потекли воды, и немалые, так что образовались потоки (Исх. 17, 6); и из сухого жезла вырос цветок (Числ. 17, 8); и при царе Валаке у волхва Валаама в древности бессловесный

В Елифаний в этих строках пытается установить доверительные отношения между собой и читателем тем, что заранее убирает дистанцию, разделяющую их: пишущий не умнее читателя, а отличается от него только тем, что взваливает на себя ношу ответственности за то, что говорит. Не хочется думать, что это риторический прием, хотя, конечно же, Елифаний — писатель отменнейший. Скорее, это педагогический прием, за которым стоит искреннее желание Елифания вступить в диалог с читателем и увлечь его за собой не с помощью словес, а самой сутью, содержанием повествования. Точно так же проходит и урок, построенный по за-

осел проговорил под ним человеческим голосом (Числ. 22, 28—30); и из пламени Господь росу источил (Деян. 3, 50), что противоестественно. «Возвеличивались дела» Господни (Пс. 91, 6) ведь всегда.

Так и ныне да «умножит Господь милость Свою» (Пс. 30, 22) к нищете моей и да утвердит униженного меня: «и я унижен и неразумен, словно скот был» (Пс. 72, 22).

Опасаясь я и боюсь, как бы кто-нибудь не вздумал негодовать на меня, упрекая меня за каждое мое слово. И я, грешный, смиренномудренно обращаюсь с кратким словом к читающим и слушающим, одновременно молясь и прошения прося: если окажется моя речь в чем-то достойной презрения — потому ли что непростроена, потому ли что неукрашена, — то молю вас: не презирайте из-за этого мою грубость и не будьте моими хулителями. Не от мудрости ведь это, но от грубости, как

конам диалога. Учитель не рассказывает детям, как найти путь к Истине, а идет по нему вместе с ними, и на этом пути он тоже может и споткнуться, и заплутать. Но компас у него всегда с собой!

и выше сказано, я убежден. Неспособен ведь и негоден я для этого. Недостойный раб, простер я недостойную свою руку и, несмотря на свое злостное невежество, дерзнул подробно писать.

Если Бог поможет и молитвы епископа поспособствуют, то положим Основу слова и начнем рассказ.

Начало рассказа о его жизни

Этот преподобный отец наш Стефан был родом русин, из народа славянского, из северной страны, называемой Двинскою, из города именуемого Устюг, сын видных родителей, — некоего христолюбивого мужа, верного христианина по имени Симон, одного из клириков великой соборной церкви Святой Богородицы, что на Устюге, и матери, тоже христианки, называемой Мариа.

Еще маленьким ребенком он был отдан учиться грамоте, каковую грамоту вскоре всю и выучил, примерно за один год, и стал канонархом, а затем и чтецом в соборной церкви. Он значительно превосходил многих сверстников в своем городе хорошей памятью и быстротой, с какой учился, опережая их благодаря остроте ума и скорости соображения, и был очень разумным отроком. Он преуспевал и разумом душевным, и телесным ростом, и благодатью. К детям играющим не присоединялся; попусту время тратящих, напраслиной занимающихся и к тщетному стремящихся не слушал; не ходил к ним в дома, и от всех детских обычаев, нравов и игр уклонялся, и только в славословии упражнялся; грамоту осваивал и изучению всяких книг предавался. И так, благодаря Божьему дарованию, он за малое время многое познал и, при естественной остроте своего ума, научился в городе Устюге всему искусству грамматики и книжному делу.

Вырос он девственным, в чистоте, в целомудрии, прочитав многие книги Ветхого и Нового Заветов. И усмотрел он оттуда, что жизнь на этом свете маловременна, быстро минует и проходит словно речная стремнина или цветок травы, по словам апостола: «Проходит мимо слава мира сего, как цветок травы, и засохла трава, и цветок ее опал, слово же Господне пребывает во веки» (1 Пет. 1, 24—25). И другой апостол говорит: «Не любите мира и того, что в мире» (1 Ин. 2, 15). И третий апостол говорит: «Всем нам должно явиться пред судилище Христово» (2 Кор. 5, 10). И в святых Евангелиях Господь говорит: «Кто оставит отца и мать, жену и детей, братьев и сестер, дома и имения имени Моего ради, сторицею примет и жизнь вечную наследует» (Мф. 19, 29; Мр. 10, 29—30; Лк. 20, 29—30). А также: «Кто не откажется от всего перечисленного, не может быть Моим учеником» (ср. Лк.

14, 26). И прочее, и многое другое тому подобное, находящееся в Святом Писании, говорит об этом.

Пришла к нему Божья любовь и побудила его оставить отечество и все накопленное имущество. И просто сказать, всеми добрыми делами украшен был этот отрок, преуспевающий с возрастом в страхе Божиим, страхом Божиим умиляющийся. И еще молодым, в юности, еще будучи отроком, постригся он в черне-

NB В Ростове великом при епископе Парфении (греч. «девственный») священником Максимом (греч. «превеликий») был пострижен в монахи с именем Стефан (греч. «венец»).

цы в городе Ростове в монастыре у святого Григория Богослова, в так называемом Затворе, поблизости от епископии, — потому что там было много книг, необходимых ему для чтения, — при епископе Ростовском Парфении³. Пострижен же он был рукой некоего старца, пресвитера по сану, священника, по имени Максим, игумена, а

прозвищем Калина; тот облек его в монашеский чин.

И хорошо потрудился он в монашеской жизни, стремясь к добродетели постом и молитвой, чистотой и смирением, воздержанием и трезвением, терпением и беззлобием, послушанием и любовью, а особенно внимательным отношением к божественным Писаниям, каковые святые книги он много и часто читал, всяческую добродетель оттуда приобретая, и плоды добродетели умножая, «и в законе Господнем поучаясь день и ночь, как дерево плодоносное, посаженное при источнике вод» (Пс. 1, 2—3) и часто напояемое разумом божественных Писаний и оттого производящее грозди добродетелей, процветающее видами благоволения, потому «плод свой даст во время свое» (Пс. 1, 3).

Какие же это плоды? Плоды духовные, которые апостол Павел перечисляет: «Братья, плод духа есть любовь, радость, мир, долготерпение, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5, 22) и прочее. Так и этот трудолюбивый подвижник, открывая божественные Писания, обдумывая их с желанием любомудрия и целомудрия, хорошо изучил святые книги и с большим прилежанием ими поучался, всем сердцем «высукую Бога» (Пс. 68, 33) и «Его свидетельства» (Пс. 118, 22). Потому и дано было ему от Бога хорошее понимание божественного Писания.

Итак, со тщанием чернечествуя, со тщанием творил он всякие добрые дела, как и сказал апостол: «В усердии не ослабевайте, духом пламенея, Господу работая, в молитве пребывая» (Рим. 12, 11—12). Так же и он делался своим для Бога, приближаясь к Нему чистой совестью, благой мыслью и добрыми делами и избранные замечательные слова Давида вместе с Давидом поя и говоря: «Одного просил я у Господа, только того ишу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню» (Пс. 26, 4), «я же словно маслина плодовая в доме Божиим» (Пс. 51, 10). «Господи! возлюбил я красоту дома Твоего и место вселения славы Твоей» (Пс. 25, 8). «Как вожде-

ленны жилища Твои, Господи сил! Желает душа моя скончаться во дворах Твоих» (Пс. 83, 2—3). «Ибо блажен тот, кого Ты избрал и принял, чтобы вселить во дворы Твои» (Пс. 64, 5). «Вот покой Мой во век века, здесь вселюсь, ибо Я возжелал его» (Пс. 131, 14), «Желаю лучше быть у порога в доме Бога моего, нежели жить в селениях грешников» (Пс. 83, 11). И прочее такое.

18 *Перед нами образ идеального ученика, о любознательности которого мечтает каждый учитель. Мечтает, но напрасно. Мы ждем вопросы от своих учеников, а отвечать на них у нас нет времени (какие уж тут «беседы при луне»!). Разве есть у нас возможность на уроке «замедлить» чтение ради понимания? Наоборот, мы читаем «на скорость»! И тогда святая любознательность наших детей иссякает, натываясь на пересушенную почву нашего формализма и невнимания. Вот тогда и начинается фальшь в отношениях между учителем и детьми. А это уже конец просвещения (о-све-щения) и начало «учебной каторги»!*

Он имел обычай внимательно прочитывать то, что читал в книге, и нередко замедливал чтение ради понимания, — пока до конца, по-настоящему не уразумел слова каждого стиха, что они значат, и тогда растолковывал их. Ибо с молитвой, молясь, он сподоблялся разума. И если видел он человека мудрого и книжного, или старца разумного и духовного, то задавал ему вопросы, беседовал с ним, у него поселялся, и ночевал, и утре-невал, расспрашивая о том, что старался скорее понять. И смысл притчи не ускользал от него, и он его растолковывал, и недобопонятное разъяснялось и постигалось им. И всякую божественную повесть хотел он услышать, со словами, речами и поучениями познакомиться. И с рассказами о старцах он не расставался, житиям святых отцов подражая, всегда их читал, от этого больший разум приобретая. Разумным и премудрым людям задавал он вопросы, размышление его и все беседы его о законе Господ-

нем бывали, как апостол Павел писал в Послании к Тимофею: «Чадо Тимофей, внимай чтению, учению и утешению» (1 Тим. 4, 13), «зная, от кого ты научился, ибо святые книги смолоду ты знаешь, способные умудрить тебя о Христе Иисусе» (2 Тим. 3, 14—15).

Иночествуя так, своей хорошей о Христе жизнью он вызывал удивление не только у иноков, но и у простых людей. Ибо подвизался он изо дня в день, словно плодоносная земля, проводя борозды в разуме и много различных плодов благого произволения принося Богу. Прежде всех ведь входил он в церковь на молитву и после всех выходил. Слух же свой он разумно обращал к слушанию чистых повестей и учительных слов, и ими был просвещаем на пути к большему мудролюбию и возводим к большему ведению. Никогда не бывал он без дела, но всегда что-то трудолюбиво делал своими руками. И святые книги писал он искусно, красиво и быстро. Об этом по сей день свидетельствуют мно-

ние его книги, которые он своими руками написал и трудолюбиво переплел, — плоды его труда.

И поскольку он так хорошо был направляем благодатью, то дела его были в порядке. И за большую его добродетель поставлен был он в дьяконы Арсением, Ростовским князем и епископом. А вскоре затем, по преставлении митрополита Алексея, повелением его наместника по имени Михаил, а по прозванию Митяй⁴, поставлен он был в пресвитеры епископом Коломенским Герасимом.

И он сам выучился пермскому языку, и сочинил новую, пермскую, грамоту, и изобрел невиданные буквы, необходимые для письма на пермском языке, и перевел на пермский язык русские книги, — и переложил, и переписал.

Желая же обрести больший разум, он овладел как образом философии греческой грамотой и освоил греческие книги, и хо-

NB Вот оно — истинное призвание Учителя: это всегда благовествование или апостольство! Три языка — или три способа мышления — ты обязан явить при этом:

— владеть духовным пластом своего родного языка;

— говорить на языке чужом, понимать и уважать его;

— уметь философствовать, так как философия ищет всеобщее, а не раздельное, и часто становится посредником между своим и чужим.

рошо читал их, и всегда имел их у себя. И умел он говорить на трех языках, также и три грамоты знал, а именно: русскую, греческую и пермскую. Так что сбылось в этом слово, гласящее: «На языках новых заговорят» (Ис. 28, 11); а также: «Сделал, что заговорили на иных языках» (Деян. 2, 4).

И крепко овладела им мысль идти в Пермскую землю и учить ее. Для того ведь и старался он выучить пермский язык и для того и письменность пермскую создал, — потому что сильно желал, очень хотел отправиться в Пермь и учить некрещеных людей, обращать неверных и приводить их ко Христу Богу, в христианскую веру. И не только помыслил об этом, но и на деле это осуществил.

А замыслив это, — давно у него это задумано было — услышал преподобный о Пермской земле, что в ней — идолослужители и что дьявольское действо царствует там. Ибо в Перми люди постоянно приносили жертвы глухим кумирам и молились бесам, будучи привержены волхвованию, веруя в бесовство, в чары и в чудеса. И очень об этом сожалел раб Божий, и крайне печалился об их заблуждении, и разгорался духом, потому что люди сотворены Богом и Богом почтены, но стали рабами врага. И он от этого немало скорбел, думая, как бы похитить их из руки врага...

...Задумав же это, пришел он к упомянутому владыке Герасиму, епископу Коломенскому, бывшему наместником в Москве, старцу многолетнему и благолепному, который посвящал его при поставлении в пресвитеры, желая благословиться у него, — что-

бы тот благословил его на этот благой путь, на право совершить задуманное шествие и на благое исповедание.

В те дни ведь не было в Москве никакого митрополита, так как Алексей отошел к Господу, а другой еще не пришел. Так что ему необходимо было с подобающим благочестием попросить благословения, молитв, грамот и позволения идти у старейших святителей.

И в один из дней, войдя к нему, он ему сказал:

— О, епископ, отче, господин! Благослови меня, владыка, пойти в языческую землю, называемую Пермь, в заблудшие народы, к людям неверным, людям некрещенным. Я хочу научить их и крестить их, если Бог поможет и посодействует и твои молитвы поспешествуют мне. Или я научу их, и обращу их, и приведу их ко Христу Богу, или же сам голову свою положу за Христа, и за веру, и за доброе исповедание, как сказал апостол: «Дано нам не только веровать в Него, но и страдать за Него» (*Филип. 1, 29*). «Так что терпеливо устремимся к предстоящему нам подвигу, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса» (*Евр. 12, 1—2*). Потому ныне отпусти меня, раба своего, владыка, по благословению твоему, с миром (*Лк. 2, 29*) и молитву сотвори обо мне, да благовествую в странах, и «Бог мира» (*Рим. 15, 33*) да направит путь мой, «да укрепит стопы мои» (*Пс. 39, 3*) и «направит ноги наши на путь мирный» (*Лк. 1, 79*). Ибо вам дана благодать молиться за нас.

Преподобный же старец, епископ Герасим, боголюбивый святитель, увидев это и услышав, весьма удивился и сильно поразился его благочестивому предложению и доброму дерзновению. И долго побеседовав с ним о полезном для души и, собираясь его отпустить, взял его, ввел в святую церковь и, сотворив молитву и знаменав его честным воздвиженным крестом, благословил его, отпуская его, и сказал:

— Чадо Стефан, о Святом Духе сын нашего смирения, сослужебник наш и сопресвитер! Иди, чадо, с миром, с Божиею помощью и благодатью. Господь да благословит тебя, да спасет тебя и сохранит. Господь славы да шествует в пути с тобой, куда бы ты ни пошел, и да соблюдет Он тебя там, и защитит, и избавит везде. Господь да научит тебя и да «даст тебе глагол благовестить силу многую» (*Пс. 67, 12*). Господь да поможет тебе во всем полезном и все просимые блага да подаст тебе. И «да подаст Он тебе слово благое, чтобы открыть твои уста» (*Ефес. 6, 19*), и «да будет слово твое в благодати, приправлено солью, чтобы ты знал, как отвечать каждому» (*Колос. 4, 6*).

Потому, возлюбленный, крепко «препояшь чресла твои истиной» (*Ефес. 6, 14; 1 Пет. 1, 13*), «как храбрый воин Христов» (*2 Тим. 2, 3*), вооружись всем божественным оружием: «обуй ноги в готовность благовествовать веру» (*Ефес. 6, 15*); «облечись в броню праведности» (*Ефес. 6, 14*), «возьми и щит веры» (*Ефес. 6, 16*), «и шлем спасения, и меч духовный, каковой есть глагол Бо-

здоровы» (Мк. 16, 15—18). «И волос с головы вашей не упадет» (Деян. 27, 34). «Терпением вашим спасайте души ваши» (Лк. 21, 19). «Претерпевший до конца, тот спасен будет» (Мф. 10, 22; 24, 13; Мк. 13, 13).

Потому пойдя, «потрудись трудом добрым, постарайся, путь окончи, веру соблюди. За это готовится тебе венок праведника, каковой подаст тебе Господь за твой труд; и не только тебе, но и всем возлюбившим просвещение Его, то есть всем возлюбившим» (2 Тим. 7—8) святое крещение.

И сказав это и многое другое, епископ благословил его и, отпуская, сказал:

— Пойди, чадо, с миром и будь охраняем Божьей благодатью. И благодать Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, Которого ты собираешься благовестить, и любовь Бога Отца и причастие Святого Духа да будет всегда с тобой, и ныне и присно и во веки веков, аминь...

Преподобный же раб Божий Стефан сказал в ответ епископу:

— «Ныне отпускаешь раба своего, владыка, — да будет мне по слову твоему (Лк. 1, 38) — с миром» (Лк. 2, 29).

И почтительно целуя правую руку епископа, сказал так:

NB *Какое возвышенное отношение к СЛОВУ у истинного учителя! Только пройдя школу внутреннего созерцания, «умного делания» и «безмолвной молитвы», можно так ценить силу СЛОВА, произнесенного легко, спонтанно, без специально выученной заранее «домашней заготовки», но сказанного в благодати, т.е. искренно и с любовью, да еще «приправленного солью», т.е. адресно направленного. Так мы отличаем талантливого учителя, преподавателя от «уроководителей» и диктующих лекции. Конечно, мы верим первым.*

— Как прежде я принял от тебя хиротонисание, то есть рукоположение в священство, поставление в пресвитеры, так и ныне да приму от тебя молитву, благословение, прощение и отпущение. Как прежде от руки твоей я принял благодать, так же и ныне от уст твоих, как золото (Пс. 44, 3), благодать воссияла, словами наставляя меня. Потому «возраднуюсь я словам твоим, как обретающий выгоду многую» (Пс. 118, 162). «Столь сладки гортани моей слова твои, слаще меда устам моим» (Пс. 118, 103), и «благ для меня закон уст Твоих, лучше тысяч золота и серебра» (Пс. 118, 72), «лучше золота и топаза» (Пс. 118, 127), «лучше камня драгоценного» (Пс. 18, 11), лучше камня сапфира. «И наслаждался я ими, как всяким богатством» (Пс. 118, 14). «Раб Твой, я очень их люблю» (Пс. 118, 149)...

Так помолился он Богу, и после молитвы обрел смелость и, ревнуя о Господе Вседержителе, дерзая по вере и борясь за благочестие, разжегся божественной ревностью и, крепко препоясав свои чресла, решившись, вошел в их среду, «как овца среди волков» (Мф 10, 16), и начал учить их о Боге и о вере христианской, дабы познали Творца своего, истинного Бога Вседержителя, со-

творившего небо и землю и всю тварь видимую и невидимую. И многие другие рече, обратившись к ним, сказал он, черпая слова из божественных Писаний, беря их из святых книг, доводя до их разума, чтобы они веровали и крестились.

Некоторые из них, слыша проповедь христианской веры, захотели веровать и креститься, а другие не захотели и захотевшим возбраняли веровать. Сначала некое малое число из них уверовало и было им крещено, и те люди часто приходили к нему и постоянно были при нем, беседуя и спрашивая его. Они постоянно держались его и очень его любили. А кто не веровал, те не любили его, и избегали его, и убить его замыслили.

Было как в притче, рассказанной в святом Евангелии Господом: «Вот, вышел сеятель сеять семя; и когда сеял, иное упало на камень, а иное при дороге, а третье в терние (*Лк. 8, 5—7*). Эти все три были бесплодны. А иное упало на добрую землю и дало плод: иное тридцатикратный, иное шестидесятикратный и иное стократный» (*Мк. 4, 3—8, 20*). И Иоанн Златоуст сказал: «Если не все послушны, то не все и непослушны. Из-за них не следует учителю бросать свое дело и оставлять учительство, из-за непослушных, но надо непрестанно учить их, надеясь на то, то Господь Бог даст им разум истинный» (*1 Тим. 2, 4*)...

Видя это, преподобный, не в силах терпеть, чтобы христианам причиняли досаду, не мало от этого печалился и часто со слезами молил Человеколюбца Бога об этом день и ночь, — чтобы Он обратил их от заблуждения относительно кумиров к Своей истине.

И однажды снова, через несколько дней, некоторые из пермян, суровейшие мужи, неверные люди, еще бывшие некрещеными, собравшись во множестве, причем некоторые из них были волхвами, другие кудесниками, третьи чаротворцами, а прочие их старцами, стоявшими за свою веру и за обычаи Пермской земли и хотевшими разрушить веру христианскую, со злобой долго, смущая его, спорили с ним, хваля свою веру, хуля же и укоряя веру христианскую. И делая это, часто досаждали они ему, противясь ему в вопросах веры.

Стефан же, Божией благодатью, всех их благодаря своему умению переспоривал, хотя и много они препирались. Хоть и великое состязание между ними было, но все были им переспорены. Ибо он, указывая, пересказывал им многие слова святых книг Ветхого и Нового Заветов, и, одолевая ими, посрамлял их.

И еще потом многократно были они побеждены им, и после этого больше никто нигде не смел спорить с ним о вере, ибо всем им заграждал уста, и против него говоривших обличал, и спорящим с ним запрещал этот дивный муж, чудесный учитель, исполненный мудрости и разума, смолоду научившийся всей светской философии, книжной мудрости и искусству грамматики. К тому же, по причине правильного исповедания веры и хорошего образования, которым он обязан был необыкновенному

своему учению, даны были ему благодатный дар и слово разума и мудрости, о чем Спаситель сказал в святом Евангелии: «Поэтому всякий книжник, наученный Царству небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей старое и новое» (Мф. 13, 52). Так ведь и он, черпая слова из старых и новых книг, из Ветхого и Нового Заветов, научая, вразумляя, наставляя, обращая, заботился о людях заблудших, стремясь оторвать их от союза с дьяволом и от заблуждения относительно идолов.

Ради этого и терпел он от них, ежедневно очень страдая, будучи, словно твердый камень, утвержден верой, молясь в таких подвигах, искушениях и бедах Богу, в молитве и посте страдая от голода и жажды, жажда спасения Перми, многие досаждения от них принимая и за то не гневаясь на них. За все это приключившееся с ним он не оскорбился, не возроптал, не малодушным будучи и не злопамятным. Но больше прибегал он к любви для спасения их и желая обращения их, всех уча и наставляя, умоляя и укрощая — старцев их как отцов, средовеков же как братьев, юных же и малых детей как своих чад.

Когда же изволил Бог по Своей благодати, захотел просветить святым крещением Пермскую землю. Ибо услышал Бог молитву, увидел слезы угодника Своего Стефана и «не забыл призывов» (Пс. 9, 13) его, «услышал Господь звук плача» (Пс. 6, 9) его и «не презрел моления» (Пс. 54, 2) и прошения его, как Давид сказал: «Волю боящихся Его сотворит и молитву их услышит и спасет их» (Пс. 144, 19), «Желающий, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2, 4), «Не желающий смерти грешника, но обращения и покаяния ожидающий при жизни их» (Иез. 18, 32).

И тогда собрались все пермяне, живущие в той стране, от мала до велика, и крещеные, и некрещеные, словно удивленные, и начали между собой говорить:

— Слышали ли вы, братья, слова того человека, который пришел из Руси? Видели ли, как он терпелив и как сильно любит он нас? Как, столь утесняемый, он не ушел отсюда? А мы великим пренебрежением и непослушанием ответили ему, и он за это

не прогневался на нас и никому из нас не сказал злого слова, не отвернулся от нас, не ссорился, не дрался с нами, но с радостью терпел все это. Для того, чтобы мы были живы и спаслись, он послан Богом. И то, что он говорит о Царствии небесном и мук вечной, отмщении и воздаянии «каждому по его делам» (Рим. 2, 6), — если бы это было не так, он бы так не терпел. Но

ведь и кумирницы наши он разорил, и богов наших разрушил, и они не смогли ему повредить. Воистину он — раб великого и «живого Бога, Который сотворил небо и землю» (Деян. 14, 15). И

В Перечисленные свойства характера Стефана на самом деле есть высшие профессиональные качества учителя. В результате ученики такого Учителя становятся его последователями — не по профессии, а по жизни.

сколько бы слов ни было им сказано, все они истинны. Так что пойдём и поверим в Бога, Которого проповедует Стефан, и скажем Ему: «Слава Тебе, небесный Бог, пославший к нам Своего слугу, чтобы он спас нас от дьявольского обмана».

Тогда захотели креститься некрещенные пермяне. И собрались к нему люди во множестве, народ, мужчины, женщины и дети, словно на поучение. Он же, видя, что они шли креститься, очень обрадовался их обращению и с веселым сердцем внимательно принял их. И открыл уста свои и вновь учил их, как обычно, и много слов сказал им и о Боге, и о Его законе, и о вере христианской, и о жизни, и о смерти, и о Страшном суде, и о воздаянии «каждому по его делам» (Рим. 2, 6), и о страшных и тяжелых муках, и о жизни вечной, доводя до их понимания, черпая слова из святого Евангелия, у божественных апостолов, у богословных пророков и у преподобных и богоносных отцов.

Они же всласть слушали его поучения, с радостью воспринимали его проповедь и охотно веровали его словам, ибо Бог, милосердный Человеколюбец, Своею благодатью отверз их ум и очи сердечные для спасения. И все они били ему челом, припадая к ногам его, прося святого крещения и знамения Христова.

Он же, начертав знамение на каждом из них своею рукою, перекрестив, и огласив, и молитву сотворив, и благословив, отпустил их с миром каждого восвояси, заповедав им каждый день приходить к святой Божией церкви — приходить к оглашению оглашенных. И, каждый день творя над ними молитву, спустя небольшое положенное время, помолившись над ними достаточно и так научив их православной христианской вере вместе с женами их и детьми, «крестил их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28, 19).

И научил он их пермской грамоте, которую перед этим впервые сложил. И всем им новокрещеным — мужам, и юношам, и

В Как полезно переписывать умные книги собственной рукой! Чем больше, тем лучше. Так повышали грамотность, сообразительность, «ставили руку и глаз», гармонизировали чувства, укрощали строптивых, исправляли провинившихся — и вся работа шла во благо, на пользу других, увеличивая количество книг. Какое все-таки в русской образовательной традиции доверие к книге! Прекрасно, когда книга добрая. Худо, когда книга — подделка.

молодым отрокам, и малым детям — повелел он изучать грамоту, то есть Часослов, Восьмигласник, Песни Давида, а также все прочие книги. А из учившихся грамоте — тех из них, кто выучивал святыя книги и в них разбирался, одних он ставил в попы, других в дьяконы, третьих в иподьяконы, в чтецы, в певцы, пение им перепевая и перелагая и уча их писать пермские книги. И сам, помогая им, переводил он из русских книг в пермские книги и отдавал их им.

И с той поры они сами учили друг друга грамоте и, переписывая из книги в книгу, число книг умножали. И видя это, преподобный радовался душой и

не переставал благодарственно день и ночь молить Бога о спасении и обращении людей, постоянно уча людей, чтобы стадо Христово росло и умножалось каждый день, а стадо неверных уменьшалось, убывало и оскудевало.

И тогда, с Божией помощью, Его благоволением и содействием, поставил он другую святую церковь, прекрасную и чудесную, по образцу ранее упомянутой и описанной, и снабдил ее иконами и книгами. А также третью церковь — на другом месте. Решил он так: надо не одну церковь поставить, но многие, потому что новокрещенные пермские люди жили не в одном месте, но и там и тут, одни поблизости, а другие поодаль. Потому показалось необходимым ему разные церкви на разных местах ставить, по рекам и погостам, где каждой следовало быть, как он сам определял. Так вот святые церкви и созидались в Перми, а идолы сокрушались.

А какую ревность накопил преподобный по отношению к болванам, так называемым кумирам, как возненавидел их из-за премногой их мерзости! Совершенной ненавистью возненавидел

ВВ Вот интересный факт! Любовь к заблуждающимся и ненависть к самому заблуждению, имеющему материальное подтверждение. Можно поправить и сокрушить кумиры, но как сделать так, чтобы они больше не появлялись? Это вопрос смысла жизни. Перемещенный с внешнего плана во внутренний, с коллективного на личный, смысл жизни становится одухотвореннее, возвышеннее и, как это ни парадоксально, крепче и тверже и потому не нуждается уже в магической атрибутике. Не потому ли, что преуспевать надо, как сказал апостол, «забывая заднее и простираясь вперед»?

он их и до конца ниспроверг их: идолов поправ, кумиры сокрушил, богов их разломал, каковы суть болваны высеченные, изваянные, выдолбленные, вырезаемые, — их он до конца ниспроверг, топором посек их, пламенем пожег их, огнем испепелил и без остатка их истребил.

Сам по лесу ходя без лености с учениками своими, по погостам исследуя, в домах разыскивая, в лесах находя и в овражках обретая, и там и здесь, везде находил он их, пока все кумирницы их не ниспроверг, и до основания он искоренял их. И ни одна из них этого не избежала...

Между тем преподобный крестил там и сям обретающихся, из различных погостов приходящих людей, мужчин, женщин и детей, включая сущих младенцев, — уверовавших и готовившихся к святому крещению, кто хотел возродиться в «купели нового рождения» (Тит. 3, 5), кто желал при-

нять Христово знамение, кто приходил к святому крещению. Всех их, оглашая и поучая, он крестил, и это стало как бы его обычаем, и он это постоянно делал.

Трудом же, которым он занимался, было книгописание, причем он переводил с русского языка на пермский, но много раз и с греческого на пермский. И немало здоровья тратил в этих заня-

NB Какой поразительный масштаб мышления! Не имея телефонов и телевизоров, псевдов и самолетов (Сергий вообще из города в город ходил только пешком), наши старцы обладали настоящим планетарным видением. В этой простой фразе: «Царьград — Москва, Москва — Пермь» описана территория, имеющая форму окружности, вмещающая в себя точно всю Восточную Европу: от Перми на востоке до Варшавы на западе, от Кубани и Ставрополя на юге до Кольского полуострова на севере. И как вы думаете, где центр этой окружности? В Москве? Чуть-чуть севернее — в Троице-Сергиевой лавре. Возьмите циркуль и проверьте по карте. Я так и сделала. Смотрю на этот круг и изумляюсь. В XIV в. Московского государства еще не существовало, существовали удельные русские города. Христианство повсюду было ослаблено не из-за татар только, а из-за плохих контактов между городами по причине княжеских междоусобиц. И вот сидят в Троицкой обители два мудрых человека — Сергий и Стефан — и мечтают о будущей своей православной родине, простирающейся от Белого до Черного моря, от Урала и до Карпат. И не просто мечтают, а работают в поте лица своего на эту мечту. Через 200 лет она стала явью. А между этими сроками ШКОЛА Сергия Радонежского. Не будь ее,

то читая святые книги, то переписывая. Это было его постоянным делом, в этом он часто и ночи без сна проводил, в обычных для него блениях. Днем же по большей части он бывал занят, то что-то делая своими руками, то организуя и устраивая необходимое для церкви или потребное себе и своим людям.

И по мере умножения его учеников, прибывало христиан, и в различных местах на разных реках и на погостах, здесь и там, строились святые церкви. И возникла у него потребность разыскать, поставить и привести епископа. И, просто сказать, земля так властно требовала себе епископа, поскольку до митрополита и до Москвы от нее далеко: как далеко отстоит Царьград от Москвы, так же далека от Москвы дальняя Пермь...

Всех же своих крещенных он учил пребывать в вере и впредь преуспевать, как сказал апостол, «забывая заднее и простираясь вперед» (Фил. 3, 13). И грамоте пермской учил их, и книги писал им, и святые церкви ставил им и освящал, иконами украшая и книгами наполнял, и монастыри устраивал, и в чернцы постригал, и игуменов им назначал, священников-попов и дьяконов сам поставлял, и иподьяконов ставил.

И попы его на пермском языке служили обедню, заутреню и вечерню, по-пермски пели, и канонархи его по пермским книгам канонаршии, и чтецы чтение читали пермской речью, певцы же всякое рекле по-пермски возглашали.

И можно было видеть чудо в землех той: где прежде были идолослужители и бесомольцы, там появились богомольцы; где прежде были идольские храмы и кумирницы, жертвища и трибища идольские, там святые церкви и монастыри созидались и богомолье учинялись; ложь о кумирах, идолослу-

Московское княжество превратилось бы в очере́дную золотоордынский улус.

жение были изгнаны, а благодать богоразумия воссияла, вера христианская зацвела.

И об этом услышали в иных землях, во многих городах и странах. И услышав, люди прославили и за это Бога и очень возрадовались. Ибо поистине подобает радоваться, как Спаситель сказал: «Радость бывает на небесах и об одном грешнике кающемся» (Лк. 15, 10). — а тут не один, не два, но вся земля Пермская!...

Так и эта ныне названная Пермская земля сколь долгое время оставалась, много лет стояла некрещеной, пока в последние времена не была крещена милостью Божией и усилиями и подвигами доблестного епископа Стефана, который воссиял в земле Пермской лучами святого учения, просвещая «сидящих во тьме» (Пс. 106, 10) заблуждения относительно кумиров, подобно, пользуясь словами апостола Петра, тому «как светильник, сияющий в темном месте, доколе не начнет рассветать день и не взойдет утренняя заря в сердцах их» (2 Пет. 1, 19). Ибо как светильник, будучи наполнен маслом, лучше светит, постоянно источая свет, так и он разжегся лучами божественных словес и осветил ими людей, прилежно научая, обращая, пока Христос не просветит живущее в них.

И вновь, как уголь, разгоревшись божественной ревностью, он попалил весь идольский обман в Пермской земле, а неверных просветил верою. Ибо этот епископ много затратил усилий и большое проявил терпение, трудясь и подвизаясь, наставляя людей, обращая и научая, все богословские положения правоверной веры объяснив, святое Евангелие наизусть цитируя, а при этом и божественными апостольскими учениями наставляя, речи пророков и пророчества пересказывая. Этот богоученый муж и ветхозаветное и новозаветное учение в устах носил и был божественным Духом направляем, наставляем и движим, просвещая их истинным богоразумием.

О Пермской азбуке

И не только ведь святым крещением просветил, но и грамоте сподобил он их, и книжный разум даровал им, и письменность дал им — новую грамоту, которую он создал, неизвестную пермскую азбуку, которую он составил, и теми письменными буквами многие книги написав, передал им то, чего они до того за весь век свой не приобрели. Ибо прежде крещения пермяне не имели у себя грамоты и не понимали написанного, и вовсе не знали, что такое книги. Но только баснотворцы у них были, рассказывающие сказки о бытии и о сотворении мира, и об Адаме, и о разделении народов, и о прочем повествовали, говоря больше ложь, нежели истину. Так свой век и все годы свои они и потратили.

Но милостивый человеколюбец Бог, все обращающий на пользу людям Своим и не оставляющий рода человеческого без разума, но всячески приводящий к разуму и к спасению, пощадил и помилосвал людей пермского языка, воздвиг и даровал им — как в древности Веселеила в Израиле, наполнив мудростью и искусством (*Исх. 31, 1—5, 36, 1*), так и этого Стефана — мужа доброго и благоговейного, и послал к ним. А тот и сотворил им грамоту новую, — сложив, сочинил пермскую азбуку.

И когда это произошло, многие из людей, увидев и услышав, удивлялись, не только бывшие в Перми, но и в других городах и землях. Особенно же в Москве удивлялись, говоря: «Как этот человек сумел создать пермские книги?» и «откуда ему дана была премудрость?» А другие сказали: «Воистину он — новый философ». То был Константин, называемый и Кирилл Философ⁵, кто сотворил славянскую грамоту в тридцать восемь букв. Так же и он сложил двадцать четыре буквы наподобие числа букв греческой азбуки, и одни буквы следуют виду греческих знаков, а другие для звуков пермского языка. Первая же по порядку буква «аз», как и у греческой азбуки.

Прежде же всех грамот была еврейская грамота. Ее взяли за образец эллинские грамматики, затем, после них, — римская и прочие, многие другие, а по многих летах была создана русская грамота, после же всех — пермская. У еврейской азбуки первая буква называется «алф», а у греческой азбуки название первых букв «алфа, вита», а у сирийской «алеф, бе», а у венгерской «афака, васака», а у русской «аз», «буки», а у пермской «а, бур».

И чтобы не растянулось повествование, если буду говорить о каждой, — много ведь грамот и много азбук, — приведу названия букв пермской азбуки: а, бур, гаи, дои, е, жои, джон, зата, зита, и, коке, лей, мено, нено, во, пей, реи, сии, таи, цю, черы, шой, ы, е, ю, о.

Некие же скудоумные сказали: «Зачем сотворены пермские книги? Или: «Чего ради составлена азбука пермской грамоты? Прежде ведь сего, издавна в Перми не было грамоты: таков обычай их, издавна не имеющих у себя грамоты и так и проживших свой век без нее. Ныне же, когда оканчиваются лета, в последние дни, в исходе числа седьмой тысячи, ради такого малого времени, только за 120 лет до скончания века, изобретать грамоту?! Если есть в ней потребность, то подобало лучше русскую, готовую грамоту передать им и научить их. Ибо существуют книжные письменные знаки, которые издавна, традиционно имеют народы у себя, как то: еврейские, эллинские, римские».

Что следует им говорить, или что подобает отвечать? Ясно, что научаемся мы из Писания, а не как-либо иначе. Но однако же в Писании это есть, что от Адама — я имею в виду первозданного, у которого сын Сиф, он самый первый научился еврейской грамоте, — от Адама далее до потопа прошло 2000 лет и 242 года. После потопа же было столпотворение, когда разделились наро-

ды, как написано в книге Бытия (11, 1—9). И как разделились народы, так же разделились и нравы, и обычаи, и традиции, и законы, и искусства по народам, о чем здесь скажу.

Есть народ египетский, которому досталась геометрия, а персам, халдеям и ассириянам — астрономия, звездочетство, волхование, колдовство и прочие суетные искусства человеческие; евреям же — святые книги, поскольку они были научены грамоте, которой и Моисей потом писал о бытии всего мира — книги Бытия, где написано, как Бог сотворил небо и землю и все, что на них, и человека, и прочее все по порядку, — как он пишет в Бытии.

Эллинам же досталась грамматика, риторика и философия. Но сначала эллины не имели у себя письменности для своего языка и нуждались в финикийской грамоте, чтобы записывать свою речь, и так продолжалось много лет. И был у них некто философ по имени Панамид, который впоследствии, придя, создал эллинам азбуку, начав так: «алфа, вита», — и придумал буквы числом 16, — только для эллинов изобрел. А потом, через несколько лет, другой книжник, по имени Кадом Милисий, добавил им три буквы для письма. И потому в течение многих лет они вынуждены были писать свои письмена девятнадцатью буквами своей азбуки. А потом другой грамматик, по имени Симонид, изобретая, добавил им еще две буквы для письма, и уже получается число их букв 21. Некто же Епихарий, бывший сказителем книг, изобрел и добавил им еще три буквы для письма. И так собралась греческая азбука с числом букв 24. А потом, спустя много лет, некто Дионис, искусный грамматик, изобрел шесть дwoегласных букв. После этого другой философ прибавил 5 букв, а другой книжник три буквы, которые используются для написания чисел: это шесть, девяносто и девятьсот. И так через много лет многие философы с трудом собрали греческую азбуку — буквы числом 38.

Потом, когда прошло много лет, Божиим промыслом нашлось 70 мудрецов, которые перевели книги с еврейского языка на греческий⁴.

Как много лет много эллинских философов собирало и составляло греческую грамоту! И едва составили ее многими трудами, и за многое время едва сложили! А пермскую азбуку один чернец сложил, один составил, один сочинил, один калогер, один монах, один инок, Стефан, говорю, вечнопомнимый епископ, один единовременно, а не за многие времена и лета, как те, но один инок, один в уединение уединяясь, один уединен, один единого Бога на помощь призывая, один единому Богу молясь и говоря:

— Боже и Господи, премудрости наставник и смысла дарователь, несмысленных воспитатель и нищих защитник, утверди в разуме сердце мое и дай же мне слово. Отче слово, чтобы я прославлял Тебя во веки веков!

И так один инок, единому Богу помолившись, и азбуку сложил, и грамматику сотворил, и книги перевел за малое число лет с Божией ему помощью. А те многие философы за много лет, семь философов, едва азбуку составили, а 70 мудрых человек перевод сделали, перетолмачили книги, перевели с еврейского языка на греческий.

Потому думаю, что русская грамота заслуживает большей чести, нежели эллинская: ибо святой человек ее сотворил; я имею в виду Кирилла Философа. А греческий алфавит составляли эллины некрещенные, бывшие погаными.

Также и вот почему пермская грамота, которую создал Стефан, лучше эллинской: там Кирилл, здесь Стефан, — оба они

NB *Сколько внутреннего достоинства и восхищения в этом сравнении своего родного русина Стефана со знаменитым греком Кириллом — философом, создателем славянской азбуки! Здесь не национальная гордость только, но понимание великой миссии религиозно-нравственного просвещения, какого бы народа это ни касалось.*

Можно христианизировать огнем и мечом и заставлять читать Божественное Слово на чужом языке, не понимая его сути. А можно так — с любовью наполняя новым светом и смыслом родной язык народа, открывая в нем неизвестные дотоле духовные глубины. Это, кстати, относится и к собственно русскому языку, на который сейчас переводятся многие тексты раннего христианства. И русский язык оказывается нисколько не менее духовным, чем древнеславянский, греческий или еврейский! Недаром на этой ниве потрудился Пушкин ровно через 1000 лет после Кирилла и Мефодия.

были люди добрые, мудрые и равные в рассуждении: оба одинаково за равный подвиг взялись и его совершили. И Бога ради оба потрудились: один ради спасения славян, а другой пермян. Как два светлых светила они просветили народы.

Каких похвал достойны они? Ибо «вспоминание праведных, — сказано, — бывает с похвалами» (Притч. 10, 7) и «когда хвалят праведника, веселятся люди» (Притч. 29, 2). Они ведь Бога прославили, и Бог их прославил. Ибо «прославляющих Меня, — сказал Он, — прославлю» (1 Пар. 2, 30). Но Кириллу Философу много помогал его брат Мефодий — то грамматику складывать, то азбуку составлять, то книги переводить. У Стефана же никто не оказался помощником, разве только один Господь «Бог, наше прибежище и сила, помощник в скорбях, нами сильно завладевших» (Пс. 45, 2).

Если же кто-то скажет слово против пермской грамоты, хуля ее и говоря, что не очень хорошо устроена эта азбука и надо бы ее починить, скажем им и еще:

И греческую азбуку тоже многие чинили: Акила, и Симмах⁷ дети, и иные многие. Хорошо ведь чинить готовое, ибо гораздо удобней пристраивать, нежели начинать с начала и творить. Ведь если кто-нибудь спросит греческого книжника, говоря: «Кто вам грамоту сотворил или книги пере-

ложил, и когда это было сделано?» — то редкие из них смогут дать ответ, и немногие знают. А если спросишь русских грамматиков, говоря: «Кто вам грамоту сотворил и книги переложил?» — то все знают и сразу в ответ скажут:

— Святой Константин Философ, называемый Кирилл, — он нам грамоту сотворил и книги переложил с греческого языка на русский с братом своим родным Мефодием, который был впоследствии епископом Моравским.

— В какое же время это было?

— В царство Михаила, царя греческого, который в Царьграде царствовал, при патриархе Фотии, в годы Бориса, князя Болгарского, и Растица, князя Моравского, и Костела, князя Блатенского, во княжение князя великого всея Руси Рюрика, бывшего поганым и некрещеным, за 120 лет до крещения Русской земли, а от создания мира в 6363 (863 от Р. Х.) году.

И если опять же спросить пермина: «Кто вас избавил от рабства идолослужения и кто вам создал грамоту и книги переложил?» — то прочувственно с радостью скажут пермяне, с готовностью и с усердием ответят:

— Добрый наш дидакал Стефан, со всех сторон просветивший нас, во тьме идолослужения сидящих. Ибо не только святым крещением просветил он нас, но и святыми книгами, с разных сторон озаряя нас, двойные лучи Божией благодати обильно испускающая на нас. Его Господь Бог дал нам. «Не по беззакониям нашим даровал нам его, не по грехам нашим воздал нам, но как бы по высоте небесной от земли утвердил Господь милость Свою на нас» (Пс. 102, 10—11). «Не за дела праведные, которых мы не творили, но по Своей милости спас нас купелью пакибытия и обновлением Святого Духа, излитого на нас обильно Иисусом Христом, Спасителем нашим, чтобы, оправдавшись благодатью Его, были мы наследниками по упованию жизни вечной» (Тит. 3, 5—7).

Этот Стефан многого добра нам податель и великим благам ходатай. Он даровал нам закон, веру, крещение. Он даровал нам и знание грамоты, и понимание книг. Он сам один азбуку нам сложил. Грамоту нашу он для нас сотворил. Один гадал, думал, составлял, и никто ему не помогал, и никто его не поучал, не поправлял, но один Господь Бог помогал ему и вразумлял его. Ведь «явление словес Его просвещает и вразумляет даже младенцев» (Пс. 181, 130). И благодать Божия была на нем. Господь один вразумлял его. Господь один водил его, и не было с ним бога чужого. Водивший. «словно овец, Иосифа, пасший Израиля» (Пс. 79, 2), один Господь Бог Израилев, имеющий великую милость, по которой возлюбил и нас, помиловал нас, даровав нам своего угодника Стефана. И он переложил нам книги с русского на пермский язык.

— Когда же это было, в какое время?

— И недавно, от создания мира, как мне кажется, в 6883 (1375 от Р. Х.) году, в царствование царя греческого Иоанна, в

друг другу соседями. И по этой причине в конце концов очистились дома их, до конца освободились от кумиров. И стали они совершенными в вере, включая жен и детей.

Был же епископ Стефан искусным книжником. Этой добродетелью украшенный, делом и словом он мог противиться идолослужителям и возражавших ему обличать. Был он и хорошим знатоком книг, и все, что было трудно и непонятно в Святом Писании, мог легко разъяснить и растолковать. В изобилии этот дар имел он от Святого Духа, так что удивлялись многие люди, дивились такой Божией благодати, данной ему: посреди неверных, между ними, один он был в наши годы умелым сказателем, один он был дидакалом апостольских и пророческих слов, хорошо толкующим речи пророков и предсказания. Один только он из многих и вспоминается...

Хоть и понудил я себя говорить, не знаю, как словами похвалить тебя. Хоть и должен был послужить тебе словами я — окаянный, грубый бедняга, многогрешный среди людей и недостойный среди иноков, — как похваляю тебя, не знаю; как скажу, не разумею; чем ублажу, недоумею. Поскольку же многими недоумениями я наполнился, и «злом душа моя наполнилась» (*Пс. 87, 4*), и многими отяготился я грехами, не знаю я, как достойным образом описать твоё житие и благонравие, твой благой образ жизни, твои слова и учения, и дела рук твоих, и все прочее по порядку.

Но как, когда кто-то, будучи воином царя земного, или воеводой «князя века сего» (*1 Кор. 2, 6, 8*), при случае в полку во время рати проявит мужество, или храбрость в земле иноплемеников, или многократно воюя, вступив в бой, победит иноплемеников и всячески их одолеет, тогда те, кто пишет летописи, постараются сочинить ему похвалу и, записывая, повесть о нём разукрасить, — о тех, кто проявил мужество и храбрость, сражаясь за своего царя или за князя, — не тем ли более нам подобало бы похвалу к похвале приложить? Разве не хорошо, если мы похвалим этого доброго храброго воина, бывшего воином не у земного царя или «князя века сего» (*1 Кор. 2, 6, 8*), но воином Царя небесного и воеводой церковным, проявившим хорошее мужество, подвизаясь за веру и за свою святую Церковь, побеждая и одолевая восстающих на нее?

Как Давид победил иноплеменика по имени Голиаф — низложил его броском из пращи (*1 Цар. 17, 50*), — так и доблестный наш епископ победил волхва чародея, иноплеменика-кудесника по имени Пан Сотник, — словно броском из пращи низложил его призыванием Святой Троицы, и мечом духовным отсек его от Церкви Божией, согласно Павлу, говорящему: «Меч духовный, который есть слово Божие» (*Ефес. 6, 17*). Ибо не только, победив его, он его низложил, но и напрочь отлучил, и от стада своего отогнал, и от церкви своей отсек, — поскольку не обратился он и не крестился. Как и опытные врачи делают, когда оказывается,

что поврежденный член гниет в теле, — отрезают его ножом и отбрасывают прочь, чтобы не была порча от него большей, да не пострадает в дальнейшем тело от той же язвы и все тело да не сгниет.

Как сильный Самсон одной ослиной челюстью победил тысячу иноплеменников (*Суд. 15, 16*), так он множество людей другого народа словами своими победил, настойчиво их уча, согласно сказавшему: «Не дал покоя щекам моим» (*Пс. 131, 4*), то есть челюстям.

Ох, мое жалкое неумение и скудопамятство! Почему забыл я еще назвать его светильником, ибо он осветил людей, омраченных мраком кумирслужения: «Люди, ходящие во тьме, увидели свет великий, живущие в стране и в тени смертной» (*Мф. 4, 16*), — во тьме идолослужения пребывающих людей ты просветил. Как Спаситель сказал: «Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославили Отца вашего небесного» (*Мф. 5, 16*). И еще сказал: «Светильник тела есть око» (*Мф. 6, 22*). И еще: «Никто, зажегши светильник, не ставит его под кроватью или под спудом, но — на подсвечнике, да светит всем в доме» (*Мф. 5, 15; Мк. 4, 21*).

О, светильник ярко освещающий, просветивший пермских людей крещением, законом, верой и святыми книгами! О, искусный врач, похитивший поврежденных дьяволом из гортани его, уже поглощенных! Ведь не только выхватил их оттуда, но и душевные повреждения их уврачевал сей епископ.

И девство свое он соблюл, и чистоту сохранил, и целомудрие уберег, в бдении пребывая, в трезвении жизнь проводя, в молитвах претерпевая, постом вооружаясь, надеждой наставляясь. В любви совершенным он был, так что во многих странах, в различных местах и во многих городах известно было имя его.

Ибо не только жизнью был он непорочен, но и учителем был выдающимся, и святителем прекрасным для тех, кому благовествовал святое Евангелие Христово. И своим терпением победив, он низложил князя тьмы. И был он подражателем святых апостолов. Павлу апостолу всячески подражая, который «для всех был всем, чтобы всех приобрести, чтобы всех спасти» (*1 Кор. 9, 22*), во все дни страдая, терпя за свое стадо, и за свою церковь, и за свою епископию, чтобы церковь была возведена, обо всех и за всех молясь Богу.

Бога он возлюбил, и Богом возлюблен был. Бога он почтил, и Им почтен был. Бога он прославил, и Им прославлен был. Церковь он украсил, и от нее святительством украшен был, будучи ее женихом по благодати. Кто не удивится этому и кто не почувдится, любимцы? Кто не похвалит этого доброго епископа, кто не ублажит этого твердого страдальца и храброго воина?

Как он один боролся с врагом, и победил врага борющегося, и похитил из рук его всех похищенных, прельщенных и поглощенных? Сколько душ ни имел враг под своей рукой, а также в

своих челюстях и в самой гортани находящихся, — своими «прекрасными ногами» (*Ис. 52, 7*) наступив на змия и на челюсти его, как сказано: «На аспида и василиска наступишь и попрешь льва и змея» (*Ис. 90, 13*), — он вырвал из самой его гортани давно похищенных, и поглощенных, и прельщенных идолослужением людей и, обратив их и научив, сделал их Христовыми овцами через крещение и путем веры привел их ко Христу Богу.

Ведь когда он вошел в Пермскую землю, не было до него никого из пермян христиан, а потом он всех их христианами сделал Божьею благодатью. Сколько он своими руками пермян крестил? Числом около семисот душ. А сколько его пермские попы своими руками крестили?

Как же боролся он с врагом и победил борющегося? — Как мужественный герой, руки свои распростерши и вверх воздев, как бы показывая собою образ креста. Как в древности великий Моисей победил видимого Амалика (*Исх. 17, 11*), так же и он, низложив, победил невидимого Амалика, то есть дьявола, — победил, освободив людей, избавив под властью его заключенных, обратив их от тьмы и приведя на дивный свет Божий (*1 Пет. 2, 9*), покорив, подчинив небесному Царю, все хорошо урядив и все хорошо и искусно устроив.

Проповедником истины быв, он многих привел ко Христу Богу в веру христианскую, и ныне в стране избранных с богоугодными православными христианами благочестиво славит Бога Отца Вседержителя и благодарит Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, Спасителя душ наших и кормителя тел наших. Славословит и благохвалит Параклита, Духа Святого, Господа животворящего, Утешителя душ наших. Всю благословляет Святую Троицу, Живоначальную, единосущную и нераздельную, каковую и проповедал в Пермской стране. То ведь Бог наш, в Которого мы крестились и веруем, «ибо мы Им живем, и движемся, и существуем» (*Деян. 17, 28*).

Но доколе не перестану я много говорить? Доколе не оставлю похвальных слов? Доколе не прекращу начатое и продолженное хвалословие? Хоть и многократно хотелось мне оставить беседу, но любовь к нему влечет меня к похвале и плетению словес. Изволилось мне, «худшему всех людей, а скорее и извергу мне» (*1 Кор. 15, 8*), написать о преподобном отце нашем Стефане, бывшем епископе, что в Перми.

«Я ведь наименьший был среди братии моей» (*Пс. 151, 1*), и худший среди людей, и меньший среди человеков, последний среди христиан, недостойный среди иноков и нежественный в слове. Подобаet мне уже окончить слово. Но прежде вот о чем молю всех, кто в эти письма заглядывает, и открывает их, и читает, и слушает, и внимает, и рассуждает:

Господа мои! Не удивляйтесь мне окаянному, не проклиняйте меня грешного. Обращаюсь к братолюбию вашему и любви о Господе: кто читает эти грубо написанные буквы, излейте за меня молитвы ваши к Богу, поскольку я хвалю жития святых отцов,

а сам — увы! — лениво живу. Горе мне, говорящему и не творящему, учащему и не чувствующему. Оказался я бесплодной смоковницей, «одни только листья» (*Мф. 21, 19*) имею, листья только поворачиваю книжные и только листьями книжными исписанными хвалюсь, а плода добродетели не имею. Зачем только отяжеляю землю? И потому боюсь, что буду проклят и вырублен, боюсь сказавшего: «Вот уже секира при корне дерева лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (*Мф. 3, 10*). Боюсь Господа, сказавшего: «Всякую ветвь, не приносящую Мне плода» (*Ин. 15, 2*), «собирают и бросают в огонь, и она сгорает» (*Ин. 15, 6*). Боюсь апостола, говорящего: «Не слушатели ведь закона будут оправданы, но исполнители» (*Рим. 2, 13*).

Потому, сладкогласно молю вас, с умилением припадаю и со смиреннымудрием слезно прошу, вопия:

Не снитесь с презрением ко мне, окаянному, если у меня где-то написалась речь ззорная, неукрашенная, неустренная и неухищенная. Мне-то кажется, что ни одно слово здесь не пригодно, не благопотребно, не стройно, но все худо и полно грубости. Но хоть и нехорошо кое-что было написано, однако же есть возможность у кого-то, лучшего и мудрейшего о Господе, это устроить и хорошо починить, а неукрашенное украсить, недостроенное достроить, неухищенное ухищрить и несовершенное закончить.

Подобает же или завершить слово и лишнего не мудрить, не умея, или же подражать настоящим философам, по-настоящему исполненным разума и намного высшим нас и большим умом. Мне, однако же, полезнее замолчать, нежели подобно пауку распространять пряжу, сплестать словно нити паутинных тенет.

Не погнушайтесь же мой грубостью!

А то, что я затянул беседу и речь сделал долгой, — это потому, что не мудростью, но грубостью обладая, принялся я это говорить, — словно младенец, замолкая перед родителями своими, или как слепой стрелок, стреляющий мимо. Так и я скудоумный, совсем не владеющий ни своей левой рукой, ни правой, понудил свое неумение, будто забыв — увы! — грехи свои и поистине неисцелимые струпья свои, протягивал недостойную свою руку, отвержая прескверные свои уста. Дерзнул я на это и убедился в этом.

И молю я всех вас вообще, от мала до велика, чтобы вы сотворили обо мне молитву к Богу, чтобы, молитвами вашими, оканчивая слово, смог я сказать:

— Слава Тебе, Господи, сотворившему все! Слава Тебе, совершителю Богу! Слава давшему нам Стефана и назад взявшему! Слава вразумившему его и умудрившему! Слава укрепившему его и наставившему! Слава посетившему и просветившему землю Пермскую! Слава спасающему род человеческий! Слава «хотящему всех людей спасти и в разум истинный привести» (*1 Тим. 2, 2*)! Слава давшему мне жизнь, чтобы я это написал! Слава Богу за все. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ДИМИТРИЙ ПРИЛУЦКИЙ

Преподобный Димитрий (ум. 1392) — основатель Спасо-Прилуцкого монастыря и вологодский чудотворец. Первый свой монастырь — Никольский — он основал возле Переяславля — города, где он вырос. В бытность его игуменом Димитрий сдружился с Сергием Радонежским, часто приходил к нему в монастырь Живоначальной Троицы для взаимной молитвы и беседы. Под влиянием Сергия Радонежского он ввел в своем монастыре общежительный устав, почти забытый на Руси. В 1371 г. он покидает Переяславль, добирается до Вологды и открывает первую на севере киновию.

Житие преподобного ДИМИТРИЯ ПРИЛУЦКОГО⁹ (фрагмент)

Преподобный Димитрий⁹ родился в начале XIV века в Переяславле-Залесском, где отец его, человек богатый, вел довольно начительную торговлю.

Когда мальчик достиг школьного возраста, родители, с раннего детства укреплявшие в нем благочестивую христианскую настроенность, начали его учение: по обычаю времени оно заключалось в усвоении церковной грамоты, а затем в чтении книг богослужебных и Священного Писания — по преимуществу Псалтыри. Семя слова Божия, западая в чистую душу ребенка, начало приносить свой плод: отрок выделялся среди своих сверстников умом и смирением — он удалялся от шумных детских игр, избегал услуг и почета, какими окружала его домашняя челядь. Чем далее шло время, тем более и более прилежал он чтению священных книг и богомыслию, возгревая в сердце любовь к Богу. Не удивительно поэтому, что его мало занимали торговые дела отца, — не о богатствах скоропреходящих он думал и не об утехах здешней жизни: душа его стремилась к небесному и вечному сокровищу, уготованному Христом Спасителем для тех верующих, которые из любви к Нему оставили не только мирские блага, но даже и самых близких по крови, — «кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат, и наследует жизнь вечную» (Мф. 19, 29).

Все более и более назревала в юноше мысль о вступлении на «тесный и скорбный путь» иноческого жительства. Наконец мысль перешла в решение: послушный внутреннему влечению и слову Евангелия, юный Димитрий покидает дом отца и принимает пострижение в Переяславском Горицком монастыре. Его пострижение было действительным отвержением своей воли,

мирских соблазнов и забот для беспрепятственного сосредоточения душевных сил на достижении одной цели — спасения во Христе. Следуя по стопам Его, юный простиженник повинуется во смирении братии и поучается день и ночь в молитве. Терпение, смиренномудрие и незлобие его были столь велики, что возбуждали невольное удивление братии.

За такую добродетельную жизнь преподобный был удостоен священства. Облеченный высоким званием совершителя тайн Божиих, он усилил подвиги, «как верный раб мног прикуп творя без лености Господу», от Которого получил он столь «великий талант»...

В *Талант молиться —
безмолвно и неустанно —
великий талант, по
мнению наших достойных
предков.*

ФЕОДОР, АРХИЕПИСКОП РОСТОВСКИЙ

Святитель Феодор (ум. 1394), воспитанник, ученик и «сродник» великого Сергия, известен как основатель и игумен двух Симоновых монастырей в Москве (старого и нового). В стенах храма во имя Рождества Богородицы в «старом Симонове» в 1380 г. погребены герои Куликовской битвы, схимники Троице-Сергиева монастыря Александр Пересвет и Андрей Ослябя (храм и могилы сохранились до нашего времени). Великий князь Дмитрий Донской в 1379 г. избрал Феодора своим духовником и часто поручал ему важные церковные и государственные дела. Трижды тот бывал в Константинополе у патриарха по делам русской митрополии (вспомним, что после кончины святителя Алексия в 1378 г. московская кафедра оставалась без митрополита в течение 10 лет). В одну из поездок в Царьград в 1387 г. Феодор возвращается оттуда в сане архиепископа Ростовского (до этого на Руси были только два архиепископа — Московский и Новгородский). В Ростове Феодор основал женский общежительный монастырь во имя Рождества Богородицы. Был чудотворцем и иконописцем, сам расписывал храмы в Симонове, первым оставил изображение Сергия Радонежского на иконе.

Житие преподовного отца нашего ФЕОДОРА АРХИЕПИСКОПА РОСТОВСКОГО¹¹ (фрагмент)

Святый Феодор¹¹, первый архиепископ Ростовский, происходил из того знаменитого своим благочестием рода, к которому принадлежал великий подвижник и молитвенник земли русской, преподобный Сергий Радонежский. Святитель Ростовский Феодор

был родной племянник преподобного Сергия, сын его старшего брата Стефана. Сей Стефан, выселившийся, как и преподобный Сергий, вместе с отцом своим, боярином Кириллом, из Ростовской области в подмосковную область Радонежскую, первую половину жизни своей провел на службе у Радонежского князя Андрея Ивановича, сына Московского князя Ивана Даниловича Калиты. Он был в числе главных вельмож Радонежского князя, славился воинскими заслугами, но особенно отличался своим благочестием. Он был женат и от супруги своей Анны имел двух детей, Климента и Иоанна. Благочестивая жена Стефана вскоре скончалась, и Стефан тогда решил отречься от мира и принять иночество. Он постригся в монастыре Покрова Пресвятой Богородицы в Хотькове и предался усердно иноческим подвигам, посту и молитве. Оставив вскоре Хотьковский монастырь, он ушел в Москву, поселился в монастыре святого Богоявления в особой келии и проводил строгий и суровый образ жизни в посте и молитве, воздерживаясь от вина и пива и одеваясь в ветхие одежды. В то время находились в том монастыре и другие знаменитые подвижники, как святой Алексей, впоследствии митрополит, старец Геронтий и другие. Их любил преосвященный Феогност, тогдашний митрополит всея России, часто к себе призывал и оказывал им почет.

Узнав о благочестивой подвижнической жизни Стефана, великий князь Симеон Иванович, сын Ивана Даниловича, повелел митрополиту Феогносту посвятить его в священнический сан, а потом поставить и в игумены Богоявленского монастыря, и избрал его в духовники себе. Духовными детьми Стефана пожелали стать и многие бояре и вельможи. Великий князь Симеон любил Стефана, почитал и часто с ним беседовал.

Таков был отец святого Феодора, называвшегося в миру Иоанном. По достижении семилетнего возраста Иоанн отдан был благочестивыми родителями в научение грамоте и вскоре изучил все, что было ему преподавано.

По смерти матери юный Иоанн находился при своем отце, принявшем иночество. Слыша о жизни своего дяди, великого радонежского подвижника Сергия, устроившего тогда свою новую обитель, в которую отовсюду собирались разного чина и звания люди для духовных подвигов, Иоанн горел желанием видеть Сергия и последовать ему. По Божию смотрению, отец Иоанна, Стефан, отправился из Москвы в Радонежскую область, в монастырь Живоначальной Троицы, и привел с собою и сына своего Иоанна. Он провел сына прямо в церковь и, взяв за правую руку, сам передал его в руки игумена Сергия, своего родного брата.

Несмотря на юные годы Иоанна, которому было всего двенадцать лет, преподобный Сергий, провидя в нем истинного подвижника, тогда же постриг его в иноческий чин, 20 апреля, на память преподобного Феодора Трихины, в честь которого Иоанн переименован был в Феодора: тогда был обычай даровать при пострижении имя того святого, память которого совершалась в день пострижения.

Новопостриженный инок Феодор и остался на иноческое житие в Троицком монастыре под руководством великого его основателя. Он стал вести воздержанную, целомудренную и чистую жизнь, усердно посещал церковные службы, внимательно слушал Божественное Писание и сам часто читал божественные книги. Наставника же своего, преподобного Сергия, во всем слушался со смирением, кротостью и молчанием. Усердие к церковной и келейной молитве, пост и бдение, усердное пение Псалтири и слезы умиления молодого инок вызывали удивление у ок-

NB *Этот факт известен и из жития Сергия Радонежского. Удивительно не то, что со святыми людьми у престола служил ангел Божий, а удивительно то, что другие иноки видели это и сам Сергий это не отрицал. Школа духовности Сергия Радонежского всех делала прозорливыми, поэтому и молчать в такой школе было нелегко и легко одновременно. Но рассуждать об этом божьем даре уж точно не полагалось. Разве рассуждаем мы о том, что дышим воздухом?*

Вот почему так скудны сведения об этом даре, рассыпанные по страницам житий наших праведников, потому что не он делал их таковыми.

Феодор непрестанно предавался по обычаю ночной молитве. И вот однажды, стоя на молитве, он слышит голос: «Феодор, иди в пустыню; ты устроишь обитель, соберешь в ней многих подвижников, мужей желаний духовных, и получишь великую награду на небесах». Приняв сии слова за откровение свыше, блаженный никому не

NB *Если Сергий задумывал сделать Феодора (греч. «Божий дар») своим преемником в Троицкой обители, это значит, что он видел в нем прежде всего талант наставника и организатора, что и подтвердилось в дальнейшем.*

открывавших. Особенно замечательно было то, что он ничего не скрывал от преподобного Сергия, и днем, и ночью открывая ему все свои помыслы.

По достижении надлежащего возраста Феодор был посвящен в иерейский сан и продолжал совершенствоваться в иноческих подвигах и духовной жизни. Когда он служил литургию с преподобным Сергием и своим отцом Стефаном, некоторые иноки, удостоенные особой благодати Божией, видели, как с сими святыми служителями у престола служил ангел Божий.

В это время Феодора стала посещать мысль об основании нового, своего монастыря, об отыскании удобного места и учреждении иноческого общежития. Мысль эту он поведал своему учителю, преподобному Сергию, и повторил это не раз. Преподобный, видя, что мысль эта решительно овладела Феодором, усмотрел в сем действие промысла Божия.

Феодор непрестанно предавался по обычаю ночной молитве. И вот однажды, стоя на молитве, он слышит голос: «Феодор, иди в пустыню; ты устроишь обитель, соберешь в ней многих подвижников, мужей желаний духовных, и получишь великую награду на небесах». Приняв сии слова за откровение свыше, блаженный никому не открыл о происшедшем. Но спустя значительное время великий прозорлив вещ Сергий сказал своему племяннику:

— Я, чадо, надеялся, что ты предашь кости мои гробу и станешь после меня игуменом на сем месте; но если хочешь теперь начать задуманное тобою дело, то да поможет тебе Бог и Пресвятая Богородица.

Благословив своего племянника и ученика, он отпустил его вместе с теми из братии, которые пожелали с ним отправиться.

Преподобный Феодор вышел со своими спутниками из монастыря и отправился искать нужного ему, удобного для обители места. И нашел он прекрасное для построения монастыря место, называвшееся Симоново, недалеко от города Москвы, на левом берегу Москвы-реки.

Получив известие, преподобный Сергей сам пришел видеть это место, нашел его удобным для построения монастыря и благословил Феодора приступить к исполнению задуманного предприятия.

Получив надлежащее архиерейское разрешение, преподобный Феодор создал на избранном месте церковь во имя Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, честного Ее Рождества, возвел нужные для монастыря изрядные строения, собрал отовсюду многочисленную монастырскую братию и составил монастырь по строгому чину монастырей общежительных.

САВВА СТОРОЖЕВСКИЙ

Преподобный Савва (ум. 1407) был одним из самых способных иноков в монастыре Сергия Радонежского. Тот, видя успехи своего ученика в духовной жизни, сделал его духовником (исповедником) всей братии обители. Савва был также духовником сына Дмитрия Донского, Юрия, князя Звенигородского. 10 лет Савва возглавлял Дубенский монастырь, построенный в честь победы на Куликовом поле, а после смерти своего учителя стал игуменом Троицкого монастыря. В 1398 г. переселился в Звенигород и вскоре открыл там монастырь с общежительным уставом на горе Сторожевской.

Житие преподобного отца нашего САВВЫ СТОРОЖЕВСКОГО, ЗВЕНИГОРОДСКОГО ЧУДОТВОРЦА" (фрагмент)

Преподобный Савва Звенигородский¹³ был одним из учеников преподобного Сергия, Радонежского чудотворца. От юности возлюбив чистое и целомудренное житие и отвергнув суетные прелести мира, Савва пришел в пустыню к преподобному Сергию и принял от него иноческий постриг. Руководимый своим богоносным наставником, он пребывал в совершенном послушании ему, навывая в Троицкой обители порядкам монашеского жития. Жизнь свою преподобный Савва проводил в строгом воздержании и непрестанном бдении, заботясь о соблюдении чистоты душевной и телесной, которая есть украшение иноческого жития. Прежде всего приходил преподобный в церковь на божественную службу и после всех выходил из нее. Со страхом Божи-

В Потрясающее имя из рук Сергия получил Савва при пострижении его в иноки. С одной стороны, это «неволя» по-арабски, с другой стороны, это «вино» по-еврейски. А на родном языке Иисуса — арамейском — это слово означает «СТАРЕЦ», «Отец» и «учитель» на этом же языке — «равви» — однокоренное с «аввой». И получается, что когда нет своей воли, но есть пьянящая радость служения вышнему («Да будет воля Твоя!»), тогда приходят одновременно простота и мудрость проживания и ты становишься для других старцем, отцом и учителем. Не тот, кто прозорлив, стал духовником Сергиевой обители, а «савва».

им стоял он в храме на молитве, в умилении не мог удерживаться от сильного плача и рыдания, так что удивлял всех иноков обители. Непрестанно упражнялся он в церковном пении и чтении, а во время, свободное от молитвы и церковных служб, занимался каким-либо рукоделием, боясь праздности, матери пороков. Подвижник любил безмолвие и избегал бесед с другими. Поэтому он казался всем простецом, ничего не знавшим, а на деле превосходил мудростию своею многих, считающих себя разумными, он искал не показной человеческой мудрости, а высшей, духовной, в которой и преуспевал. Преподобный Сергий лучше других видел успехи преподобного Саввы в духовной жизни и поставил его духовником всей братии монастыря.

В те времена благоверный князь Московский Димитрий Иоаннович одержал победу над неверным ханом татарским Мамаем со всеми его пол-

чищами. Возвратившись с радостью в Москву, великий князь немедленно пришел к преподобному Сергию в обитель — помолиться и принять от него благословение. При этом князь обратился к святому старцу с такими словами:

— Святче Божий! Когда я хотел выступить против неверных магометан, то обещался построить монастырь во имя Пресвятой Богородицы и устроить в нем общежитие. И вот теперь, честный отче, с помощью Всесильного Бога и Пречистой Богородицы и твоими молитвами, желание наше исполнилось, супостаты наши побеждены. Посему молю твое преподобие: всячески постарайся, Господа ради, чтобы обет наш был поскорее исполнен.

Князь отправился в Москву, а преподобный Сергий с усердием старался исполнить его просьбу. Он обошел много пустынных мест, изыскивая, где бы удобнее построить монастырь. Пришедши на реку, называемую Дубенкою, он нашел там место, которое ему весьма понравилось. Там преподобный Сергий и создал церковь, а при ней монастырь во имя Пресвятой Богородицы, честного Ее Успения. Вскоре пришли сюда некоторые из братии. Преподобный с радостью принял их и затем учредил здесь общежитие. Настоятелем сего монастыря преподобный Сергий выбрал из учеников своих блаженного Савву, считая его вполне способным к самостоятельному руководству братией. Помолвившись о нем, великий подвижник благословил его и сказал:

— Бог да поможет тебе, чадо, да подаст тебе усердие и силу и да руководит тобою на все благое и полезное.

Приняв благословение от святого старца, преподобный Савва начал управлять Дубенским монастырем. Житие он проводил здесь чистое, равноангельное; удручал себя постом и бдением, питался лишь пустынными растениями, отказываясь от всякой сытной и вкусной пищи; никогда не носил мягких одежд. Часто проливал он сердечные слезы, сокрушаясь о грехах своих, и предавался самым строгим монашеским подвигам.

Между тем братия обители начали умножаться. Преподобный Савва с любовью наставлял их и служил каждому со смирением и кротостью. Так прожил преподобный в Дубенском монастыре более десяти лет...

НИКОН РАДОНЕЖСКИЙ

Ученик Сергия Радонежского (ум. 1426). Именно его оставил Сергей своим преемником, но воспользовался этим правом Никон только через 6 лет, в 1398 г. Став игуменом Троицкой обители, он продолжил дело своего учителя, восстановив монастырь, разрушенный во время нашествия золотоордынского хана Едигея, и сохранив традиции общежительного образа жизни иноков. Именно при Никоне, когда тот стал строить на месте деревянной каменную церковь во имя Живоначальной Троицы в 1422 г., произошло обретение мощей великого старца. Именно Никон заказал Андрею Рублеву храмовую икону для этой церкви в память о великом подвижнике земли Русской.

Житие преподобного отца нашего НИКОНА, ИГУМЕНА РАДОНЕЖСКОГО* (фрагменты)

Преподобный Никон родился в городе Юрьеве Польском, недалеко от обители преподобного Сергия. Он происходил от благочестивых родителей и с юного возраста был воспитан в богопочтении. Еще в ранней молодости он слышал об ангельской жизни преподобного Сергия, подвизавшегося с братиею в своей обители близ города Радонежа. Подвиги преподобного Сергия, слава о которых далеко распространялась, приводили в умиление душу Никона, и сердце его горело желанием видеть сего святого мужа и подражать ему в жизни. С сокрушением сердечным и проливая обильные слезы, Никон горячо молил Господа Бога:

— Боже и Господи, Царю вечный и благосердый, сподоби меня видеть сего святого мужа и последовать ему во всей моей жизни, да спасуся и я его ради и достоин буду вечных Твоих благ, которые Ты обещал любящим Тебя.

И вот вскоре он оставляет дом своих родителей и стремится в обитель преподобного Сергия. Достигнув обители, Никон поспешил увидеть самого великого подвижника Сергия и, припав к его стопам, стал усердно молить, чтобы он постриг его в иноческий чин в своей святой обители. Преподобный Сергий видел благоразумие и душевную чистоту отрока и тотчас всем сердцем возлюбил его. Однако, провидя в нем духовными очами будущий светильник Божественного света, он не оставил Никона без испытания, но поступил с ним так же, как некогда поступил Евфимий Великий с Саввою Освященным¹⁵, когда сей, еще в юношеском возрасте, пришел к нему. Он не принял Савву в свою обитель и отослал его в далекий монастырь к сопостнику своему — преподобному Феоктисту. Так и преподобный Сергий отослал юного отрока в научение к ученику своему Афанасию Высоцкому¹⁶, основателю Серпуховского монастыря, — мужу, славившемуся добродетельною жизнью и искусившемуся в иноческих подвигах.

— Иди без всякого размышления, — сказал он отроку, — и, если Богу угодно, ты примешь там иноческий образ.

Со смирением принял Никон такое повеление от преподобного. Горя любовью к Богу и стремясь соделаться иноком, он с поспешностью отправился к блаженному Афанасию.

Когда он достиг обители его, то, смиренно подойдя к келии Афанасия, тихо постучал в дверь. Афанасий, приоткрыв немного оконце, спросил его:

— Чего ты хочешь и кого ищешь? — Старец любил безмолвие и нечасто выходил из своей келии.

Отрок, поклонившись ему до земли, отвечал:

— Великий авва, блаженный Сергий прислал меня к тебе, дабы ты облек меня в иноческий чин.

На сие старец, не глядя на него, со строгостью сказал:

— Ты не можешь быть иноком: иночество — дело великое; ты молод, а правила старцев суровы.

Отрок ответил:

— Отче! Не все люди одинаковы: ты только прими меня, а время покажет, могу ли я переносить трудности иноческого жития.

Но старец продолжал:

— Многие приходили сюда, но, обленившись и не выдержав трудности постничества и воздержания, отбегали; и тебе я говорю, что ты не сможешь пребывать здесь; иди в другое место и предавайся посту.

Слыша сии слова, отрок, горя в душе Божественным огнем, со слезами обещал старцу терпеливо переносить всякую скорбь. Старец, видя обильные слезы отрока и его горячее стремление к иночеству, ввел его в свою келию и обратился к нему с наставлением:

— Не оскорбляйся, чадо, тем, что я тебе сказал: подвиг иноческий дело великое; иноки называются добровольными муче-

никами, и мучение их сугубое; многие мученики, кратковременно пострадав, приняли кончину; иноки же в течение всей своей жизни претерпевают страдания, и хотя не принимают ран от мучителей, однако, обуреваемые плотию и воюя с врагами мысленными, страждут до последнего издыхания. Посему, сын мой, если ты хочешь работать Господу, то приуготовь свою душу, дабы ты мог с терпением переносить все искушения и страдания, принимаемые врагами.

Отрок же припал к ногам старца и едва мог проговорить:

— Смилуйся надо мной!

Тогда старец поднял его и сказал:

— Встань, чадо! Господь наставит тебя на путь заповедей Своих. Все сие нарек я тебе потому, что сам я человек грешный, хотя и взял на себя устроение дела Божия; ныне желание твое исполнится.

Сказав сие, старец сотворил молитву и облек Никона в иноческий образ.

Афанасий наставлял юного инока добродетелям и поучал его переносить все страдания, ведущие к Богу, стараясь исполнить душу его мужеством и крепостию и являясь ему во всем примером. Никон же, упражняясь под руководством его в молитвах, преуспевал в добродетелях, в подвигах поста, в неусыпном бдении над собою, он хранил чистоту, смирение, кротость и поучался усердно в Божественном писании. Видя такое прилежание отрока, Афанасий возымел о нем отеческое попечение и, побуждая его к дальнейшим подвигам, содействовал его постепенному иноческому совершенствованию.

Когда Никон достиг совершенного возраста, то, по желанию Афанасия и всей братии, почтен был саном священства, как достойный быть предстоятелем пред Богом. Доблестный же Никон по принятии священства, сподобившись сугубой благодати, стал проявлять еще большее усердие к подвигам благочестия.

Пробыв несколько времени в обители, Никон снова возгорелся неудержимым желанием видеть великого старца и подвижника преподобного Сергия, дабы получить от него благословение и слышать от него богомудрое наставление. С горячей мольбой обратился Никон к Афанасию, дабы он, помолившись о нем, отпустил его с миром из обители. Афанасий не удерживал Никона и, молитвенно напутствовав его, отпустил от себя.

Придя в лавру преподобного Сергия и увидев богоносного отца, Никон с горячими слезами припал к стопам его и просил у него благословения. Преподобный не только с радостью принял его как посетителя, но и оставил в своей обители.

После сего преподобный Сергий повелел Никону со всяким прилежанием служить братии в обители, и Никон со всем усердием выполнял возложенное на него послушание, неустанно упражняясь в молитве и бдении. За такие подвиги и благочестивое житие преподобный Сергий оказал Никону особенную любовь и

доверие и повелел ему пребывать в одной келии с собою. Здесь, в беседе с богомудрым наставником, преподобный Никон нашел для себя высшее училище духовного любомудрия и в близком

В житии рассказана история любви двух духовных людей, достигших вершины нравственного совершенства! И история эта достойна восхищения. К старицу приходит отрок, возжелавший находиться и умереть у ног учителя. И старец, чтобы испытать его крепость, ставит условие: ты должен пройти ступени иноческого совершенствования, только тогда я смогу на равных принять твое служение. И посылает его к другому учителю — старицу суровому и строгому. А зовут этого учителя Афанасий, что значит по-гречески «бессмертный», и облакает он отрока в иноческий сан с именем Никон, что значит «побеждающий». Победить, преобразить свое смертное начало — таково задание Никону как условие возвращения к Сергию Радонежскому. И тот его выполняет, не считая долгие годы разлуки. И вот награда: открытые друг другу сердца, из которых изливается благодатный свет и мир, «дабы никакая мгла сомнения или смущения не омрачала чистоты их совести». Только такому сподвижнику мог Сергий передать свою обитель и спокойно отлететь от мира. Какой правоучительный урок современным лидерам, совершенно не заботящимся о том, кто им будет следовать!

примере святого — новое поощрение к подвигам добродетели; в его же прозорливом руководстве и сильной молитве Никон обретал силу к ограждению от искушений, укрепление против немощей и райское утешение в общении сей молитвы. Любвеобильное сердце Сергия было для Никона отворстою дверью, откуда исходил на него благодатный свет и мир. И верное сердце Никона к Сергию было также отворстою дверью для открытия своему отцу всех помыслов и намерений, дабы никакая мгла сомнения или смущения не омрачала чистоты его совести. И вот, подобно дереву, насажденному при источнике водном, Никон, с верой воспринимая все наставления и поучения учителя, в делах своих показал обильные плоды добродетелей.

Мудрый наставник, преподобный Сергей, внутренними очами прозревая имеющую воссиять в Никоне пресветлую благодать, пожелал поставить его настоятелем обители вместо себя. Первоначально Сергей возложил на Никона часть своих попечений о братии, поставив его как бы вторым после настоятеля. Это новое служение Никон проходил со всем вниманием и бдительностью, постоянно храня неусыпное попечение о вверенной ему братии, относясь к каждому с любовью и отеческой заботливостью. Найдя в Никоне столь искусного руководителя братиею, Сергей радовался духом и, наконец, за шесть месяцев до своего преставления призвал Никона и перед всеми вручил ему, как искусному вождю, попечение о монастыре и о братии. Никон, хотя и не желал принимать на себя трудных обязанностей руководства всею лаврою, но не осмелился ослушаться своего

наставника и со смирением, как послушный сын, повиновался повелению его.

В скором времени преподобный Сергей отошел ко Господу. Великою скорбью болело сердце верного ученика его. Сокрушаясь и проливая обильные слезы, он обращался к святому, как бы к живому, говоря:

— Отошел ты, преподобный отче, вся моя надежда. В ком найду я после Бога прибежище и где найду утешение?

И, припав к одру святого и обнимая его честные мощи, он желал лучше быть погребенным вместе с учителем своим, чем разлучиться с ним.

С великим плачем и рыданием предав святое тело своего учителя погребению, Никон принял после него начальство над лаврою. Он положил с точностию выполнять все, что учредил и заповедал великий основатель обители Сергей, и, разделяя труды с братиею, как настоятель обители, имел попечение и заботливость о каждом. Преуспевающих в служении Господу он побуждал не ослаблять своих подвигов; нерадивых же и ленивых с скорбью поучал не забывать, что они отверглись мира и, заботясь о спасении своем, не должны предаваться мирским заботам, дабы не утратить вечной награды. Он имел обыкновение обходить все места обители, где трудились иноки, поощряя и увещывая с терпением переносить труд, причем сам являлся образцом для братии, принимая участие в общих трудах. Своею кротостию, своею отеческою заботливостью о братии, мудростию в управлении и советах Никон не только приобрел уважение и любовь братии, но слава о нем распространилась далеко за стены Сергиевой обители, и имя Никона, как «освящение некое», прославлялось повсюду — по городам и весям. К нему шли многие благоговейные и именитые люди за наставлениями ради душевной пользы, и он всех принимал с отеческим расположением, являясь великим врачом духовным.

Но Никон, любивший больше всего безмолвие и молитву в уединении, не прельщался сею славою человеческою и сильно тяготился ею. И вот с мыслию, что желаемому творить волю Божию прежде всего нужно презирать и ненавидеть все соблазны мира, Никон стал уклоняться от начальствования над своею паствою и наконец заключился в уединенную келию. Братия сильно скорбела о сем и, не желая, чтобы он покинул и оставил ее без своего руководства, со слезами просила его не оставлять их, как овец без пастыря. Но он оставался непреклонным в своем решении, прося братию не сокрушать его сердца своими мольбами. Видя столь непреклонное желание Никона, братия не стала удерживать его, зная, что он уклоняется от бремени начальствования не ради телесного покоя, но стремясь к высшим подвигам и богомысленному безмолвию. Не имея возможности оставаться без начальника, братия избрала одного из учеников Сергея, по имени Савва, — мужа, сиявшего добродетельною

жизнию, — и, с благословения Никона, поставила его игуменом над собою.

Шесть лет пребывал в безмолвии Никон, пока паствою управлял Савва, пася ее с усердием и вспомоществуемый молитвами блаженного Сергия. Но по истечении шести лет и Савва оставил начальствование. Тогда братия, как бы дав преподобному Никону отдохнуть от дел управления и насладиться вожделенным ему безмолвием, опять пришла к нему и со слезами умоляла и убеждала его снова принять ее под свое руководство. Видя, что Никон и теперь намерен уклониться от начальствования и власти, братия говорила ему:

— Не подобает тебе, отче, искать пользы себе одному, попекись и о спасении ближних.

Эта неотступная просьба иноков и любовь их заставила Никона расстаться с любимым уединением, и он уступил желаниям братии, но с тем условием, чтобы они уступили ему из каждого дня некоторую часть для уединенных подвигов и молитвы.

Тихо и богоугодно текла жизнь в святой обители. Никон же неустанно пребывал в молитвенном бдении, поучаясь в слове Божиим и отеческих творениях...

АНДРЕЙ РУБЛЕВ

Великий иконописец (ум. ок. 1426), юный собеседник «чудного старца», монах Андроникова монастыря на реке Яузе, духовный внук преподобного Сергия Радонежского, сопостник и сотоварищ по цеху с Даниилом Черным, ученик Феофана Грека. По некоторым данным Андрей Рублев ездил учиться в Византию и Болгарию, бывал на Афоне. Преподобным Даниилу Черному и Андрею Рублеву принадлежат росписи важнейших храмов России: Благовещенского собора в Кремле (1405), Успенского собора в Звенигороде (нач. XV в.), Успенского собора во Владимире (1408), Троицкого собора в Троице-Сергиевой лавре (1422) и Спасского собора Андроникова монастыря (1420—1426), где и были они погребены и где ныне находится музей имени Андрея Рублева. С середины XVII в. после церковной реформы патриарха Никона, когда стали поновляться храмы, а иконы писаться в реалистической манере, имя Андрея Рублева как иконописца было забыто вплоть до XX в., пока наши реставраторы не раскрыли его фрески и иконы. Так они были спасены и вошли в постоянную экспозицию Третьяковской галереи. В связи с 600-летием со дня рождения Андрея Рублева 1960 год был объявлен ЮНЕСКО годом его памяти. Канонизирован Андрей Рублев Русской православной церковью в 1988 г. во время празднования 1000-летия христианства в России.

Празднование преподобных Андроника,
Саввы и Александра Московских,
Даниила Черного и **АНДРЕЯ РУБЛЕВА**¹⁷
(фрагменты)

...Через некоторое время игуменом Андрониковой обители стал преподобный Александр, ученик преподобного Саввы, муж весьма добродетельный и преуспевший в монашеских подвигах. С ним подвизался в обители и другой его старец, ученик Андроника, преподобный Андрей, иконописец преизрядный, который имел честные седины и всех превосходил мудростью. С помощью Божией преподобные Александр и Андрей воздвигли в своей обители прекрасную каменную церковь, которую украсили чудной росписью в память своих отцов¹⁸.

NB Без иконы «Святая Троица» Андрея Рублева невозможно сегодня представить образ преподобного Сергия, хотя сам он ее при жизни не видел. И наоборот, есть полная уверенность в том, что иконописец создал ее, опираясь на рассказ самого святого старца и благодатное сопереживание этому рассказу, хотя документальных свидетельств об их встрече не сохранилось. Впрочем, в вечности их встреча уже состоялась, и потому их имена теперь навсегда вместе: один целый народ сделал святым во имя Троицы, другой продолжает и сегодня эту работу, возжигая в нас неугасимый пламень Веры, Надежды и Любви в их нераздельном и неслиянном образе Троицы, поддерживающей в нас наше человеческое достоинство и Божие подобие.

Лучше всего, проникновеннее всего написал об этой иконе в начале XX в. о. Павел Флоренский: «Среди мятущихся обстоятельств времени, среди раздоров, междоусобных распри, всеобщего одичания и татарских набегов, среди этого глубокого безмирия, растлившего Русь, открылся духовному взору бесконечный, невозмутимый, нерушимый мир, «свышний мир» горнего мира. Вражде и ненависти, царящим в дальнем, противопоставилась взаимная любовь, струящаяся в вечном согласии, в вечной безмолвной беседе, в вечном единстве сфер горних...» (статья «Троице-Сергиева лавра и Россия»).

Но есть свой опыт восприятия «Святой Троицы» и на рубеже XX и XXI вв. — смены тысячелетий и даже целых эпох. Конечно, к ней прощупывается сердце любого русского, потому что невозможно устоять перед этой благодатной симфонией гармонии, проявившейся в нашем диком мире хаоса. Сегодня уже каждый, глядя на икону, понимает, что перед ним окно в горний мир. Но не каждый решается переступить за грань беспредельного и стать четвертым в этой надмирной

Когда Никон Радонежский в похвалу преподобному Сергию воздвиг прекрасную церковь во имя Пресвятой Троицы (после 1422 г.), то очень хотел своими очами увидеть ее украшенную. Преподобный Никон спешно созвал иконописцев — преподобного Даниила и спостника его преподобного Андрея, и они чудным писанием украсили церковь. После этого преподобные иконописцы вернулись в Андроников монастырь, где и предали дух свой Богу.

беседе, хотя размер иконы и фокус обратной перспективы рассчитаны именно на такое чудо. Икона сама отбирает нас для собеседования. Ведь она — не только окно в горний мир, но и в дольний, когда «оттуда» святые ангелы смотрят на нас и... удивляются нам, почему мы не приходим на их трапезу и пиришество духа. Двери ни для кого не закрыты. Наоборот, «стучите, и откроются вам...». Открылись же они нашим предкам 600 лет назад. Может и нам...?

...Преподобные Даниил и Андрей были так добродетельны и ревностны в постничестве и иноческой жизни, что сподобились Божественной благодати. Они так были исполнены Божественной любви, что никогда не упражнялись в земном, но всегда ум и мысль возносили к невещественному и Божественному Свету, чувственное же око всегда возводили к написанным вещественными красками образам Владыки Христа и Пречистой Его Матери и всех святых. И в самый праздник Светлого Воскресения они, сидя на седалищах и имея пред собою всечестные и Божественные иконы, взирали на них неуклонно, исполняясь Божественной радости и светлости. И не только в тот день так творили, но и в прочие дни, когда не занимались иконописанием. Ради этого Владыка Христос прославил их и в конечный час смертный. Прежде преставился преподобный Андрей, а потом разболевся и спостник его преподобный Даниил. И, находясь при последнем дыхании, увидел он почившего Андрея во многой славе и с радостью призывающего его в вечное и бесконечное блаженство...

Жития преподобных Сергия и Никона Радонежских, «Сказание о святых иконописцах», входившее в авторитетные «Иконописные подлинники» XVII—XIX вв., и святцы Троице-Сергиева монастыря, составленные в середине XVII в. на основании черновых записей старца Симона Азарьина, обращают особое внимание на духовную связь преподобных Даниила и Андрея с Троицкой обителью, на претворение ими в иконах духовного опыта преподобного Сергия. «В XIV веке догмат (о Пресвятой Троице) по различным причинам стал предметом особенного внимания Вселенской Церкви и получил чеканную словесную формулировку. Завершителем же этого дела, увенчатель Средневековья стал читель Пресвятой Троицы—преподобный Сергий Радонежский. Он постиг Небесную лазурь, невозмутимый, неотмирный мир, струящийся в недра вечной совершенной Любви, как предмет созерцания и заповедь воплощения во всей жизни, как основу строительства и церковного и личного. Этот его опыт — новый опыт, новое видение духовного мира — воспринял от него сам преподобный Андрей Рублев, руководимый преподобным Никоном...» (о.Павел Флоренский, ст. «Иконостас»).

Преподобный Андрей Рублев — духовный внук преподобного Сергия, это не раз подчеркивалось. Но подобно тому, как Троицкий собор воплотил в себе духовный опыт преподобного

Сергия, духовный опыт преподобного Андроника и его учеников воплощен в соборе в честь Нерукотворного образа Спасителя Андроникова монастыря. Этот монастырь явился выразителем основных идей православного иконописания. Богодуховность иконописцев, нерукотворность и чудотворность икон — вот что должен был являть, по мысли основателей Андроникова монастыря, собор¹⁹. Поэтому принадлежность преподобных иконописцев Даниила Черного и Андрея Рублева к Андроникову монастырю и их погребение в нем осознается как свидетельство об истинных, глубинных корнях их богодухновенного творчества.

Об иконах преподобных Даниила и Андрея еще в XVI—XVII веках свидетельствовали, что они «все чудотворные». Икона Пресвятой Троицы письма преподобного Андрея Рублева Соборным определением 1551 года приравнивалась к каноническому образцу.

КОММЕНТАРИИ

1. Текст печатается по: Святитель Стефан Пермский. — СПб., 1995, с. 51—263.

2. См. прим. 3 к части «Сергий Радонежский».

3. Парфений — ростовский епископ (1365—1370), поставлен митрополитом Алексием.

4. Михаил — Митяй — священник в г. Коломна, духовник великого князя Дмитрия Ивановича (Донского); в 1376 г. постригли в монахи с именем Михаил, архимандрит московского Спасского монастыря. После смерти митрополита Алексия (1378) стал исполнять роль митрополита (17 февраля 1378 — 24 июля 1379); умер по пути в Константинополь.

5. Кирилл Философ — Константин Философ, в предсмертном монашестве Кирилл (827—869) — византийский просветитель и первоучитель славянских народов, святой православной и католической церковью. Вместе со своим братом Мефодием составил для славянского языка особую азбуку, «кириллицу», начал перевод с греческого на славянский Священного Писания, ввел в Моравии богослужение и школьное обучение на славянском языке. В 1980 г. папа Иоанн Павел II объявил солунских братьев Кирилла и Мефодия вместе с Бенедиктом Нурсийским (VI в.) «сопатронами Европы».

6. Речь идет о переводе семьюдесятью двумя переводчиками с еврейского языка на греческий всех книг Ветхого Завета, осуществленный по приказу египетского царя Птолемея II Филадельфа (285—247 до н.э.); этот перевод получил название Септуагинта от латинского слова — семьдесят.

7. Акила и Симмаха — Акила и Симмах (II в.), создатели собственного перевода Ветхого Завета с еврейского языка на греческий.

8. Текст печатается по: Избранные жития русских святых (X—XV вв.). — М., 1992, с. 270—271.

9. Житие преподобного Димитрия Прилуцкого было составлено в XV в. прилуцким игуменом Макарием, который использовал при этом воспоминания ученика преподобного Димитрия игумена Пахомия.

10. Текст печатается по: Избранные жития русских святых (X—XV вв.), с. 318—320.

11. Пространное житие Феодора составлено по разнообразным древним источникам в XVII в.

12. Текст печатается по: Избранные жития русских святых (X—XV вв.), с. 337—338.

13. Древнейшее житие преподобного Саввы написано в середине XVI в. иноком Маркелом по поручению митрополита Макария.

14. Текст печатается по: Избранные жития русских святых (X—XV вв.), с. 353—357.

15. «Евфимий Великий с Саввою Освященным» — византийские подвизники V—VI вв. н.э. Евфимий Великий (377—477) основал знаменитую Евфимиеву лавру недалеко от Иерусалима. Савва Освященный (ум. в 532 г.) являлся учеником Евфимия Великого, переняв от своего учителя

ля искусство организации аскетической жизни в сочетании с искусством воспитания и образования не только иноков, но и православного населения, проживающего возле обители.

16. Афанасий Высоцкий (Серпуховской) — один из самых любимых учеников Сергия Радонежского.

17. Текст печатается по: Четии Минеи, 13 июня. — М.: Изд. Московской патриархии, 1986, с. 494—496.

18. Сведения о жизни в Андрониковом монастыре Андрея Рублева известны из жития преподобного Никона Радонежского, составленного иеромонахом Пахомием Логофетом около 1440—1450 гг., и из устного предания, записанного преподобным Иосифом Волоцким со слов старца Спиридона.

19. Речь идет об истории возникновения образа, известного под названием «Спас Нерукотворный», когда Христос, обтерев свое лицо полотенцем, оставил на нем свое изображение в дар просителю. Идейный смысл соборного храма Андроникова монастыря раскрывается в восклицании автора «Сказания о перенесении из Едессы в Константинополь Нерукотворенного образа Господа Иисуса Христа»: «О чудо! Простая вода обратилась в краску и на убрусе отпечталось пресвятое подобие Божественного лица». И как завет иконописцам, звучат слова Спасителя, которыми Он запечатал письмо Авгарю: «Божие видение — Божественное чудо!»

ПОСЛЕДОВАТЕЛИ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

НИЛ СОРСКИЙ (1433—1508)

Во второй половине XV в. в русской духовной жизни намечился серьезный кризис монашества и монастырской жизни. Возникшие на принципах высших христианских добродетелей монастыри со временем обрастали огромными земельными владениями и погрязали в мирских заботах. В рядовых монастырях нередко процветали даже пороки. Нил Сорский — один из авторитетнейших старцев своего времени, к советам которого обращались и князья, и крупные церковные деятели, настаивал на добровольном отказе иноков от всякой собственности («нестяжании») и полном сосредоточении на нравственном самосовершенствовании.

Будучи выходцем из высших слоев московской служилой знати (его брат Андрей Майков был известным дипломатом при дворе русского государя) и получив в юности прекрасное образование, он в возрасте 25 лет приняв постриг с именем Нил в Кирилло-Белозерском монастыре, выбрав себе в учителя знаменитого старца, блаженного Паисия (крестного будущего государя Василия III). После путешествия на Афон Нил открывает скит на реке Сора (Нилова пустынь). Оба старца (и Паисий, и Нил) активно отстаивали на соборах 1490 и 1503 гг. принципы «нестяжательства» и высказывались против казни еретиков, монастырского владения собственностью, но потерпели поражение от Иосифа Волоцкого и его последователей¹.

Нил Сорский в русском монашестве занимает особое место. Если школа самого Сергия Радонежского имела устную или «бытийственную» традицию, то Нил был первым в Московской Руси, соединившим в своем лице великого подвижника, проповедника и философа — мыслителя, который обобщил опыт отечественного монастырского воспитания. Составленный Нилом Сорским «Устав о скитской жизни» дает нам достаточно полное представление о его понимании пути духовного восхождения человека.

Основным методом духовно-нравственного воспитания он считал многократную молитву, соединяющую ученика-послушника с источником нравственного просвещения — Богом. Молитва, по его мнению, необходима для того, чтобы «блести сердце». Тот, кто овладел этим умением, восходит на первую ступень «лестницы» духовного совершенствования.

Вторая ступень восхождения заключается в овладении иноком умением управлять своими страстями и в многократных упражнениях, в духовной работе по очищению и возвышению души к источнику истины и любви — Богу. В основной перечень упражнений им включалось: чтение духовных книг, рукоделие, пение псалмов, занятия из послушания, всенощное стояние и др.

Третья ступень — овладение искусством «ум блести в сердце», что достигалось средствами непрерывной безмолвной молитвы. Ученик-послушник должен был уметь соединить умственную образованность с духовно-нравственной воспитанностью — «собрать ум в сердце». Эта ступень образования называлась Нилом Сорским «высшим чином делания духовного».

От Сергия Радонежского и до Нила Сорского в русских православных обителях следовали правилам духовного совершенствования, поднимаясь по ступеням этой «лестницы» под руководством свободно выбранных ими учителей-наставников. Канонизация Нила Сорского произошла лишь в XVIII в.

Нил Сорский оставил ценные в историко-педагогическом плане сочинения и письма, извлечения из которых приводятся в антологии.

Преподобного и богоносного отца нашего игумена
НИЛА СОРСКОГО, основателя скитского жития,
поучения своим ученикам, захотевшим вместе
с ним жить в пустыне, выбранные из священного писания
и содержащие все, что необходимо²

...Содействием Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа и с помощью Его Пречистой Матери написал я это для себя и своих в Боге живущих собратий, которые суть мои единомышленники. Именно так, а не учениками, называю я их.

Один у нас учитель — Господь и Иисус Христос, Сын Божий, Который дал нам Божественное Писание и наставил святых апостолов и святых отцов, а также весь человеческий род ко спасению. Все они сами содеяли добро и, исполнив, учили других. Я же ни единой не совершил добродетели, а только сказую Божественное Писание тем, которые его принимают и желают спастись...

Цель и суть писания сего состоит в том, чтобы показать, как иноку, который действительно в наше время хочет спастись, подобает совершать свое аскетическое делание, согласуя внутренние и внешние свои упражнения со Священным Писанием и житием святых отцов.

Если мы будем так действовать, то достигнем вечной жизни в Иисусе Христе, Ему же подобает всякая слава со Отцем и Святым Духом ныне и присно и во веки веков! Аминь.

...Многие св. отцы свидетельствуют о том, что хранение сердца и ума полезно тому, кто по благодати Божией желает быть духовно воспитан. Во-первых, мы знаем слова Самого Господа, Который сказал: Из сердца исходят злые помыслы... и это оскверняет человека (Мф. 15, 18). Он учил, что нужно очищать внутреннее сосуда (Мф. 23, 26) и что поклоняться Господу следует в Духе и истине (Ин. 4, 24). О том же говорил и апостол: «Когда я молюсь языком, то хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода... стану молиться духом, буду петь и умом» (1 Кор. 14, 14). Так сказал апостол о духовной молитве, и еще сильнее сказал: «Я хочу лучше пять слов сказать умом, нежели десять тысяч языком» (1 Кор. 14, 19). Св. Агафон замечает: «Внешнее делание подобно листу, внутреннее, то есть духовное, подобно плоду». И далее у него же находим устрашающие слова: «Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (Мф. 3, 10; Лк. 3, 9). И еще сказали отцы: «Кто только устами молится, а об уме забывает, тот молится в воздух, в то время как Бог обращает внимание на ум».

В прежние времена сохраняли свой ум в чистоте, получали благодать и достигали бесстрастия и чистоты душевной не только те из святых отцов, которые жили в уединенных местах и далеких пустынях, но также и те, кто проживал в монастырях, расположенных недалеко от городов или даже в переполненных людью городах. Так, например, Симеон Новый Богослов и его старец Симеон, подвизавшиеся в Студийском монастыре, как светила сияли духовными дарованиями посреди многолюдного Константинополя. Подобен им и Никита Стифат, и многие другие. Поэтому и св. Григорий Синаит учил трезвению и молчанию, которое заключается в хранении ума, не только отшельников и в уединении живущих, но и тех, кто подвизался в общежитии...³

Многоразлична борьба с помышлениями, которые побеждают или бывают побеждены, сказали отцы. Сперва появляется «прилог», затем «сочетание», потом «сложение», затем «пленение» и, наконец, «страсть».

«Прилог» есть простое искушение, которое, как картина, возникает, проникает в сердце и являет себя разуму.

«Сочетание», как говорят, есть принятие, со страстью или без страсти, искушения от врага, который здесь же тайно присутствует, иными словами — собеседование с ним; в этом случае мы

не отталкиваем помысла и позволяем ему входить в наше сознание и обсуждаться. И это, говорят, уже грех.

«Сложение», говорят, есть греховное сочувствие души появляющемуся искушению или его картине; при этом кто принимает исходящие от врага искушения или картины, тот занимает свои мысли ими и начинает мало-помалу склоняться к предлагаемому искушению.

«Пленение» — это когда помысл невольно и принудительно овладевает нашим сердцем, водворяется в нем и разрушает наше доброе устройство.

«Страсть», как говорят, есть то, когда грех становится нашим обычаем. Большей частью происходит это оттого, что мы дерзко обращаемся со многими людьми, следуем собственной воле в са-

В *Какое простое и одновременно загадочное определение духовного воспитания! Оказывается, это всего-навсего хранение сердца и ума в чистоте своих помыслов. И тогда в результате ученик достигает «бесстрастия и чистоты душевной», что является единственно надежным щитом для духовно воспитанного человека, защищающим его от суеты прожизнания даже «в переполненных людьми городах». Не агрессия, не магия, не заговор, а только душевная чистота.*

Опыт монашеского подвига показывает, что это безумно трудно даже в келье. Что же тогда говорить о массовой школе? Или она не должна себе ставить задачу духовного воспитания вообще? Проблема в критериях. Впрочем, Нил Сорский дал эти критерии и дал точную психологическую картину того, как мысль овладевает волей. Совершенные подавляют греховные помыслы и страсти в зародыше, преуспевшие противо-

мом плохом смысле. Страсть подлежит или покаянию, или вечной муке. Надо каяться и молиться, чтобы освободиться от всякой страсти. Ибо всякая страсть подлежит вечному мучению не за то, что подверглись брани от нее, но за нераскаянность...

Многоразличны, говорят отцы, виды нашей борьбы, с помощью которой мы одерживаем победу над коварными искушениями (лукавыми помыслами), соответственно силам сражающихся; мы разумеем молитву на помыслы, пререкание им и, наконец, уничтожение и отгнание. Уничтожать, подавлять и отрывать помыслы могут совершеннейшие, противостоять, противуотвещать — преуспевшие. Новоначальным же и немошным надлежит молиться против них и лукавые помыслы переводить на добрые. Имея это в виду, св. Исаак Сирий говорит, что добродетели крадут у нас страсти.

Есть, однако, восемь главнейших страстных помыслов (искушений), говорят отцы, из которых все другие рождаются: чревообъядение, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость...

Если кто, молясь и размышляя о смерти и Суде, по благодати Божией обрящет слезы, то причисляется ему плакать в той мере, в которой он имеет для этого возможность и силу. Плач, говорят отцы, избавит его от

стоят им и борются с ними, нам же — «новоначальным и немощным» — надлежит «лукавые помыслы переводить на добрые». То есть отвлекать наши ум и чувства на добрые дела! На творческие дела. И тогда понятно, что такое «трезвление и молчание». Это вовсе не высокомерие и немота, а умение отслеживать и останавливать поток дурных и суетливых мыслей. Есть два положительных состояния ума: ум молчит, когда поет сердце; ум занят творческой проблемой, имеющей нравственный характер.

Афоризм Исаака Сирина «Добродетели крадут у нас страсти» надо было бы повесить в каждой учительской.

вечного огня и прочих будущих мучений.

Те, которые дара слез не получили, могут его приобрести, созерцая таинства Домостроительства Господня и Его человеколюбие или читая жития святых и рассказы об их подвигах и учении; отчасти от упражнения в Иисусовой молитве («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного». — В.П.) или других молитвах, которые составили святые, а также через некоторые церковные песнопения, каноны и тропари. Все это приводит в состояние умиления.

Другие, постоянно вспоминающие свои грехи, получают дар слез через размышление о смерти и Суде или через желание будущего блаженства, а также через некоторые другие образы. И кто каким образом приобретет дар слез, тому надлежит о том размышлять и так оставаться до тех пор, пока слезы продолжают. Отцы сказали: «Кто хочет избегать грехов, избегает их посредством слез; кто хочет предотвра-

тить их, достигает этого через слезы».

В том-то и состоит путь покаяния, приносящий плоды, чтобы мы каждому нападению, которое нас постигает, и каждой вражеской мысли противопоставляли, по благодати Божией, слезы и признавали себя виновными. Такое слезное покаяние непременно нам поможет; благодать снисходит, когда мы сердечно молимся. Симеон Новый Богослов сказал: добродетели суть воины, умиление же и слезы есть царь действующей армии. Ибо они, сказал он, вооружают к сражению, созидают армию и укрепляют ее, помогают нам противостать врагу и охраняя подвижников от его нападений. Для нас, начинающих и неопытных, нет другого средства, кроме слез.

Если в нас этот дар благодатию Божией умножается, то наступает облегчение в борьбе, искушения немеют; ум насыщается и увеселяется молитвою, и из глубины сердца истекает неизреченная сладость, охватывая все тело и все его члены, преобразуя страдания в сладость. Таково утешение, происходящее от слез, сказал св. Исаак Сирин.

И вот человек достигает такой радости, какую он не может получить в этой земной жизни; и никто не знает радости, кроме тех, которые отдают себя силе плача...

Если мы удостоимся благодатию Божией дара слез и молитвы в чистоте и плаче, то нам надлежит всеми возможными способа-

ми сохранять себя от духа гнева и других искушений. В такой готовности мы должны находиться всегда...

Эти добрые и чудные дела (чистую молитву, слезы, умиление) подобает творить с рассуждением, в благоприятное время и в надлежащую меру. Прежде всего подобает нам предуготовить себя молитвою, да пребудем в делах добрых, будучи сохраняемыми благодатию Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и благодаря предстательству нашей Госпожи Богородицы и всех святых, которые просияли в подвигах добродетели.

Совершая дела, угодные Богу, как-то: пение, и молитву, чтение и поучение о духовных вещах, работу и монастырское служение, будем всеми силами обращаться к Богу, воссылая из глубины души хвалу Отцу и Сыну и Святому Духу, Единому Богу во Святой Троице, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

МАКСИМ ГРЕК (ок. 1470—1556)

Принадлежал к знатному византийскому роду Триволис, который находился в дружеских отношениях с царственным домом Палеологов. После падения Византийской империи в 1453 г. именно Италия стала прибежищем и средоточием греческой образованности. Михаил Триволис, будущий русский подвижник, провел в Италии 10 лет, став ученым-энциклопедистом, как того требовала сама эпоха Возрождения. Во Флоренции он был знаком с философами Марсилио Фичино и Анджело Полициано, увлечен проповедями Савонаролы, учился у прославленного гуманиста Иоанна Ласкариса. В 1498 г. поселился в Мирандоле, где обучал греческому языку будущего знаменитого философа Возрождения Джованни Пико дела Мирандола, пытался принять постриг в доминиканском монастыре Сан-Марко, настоятелем которого некогда был Савонарола.

Пробыв два года в католическом монастыре, Михаил покидает Италию и прибывает на Афон, где в 1505 г. становится иноком Ватопедского монастыря с именем Максим. В 1518 г. по просьбе московского царя Василия III константинопольский патриарх отправляет его на Русь как искуснейшего толкователя и переводчика Священного писания. С большими почестями гостя определяют на служение в кремлевском Чудовом монастыре.

Литературное наследие Максима Грека насчитывает более 300 сочинений, включая переводы Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Симеона Метафраста, византийской энциклопедии «Лексикон Свиды» и др. Он автор многих оригинальных публицистических, богословских, философских произведений, среди которых имеются труды с отчетливо выраженным педагогическим содержанием — «Слово отвечающее о книжном исправлении», «Толкование именам по алфавиту», «Слово на латинян» и др.

Являясь по сути своей проповедником, он в своей келье в Чудовом монастыре создал просветительский кружок, где обсуждались проблемы содержания образования православного человека, проблема свободы воли («самовластный дар»), вопросы русской грамматики и перевода. Влияние Максима Грека на книжную культуру Руси, на русских книжников того времени огромно. В келье ученого афонца собирались образованные и влиятельные при дворе лица. Среди них князь-инок, «нестяжатель» Вассиан Патрикеев, князя Петр Шуйский и Андрей Холмский, бояре Иван Тучков, Василий Сабуров, Федор Карпов, Иван Берсень-Беклемишев,

Федор Ртищев, открывший позже первое просветительное заведение в Москве на Андреевском подворье, что на Воробьевых горах. Почитателем ученого грека являлся А.М.Курбский, известный критик деятельности Ивана Грозного. Максим Грек высказал мысль, что «царь велика и преславна» должен воспитываться и обучаться у лучших мыслителей-учителей своего времени, подобно тому, как Александр Македонский обучался у великого Аристотеля.

После смены митрополита на ученого старца начинаются гонения. В 1525 г. он был привлечен к следствию по политическому делу Берсеня-Беклемишева (того обвинили в заговоре против царя), а потом и к церковному суду за «еретические выражения» в переведенных им текстах. Максима Грека ссылают в Иосифо-Волоколамский монастырь на одиночное сидение в тесной, сырой и смрадной келье, без права читать и писать, с оковами на ногах, с отлучением от принятия Святых Тайн. В 1531 г. Максим вновь привлекается к суду, на этот раз по делу «нестяжателей». Их идеолог Вассиан Патрикеев вскорости погибает в подвалах того же монастыря, а старца переводят в Тверь, в Отрочь монастырь. Оковы с него снимают, разрешают читать и писать, но это все равно одиночное заключение без допущения к Святому Причастию. С этого времени Максим начал составлять сборник своих сочинений. Лишь в конце 40-х годов по приказу Ивана IV он был переведен в Троице-Сергиеву лавру. Максим Грек участвовал в подготовке рукописей первых книг на славянском языке, напечатанных в начале 60-х годов Иваном Федоровым. Почитание преподобного старца началось вскоре после его смерти, но канонизирован он только в 1988 г.

«Повесть о совершенной иноческой жизни», включенная в антологию, построена в ключе сравнительного анализа западноевропейских и русских монастырей. Максим Грек высказывает критическое отношение к характеру западноевропейской образованности и являет себя убежденным сторонником просветительского направления православного Востока, дела Сергея Радонежского в области просвещения, воспитания и самосовершенствования человека. Для него первичным является не обучение и передача учителем огромного объема информации, «прельщающее... многознанием эллинских наук», а духовно-нравственное воспитание людей в Свете Христовом, поскольку, замечает он, «знание делает гордым, а любовь назидает». Лучшей формой образования человека, ориентированного на учительскую

деятельность, является общежительный монастырь, а не школы и университеты Западной Европы.

В «Повести...» Максима Грека высказана забота о том, чтобы усовершенствовать в Московской Руси общежительные монастыри как традиционные образовательные центры. В этом плане, по его мнению, хороши и западноевропейский опыт, особенно по организации подготовки игуменов к руководству воспитанием и образованием монахов, добродетельных и человеколюбивых пастырей народа.

Повесть о совершенной иноческой жизни⁴

Приступая к написанию некоей страшной повести, прошу читающих сочинение это не подумать обо мне, что я лгу о небылом. В свидетели им предлагаю самого Бога, который знает тайное, что я об истинном пишу, что сам не только видел и прочел, но и слышал от мужей правдивых, то есть добродетельной жизнью и мудростью многих украшенных, у которых я, будучи еще очень юным, прожил долгие года. Пусть же у читателей сомнения не вызывает и то, что у людей, латинские учения любящих, свершилось такое славное чудо по воле хотящего, чтобы

В *Никак невозможно не отреагировать на эту фразу. Богословие, влияющее на благочестие граждан, и «священная философия» — превосходная наука», обустроивающая ум, настолько ценились, что обучение им в университетах XV—XVI вв. было бесплатное для всех и равно почетное как для детей простых людей, так и для детей боярского, княжеского или царского рода. Жалованье профессорам — и немалое — платила царская казна. Итак, в средние века ценилось образование, в наше время — наличие диплома. Потому ни благочестия, ни таланта не видим мы в наших специалистах, но лишь разрозненные знания, не служащие ни уму, ни сердцу.*

«все люди спаслись и достигли познания истины». Ибо в обычае божеской благодати везде всем людям распространять неизреченные дары и блага от своих щедрот, являя себя таким образом всем вместе в поднебесной и обращая к себе творение свое, так как Бог «повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных». Но об этом достаточно, теперь же время начать повесть.

Париж — город славный и многолюдный в Галлии, которая ныне называется Францией — держава великая, и славная, и богатая бесчисленными благами, а из них первое и лучшее — забота и усердие относительно философских и богословских догматов, даром преподающихся всем, стремящимся к таким превосходным наукам. Ибо преподавателям этих наук плата значительная выдается ежегодно из царской казны, так как тамошний царь имеет великую ревность и заботу

о словесных науках. Там преподаются всякие науки не только по части нашего благочестивого богословия и священной философии, но и о внешней мудрости всяческие науки, которые доводят ревнителей своих до совершенного познания, а этих ревнителей там великое множество, как я слышал от некоторых. Ибо со всех западных стран и северных собираются в упомянутый великий город Париж одержимые стремлением к словесным наукам не только дети простых людей, но и родственники достигших царского престола или боярского и княжеского сана: у одних там сыновья, у других братья, у иных же внуки и прочая родня. Каждый из них, достаточное время пробыв в учении прилежном, возвращается в свою страну, исполненный всякой премудрости и разума. И он служит украшением и предметом похвалы для своего отечества, для которого он становится советником прекрасным, и руководителем опытным, и помощником рьяным во всем, в чем потребность будет. Такими должны быть и становиться для своего отечества те, которые у нас благородством и обилием богатства весьма славятся и которые, священным учением словесных наук наставляемые и просвещаемые, смогут не только свои собственные непохвальные страсти одолеть, и о внешнем женоподобном украшении не заботиться, и свободными от сребролюбия и всякого лихоимства себя сохранять, но еще и других заставят подражать себе, любить всякую богоугодную жизнь. Но об этом достаточно.

Итак, в знаменитом городе том был некий муж, искушенный во всякой премудрости внешней, и нашего священного богословия учитель великий и первый из числа бывших там наставников, а имени его я не узнал и не слышал его никогда ни от кого. Этот-то столь удивительный и знаменитый муж, объясняя, по обыкновению своему, своим ученикам богословские изречения блаженного апостола Павла, возгордился в мыслях по причине имевшихся у него многогранных познаний, и вырвалось, говоря словами Писания, «велеречие из уст» его, и он сказал, не утрачившись: «Это богословское изречение даже сам Павел не мог постигнуть и объяснить, как это сделал я». О, какое это безумное велеречие, и дерзость, и многолетнее неразумие! Как не понял он спасительного завета Спасителя, гласящего: «Ученик не выше учителя своего»; и еще: «Довольно для ученика, чтобы он был как учитель его»? Но если он и забыл этот завет Владыки, то Божий суд, который всегда гордым противится, не замедлил, но тотчас его настиг, и мертвым его тут же сделал, и безгласным сотворил бывшего прежде громогласным и хвастливым; и вот он уже мертв и безгласен на учительском своем месте. Оказавшиеся же тогда там многочисленные его ученики, ужасом и страхом охваченные из-за случившегося по воле ничем не подкупного Судии, сняв умершего оттуда и положив в гроб, в церковь его отнесли и совершили положенное над умершими обычное пение. Но, о страшный рассказ: мертвый ожил и, сев в гробе, восклик-

нул: «Я поставлен пред Судией». И, сказав это, опять мертвым опустился без дыхания и без гласа. В то время, как присутствующие были в ужасе от того, что они увидели и услышали, и «Господи, помилуй» долго с великим страхом взывали, вновь мертвый, ожив, сказал: «Я испытан был». И вновь мертвый опустился в гроб, и вновь еще больший страх объял присутствующих, великий ужас, и «с погребением не будем спешить, — говорят они, — услышим, чем кончится необычное это явление». Вновь умерший ожил и последний звук издал, сказав: «Я осужден». И больше уже не оживал и не говорил. Таков был конец знаменитого этого наставника, и таково было возмездие за безумное превозношение того, кто ослушался божественного проповедника, говорящего: «Но знание делает гордым, а любовь назидает».

С тех пор ученики его, многие числом, и благородные и богатые юноши, презрев преходящие красоты суетной этой жизни, и усердие излишнее в науках, и славу суетную от этих наук, — все это презрев и отвергнув, отреклись дружно от всех житейских забот, и, свои богатства и имени нищим и нуждающимся раздав, согласно евангельской заповеди, устремились единодушно в отдаленное место, и там монастырь устроили себе, и, малую часть богатств монастырю отделив на пропитание себе, иноческое житие возлюбили, новое правило и порядок⁵, не для всякого легко выполнимые, такие себе установили: каждый обязан жить один в своей келье, не выходя наружу и ни с кем не беседуя, возлюбив совершенное молчание не только у себя, но и во время установленных в церкви собраний, а эти собрания с великой кротостью и в молчании посвящать Богу и ни о чем житейском ни в коем случае не говорить между собой; есть же каждый должен в своей келье то, что приносится ему общим слугой, причем этот слуга не через дверь входит к иноку, — что запрещено было строго, — но подает через окно, устроенное возле двери, положенную пищу, не ту, какую бы кто пожелал, но какую настоятель их указал строителю обители; а собираться в трапезную они должны каждое воскресенье и по всем большим праздникам. За каждой кельей был у них маленький садик на малую им утеху, и колодец маленький под самым окном, и ковш медный, а в кельях у них не найдешь ничего другого, кроме нескольких книг и рубища, которое они носят на себе. Где у них особая какая-нибудь вкусная пища, или напиток, или какие-нибудь овощи, или что-нибудь другое, услаждающее гортань? Где у них накопление серебра и золота? Где у них празднословие, или сквернословие, или смех несвоевременный и бесчинный? О пьянстве же и избытке вкусной еды даже и не слышно у них; сребролюбие же, и лихоимство, и ростовничество, и лукавство почиталось у них мерзким и проклятым; одежда была у них власяная и вся белая, обозначающая чистоту их жизни и существования; а ложь, и ослушание, и пререкание исчезли у них окончательно. Где у них отвержение обетов, которые они дали Богу, когда постригались? Ничего это-

го не найдешь, даже много потрудившись. Но и других обителей, как это бывает из-за переходов частых, они не знают, — не как мы переходим бесчинно вопреки обетам нашим из обители нашей в другую, по легкомыслию ума нашего, нарушая указания Бога и Спасителя нашего, повелевающего нам в Своем Евангелии: «В какой дом войдете, там оставайтесь, пока не выйдете, а не переходите из дома в дом». Что на это мы ответим страшному и неподкупному Судье? Ибо он так говорит непреложно: «Всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному», и прочее, что известно всякому. Нет у нас ответа, и мы будем признаны Им безрассудными как безумно престающие святыя заповеди Его.

Услышим и о другом их порядке, весьма угодном Богу и спасительном для возлюбивших иноческую жизнь. Усмотрели они премудро, что по причине редкости избравших ангелоподобную иноческую жизнь и вследствие краткости человеческого существования имеющиеся всюду в стране их честные обители, — одни переполнены иноками, и священниками, и дьяконами, а в других, напротив, настоятели и наставники монашеских орденов терпят недостаток в них. Ибо у латинян существуют различные монашеские ордены, а не один, как у нас⁶. Настоятель каждого ордена, которого называют генералом, повелевает в такой-то город собраться всем игуменам и начальникам из всех монастырей для рассматривания и исправления того, что содействует спасению и существованию иноков и их монастырей. И по повелению его собираются все без оговорок в тот город, какой он назначит. И все они люди сведущие во всякой философии и в смысле боговдохновенных писаний, иногда их тысяча, а иногда и больше тысячи, и всех их кормит город, в который они собираются, пока они живут в нем. В этом городе во все дни собираясь вместе, они рассматривают по Божьей воле порядок в монастырях, их богоугодное устройство и если узнают, что в какой-либо обители имеется недостаток в священниках, и дьяконах, и в простых иноках, то, взяв из другой многолюдной обители, посылают их туда с соборным посланием. И ни та обитель, из которой они взяты, не скорбит и не противится, ни та, куда они посланы, не ослушивается соборного постановления, но обе с большой радостью и послушанием повинуются соборному постановлению: одна обитель отпускает братию с миром, а другая принимает с великой братской любовью как свои члены. И таким образом оказываются они исполнителями священных слов: «Странник я и пришелец, как и все отцы мои». Таково их совершенное братолюбие и покорность настоятелям своим. Нет у них ничего своего, но все общее, нестяжательство они любят как великое благо духовное, ибо оно сохраняет их в спокойствии и во всякой правде, и в твердости помыслов, и вдали от всякого сребролюбия и лихоимства.

Таким же образом собор их рассматривает и исправляет и то, что касается игуменов монастырей. И если о каких из них узна-

ют, что они бесчинно и не по установленному порядку и правилу управляют братией, таких смещают, и епитимию заслуженную на них налагают, и, других избрав на их место, посылают с грамотами от собора в порученные им монастыри. Все это и подобное этому правильно и богоугодно сообщая рассмотрев и упорядочив, они расходятся, и каждый спешит в свою обитель. Избранный же собором генерал, что значит по-русски соборный наставник и надзиратель, все без исключения честные обители своего ордена постоянно объезжает, проверяя игуменов монастырей, как каждый из них управляет братьями и монастырскими делами, и если он делает это благочинно и как угодно Господу — похвала такому от генерала и утверждение, если же игумен не таков — сместив его, генерал налагает на него епитимию и другого на его место ставит. Таким способом неизбежно укрепляются их честные обители во всяком благочинии и благоговении иноческом, в союзе священной любви содержась и утверждаясь. Так следовало бы и нам, православным, устраивать в отношении нас, иноков, и чтобы соборами богоносных отцов избирались игумены священных монастырей, а не так, чтобы дарами серебра и золота, даваемыми народным писарям, игуменские места достигались желающими, из числа которых многие совсем не обучены предметам божественным и ведут бесчинную жизнь, упражняясь всегда сами в пьянстве и во всяком чревоугодии, а находящиеся под их управлением братья, лишенные заботы об их телесных потребностях и в небрежении духовном, скитаются по бездорожью, как овцы, не имеющие пастыря⁷. Увы, увy, пощади, Господи, пощади!

Если же некоторые, самолюбием и славолубием ослепляемые, спросят: как и чем они питаются, любя совершенное нестяжательство, — я и это покажу им, ибо они сами добровольно закрывают глаза перед евангельской истиной, самолюбием и славолубием побеждаемые. Не слышали ли вы, добрейшие, спасителя нашего Иисуса Христа, говорящего священным ученикам своим: «Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Ищите же прежде царства Божия и правды его, и это все приложится вам». Эту спасительную заповедь Владыки и поучение соблюдающая, они не пекутся о том, как приобрести в изобилии имения и богатства, и стада разного скота или большие земные сокровища, золото и серебро. Одно у них в изобилии богатство и сокровище неистощимое — прилежнейшее хранение и исполнение всех евангельских заповедей, посредством которого скоро и удобно достигается ими самая главная добродетель — любовь к Богу и ближнему своему, ради чего они день и ночь трудятся в изучении святых писаний, просвещаемые которыми они более и более разжигают в себе угли божественных желаний, движимые и руководимые которыми, они не могут умалчивать спасительное и учительное слово во славу Божию и поучают непрестанно в церкви людей Господних,

доказывая всякому человеку неизмеримое человеколюбие и благость Господню к тем, которые живут, как угодно Богу, своего спасения страхом Божиим достигают; также возвещают и нестерпимый его гнев и ярость против непрестанно вызывающих гнев неизреченного его долготерпения всякими беззакониями, и неправдами, и постыдными делами. Так непрестанно посвящая себя служению людям и как чадолюбивые отцы заботясь непрестанно о спасении многих, они у всех находятся в чести и всеми любимы, и потому все с великой благодарностью и с добрым расположением предлагают им ежедневно пищу и прочее, что для жизни необходимо.

Но следует мне рассказать вам и о способе подаяния: ибо он служит свидетельством немалого смирения. Каждый день настоятель обители отпускает двух монахов, у каждого из которых сумка льняная, на левом плече висящая, и они, войдя в город, обходят дома, находящиеся на одной улице, и просят Господа ради хлеба на братию, и, наполнив сумки чистым пшеничным хлебом, возвращаются в обитель свою. Таким способом они каждый день добывают себе пищу на день, переменяя городские улицы⁸. Но кто и каковы эти просители? Это бывшие прежде благородные и богатейшие люди, которые, подражая Господней нишете, добровольно делаются нищими и не стыдятся послужить нуждам своей обители, без ропота и раздумий. А кто, услышав о смирении игуменов их и благочинии во время обеда, не ужаснется? Не увидишь у них в руке жезла — ни внутри монастыря, ни вне его, ни во время божественного пения; не видно и чтобы они лучшими, чем другие братья, одеждами украшались. Войдя же в трапезную и прочитав предварительно «Отче наш», как и у нас принято, садут они по порядку тихо и со всяким благочинием, а хлеб уже положен у них на посередине стола, как у нас принято, но напрогив каждого на краю стола — каждому из них целый калач, и рядом нож, и ложка, и чарка пустая. И никто не смеет прежде игумена взять себе свой хлеб или, разрезав его, попробовать. Тогда два юных инока входят, и каждый из них несет на тонкой дощечке приготовленное для братии кушанье в чашках оловянных, и, начав с последних, протягивают инокам эти дощечки с чашками, и каждый своей рукой берет чашку, а после всех уже и игумен берет чашку. Но еще не смеют они коснуться хлеба, пока назначенный инок не начнет читать положенное чтение. Когда же он начнет, то игумен ударяет трижды в висящий перед ним колокольчик. Тогда сам настоятель берет положенный перед ним калач, также и остальные. Когда они едят, входит виночерпий и, начав с последнего, наполняет также вином по порядку чарки их. И если другое какое кушанье будет принесено, и его прислуживающий предлагает, начиная с последних вплоть до игумена. После еды они встают и начинают петь благодарственные молитвы, и с пением выходят из трапезной попарно и благочинно и, войдя в церковь, здесь заканчивают благодарственные песни.

NB Сразу видно, что Максим Грек не был прямым учеником Сергия Радонежского. Он описывает доносительство и телесные наказания как положительный пример монастырского воспитания. Трудно себе представить такое в Троице-Сергиевом или Кирилло-Белозерском монастырях. Разница между авторитарной педагогикой и педагогикой любви, что зиждется на собственном примере учителя, на вере в его благодатное воздействие и на доверии учителя к своим ученикам, здесь проступает с явной силой и убедительностью. Когда же собственный пример учителя не срабатывает, тогда от других приходится требовать выполнения благочестия только с помощью «палочной» дисциплины или осуждения и отлучения. Приводит же это только к протесту, бунту или восстанию, что мы неоднократно в истории и наблюдали.

плечо обнажить. И когда они повеление исполняют, один из иноков, по приказанию игумена, держа в правой руке очищенные прутья, в виде веника, ходит и по очереди бьет их по обнаженному плечу, причем те читают пятидесятый псалом. После этого бывают отпущены с благословением в свои кельи.

Узнав, каким образом и откуда подается им ежедневно хлеб, услышим теперь и то, откуда получают они и остальную необходимую пищу по промыслу Божьему. Жители городов по причине великого своего к ним благоговения и любви из-за богоугодного существования и жизни этих монахов присылают им — кто бочку вина, кто рыбы, а кто сыр и яйца. Иной кто-нибудь, в несчастье каком-нибудь или беде находящийся, приносит им пищу, прося игумена, чтобы тот велел находящимся под его управлением братьям помолиться Господу о нем, чтобы его избавил Господь от ожидаемой им скорби. И во время обеда игумен говорит во всеуслышание: «Тот, кто сегодня кормил нас, умоляет вас по-

Услышим и о другом их богоугодном и спасительном установлении, которое они придумали для полного искоренения всяких дурных и плохих своих привычек. Приказание дается игуменом имеющимся в обители священникам и дьяконам наблюдать друг за другом в течение всей недели, когда и в чем кто согрешит словом или другим каким-нибудь бесчинием, и о таком прегрешении извещать игумена. Вечером же каждую субботу после мессии собирает игумен всех в назначенном для этого помешении. И когда все соберутся, то сперва игумен читает поучение духовное послушникам и прочим простым братьям и, поучив их достаточно, отпускает каждого в его келью, где тот пребывает в молчании великом и безмолвии. Оставшимся же при нем священникам и дьяконам, когда они также будут достаточно им наставлены, игумен повелевает, чтобы каждый из них открыл ему, кого в чем он видел согрешившим: или словом, или неприличным смехом, или гневом, или другим каким-нибудь подобным прегрешением. И когда они открывают ему, в чем кто согрешил в течение всей недели, такой епитимией он исправляет их: повелевает им опуститься на землю на колени и правое

молиться Богу, чтобы его избавил Господь от несчастья и печали, которую он ожидает. Помолитесь же о нем прилежно, каждый в келье своей!» Так благодаря преподобным молитвам их избавившись от печали, которую он ожидал, человек опять в изобилии дает им все необходимое.

В доброте своей и премудрости обещал священным своим ученикам человеколюбивый Господь, сказав: «Ищите прежде царства Божия и правды его, и это все приложится вам». Поэтому и они, поскольку они царство Божие, то есть спасение свое и ближних своих, прилежно и богоугодно ищут поучениями различными и частыми из божественных Писаний, себя и слушающих их спасают, достойно и праведно, в свою очередь, человеколюбивый Бог спасающимся дает в изобилии все необходимое для жизни, содействующим ему в спасении многих, а это спасение он «царством Божиим» иносказательно называет. Если даны Ему Отцом живущие везде народы в «наследие и владение пределы земли», как написано во втором псалме; и в другом псалме: «Возцарился Бог над народами», — как бы Он иначе царствовал, если не посредством веры в Него и обращения к Нему? Ибо как создатель и попечитель всех царствует Он всегда; получает же царство от Отца и как человек, как Сам говорит о Себе во втором псалме: «Я поставлен царем от Него». Итак, блаженны воистину те, которые заботятся, чтобы столь желанное Богу царство возрастало постоянно правдой Его, то есть прилежным исполнением святых Его заповедей, которые трудятся непрестанно в изучении и чтении боговдохновенных Писаний Его, которые, потаенный смысл их с усердием всяким простым людям объясняя и поучения всяческие от себя добавляя, приносят всегда, как плоды, Владыке своему души разумные, до этого уловленные от дьявола. За это они несомненно услышат от Него вот что: «Хорошо, рабы добрые и верные. В малом были вы верны, над многим поставлю вас: войдите в радость Господина своего». Сказанного здесь об этом достаточно для славы Господа нашего Иисуса Христа и для пользы, вместе и для возбуждения ревности божественной у тех, которые с благодарностью слушают повести о благочестии. Теперь же прислушаемся к некоей другой также душеполезной повести, достойной памяти, подражания, если действительно желаем угодить Господину нашему.

Флоренция — город прекраснейший и лучший из находящихся в Италии городов, которые я сам видел. В том городе есть монастырь, где живут монахи, называемые по-латински предикаторы, то есть Божьи проповедники. У храма же священной этой обители святейший апостол и евангелист Марк является покровителем и предстателем перед Господом. В этой обители игуменом был некий священноиннок по имени Иероним, латинянин по происхождению и по вере, исполненный всякой премудрости и понимания боговдохновенных Писаний и внешней науки, то есть философии, подвижник великий и обильно укра-

шенный божественной ревностью⁹. Этот игумен, движимый великим пониманием боговдохновенных Писаний, и еще более — божественной ревностью, поняв, что город Флоренция двумя богомерзкими грехами сильно порабошен, то есть богомерзким беззаконием содомитов и безбожным лихоимством и бесчеловечным ростовщицеством, божественной ревностью разжегся и пришел к следующему доброму и богоугодному решению: поучительным словом из божественных Писаний помочь городу тому и полностью истребить эти нечестия. Приняв такое решение, он начал учить в церкви людей Божьих всякими премудрыми поучениями и разъяснением книг, а в храм святого Марка-евангелиста собиралось к нему часто множество слушателей из числа благородных и первых жителей города того. Его полюбил весь город, и упрашивали его, чтобы он в самую соборную церковь пришел и стал учить их Божьему слову и закону. И он, согласившись с их решением и желанием, с усердием предпринял этот подвиг из любви к Богу. И каждое воскресенье, и во все большие праздники, и каждый день на протяжении всей святой четьырдесятницы, приходя в соборную церковь, он обращался к народу с поучительным словом с высокой кафедры, стоя по два часа, а иногда и дольше продолжалось поучение. И такое действие произвела проповедь его, что большая часть города, полюбив твердые и спасительные поучения его, отказалась совершенно от злобы и лукавства и полюбила вместо всякого блуда, и постыдных дел, и плотской нечистоты всяческое целомудрие и чистоту, а неправедный, и лихоимец, и ростовщик сделались все праведнейшими, и милостивыми, и человеколюбивыми. А некоторые из них, подражая Закхею, начальнику мытарей, упоминаемому в Евангелии, зло и неправедно собранные ими имена добровольно раздавали нуждающимся руками учителя своего. Скажу попросту, чтобы, говоря обо всех по порядку его деяниях, не наскучить читателям рассказа этого, — большая часть города превратилась из последователей великой злобы в настоящий образец достохвальной добродетели.

Об одном только поступке похвальном, совершенном одной женщиной бедной, расскажу любителям добродетели, из которого они смогут понять силу боговдохновенных поучений мужа того. Сын бедной этой вдовы, найдя на улице потерянный кошелек из камки, в котором было пятьсот золотых монет, принес его матери своей. Но она, увидев кошелек, не обрадовалась тому, что такой находкой она сможет избавиться от крайней своей нищеты, и не скрыла находки у себя, но тотчас отнесла ее священному учителю города и сказала: «Вот, преподобнейший отец и учитель, смотри: кошелек этот потерянный нашел сын мой на улице. Возьми его и, как знает преподобие твое, отыщи потерявшего кошелек и отдай ему его, чтобы не скорбел неутешно человек об этом». Учитель, подивившись правдолюбивому нраву вдовы, благословив, отпустил ее. Однажды, когда учил в церкви, он

возгласил, окончив поучение: «Если кто потерял деньги, пусть выйдет на середину и пусть скажет о количестве потерянных денег, и приметы кошелька, и день, когда он потерял деньги — и возьмет свое». Тогда предстал потерявший деньги и сказал учителю и день, и количество денег, и приметы кошелька. «Вот тебе, — сказал учитель, — твое, о юноша, а убогую эту вдову, как хочешь, утешь, ибо она избавила тебя от большой печали, которую ты испытывал». Тот, вынув сто золотых монет, отдал ей с большой радостью. Насколько более заслуживает похвалы вдова эта в сравнении с той, которая восхваляема в Евангелии за две лепты, которые она положила в дар Богу! Потому что та в принадлежавшем ей и в малом проявила свою набожность, а эта в чужом и значительном имуществе проявила свою правдивость и человеколюбие.

Мог бы я и другие некоторые подобные достопамятные следствия богоугодного учения того мужа поведать вам, но чтобы пространностью рассказа этого писания не пресытить слух ваш, добровольно опускаю их и к концу пятилетнего учения его обращаю течение словесное. Итак полгорода добрым образом, как богу угодно, исправилось благодаря ему, другая же половина не только не слушалась его и противилась его божественным поучениям, но и была враждебна к нему настолько, что они замазали человеческим калом перила, на которые он привык опираться руками, стоя и изливая людям струи поучений. Он же, подражая кротости и долготерпению ко всем Спасителя, все терпел мужественно, желая исправления многих. Поэтому он и тех, которые находятся у власти церковной, но живут не по-апостольски и о пастве спасителя Христа не пекутся, как подобает, — даже тех он не похвалял, но безбоязненно обличал прегрешения их и часто говорил: «Если бы мы жили согласно Евангелию Спасителя Христа, несомненно все иноверные народы обратились бы к Господу, видя нашу равноангельскую жизнь, и это много послужило бы нам ко спасению и наслаждению вечными благами. Теперь

В Это значит, что у слепых поводырями являются слепые!

же, живя вопреки евангельским заповедям, мы ни себя не исправляем, ни других не стараемся привести к благочестию — что другое мы надеемся услышать от праведного Судьи, кроме

этого: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство небесное человекам; сами не входите и желающих войти не допускаете». Говоря это без стеснения и еще более жесткими словами осуждая почитаемого у них папу, и состоящих при нем кардиналов, и прочих их клир, он подал повод к еще большей к нему ненависти со стороны возненавидевших изначально священные его поучения. Они называли его даже еретиком, и хулителем, и обманщиком, поскольку он отверз уста свои на священного их папу и всю церковь римскую. Дошел и до Рима такой слух о нем и сильно смутил папу и состоящий при нем клир,

так что они послали ему соборное запрещение, запрещающее ему учить людей Господних, и уподобились говорящим в «Деяниях святых апостолов»: «Но, чтобы более не разгласилось это в народе, с угрозой запретим им, чтобы не говорили об имени сем никому из людей». Таким образом они решили и так ему запретили, прибавив в соборном своем писании, что если он не прекратит впредь так поступать, то будет проклят ими как еретик. Он же не только не послушался такого беззаконного их решения, но еще более разжегся божественной ревностью и соборное их послание называл несправедливым и негодным Богу как повелевавшее ему не учить в церкви верующих. Поэтому он еще более стал обличать их беззакония, ибо, как я не без основания догадываюсь, он решил про себя и умереть за благочестие и Божию славу, если это будет необходимо. Ибо в ком возгорится огонь божественной ревности, того он не только богатства и имени, но и саму жизнь заставит презирать. И свидетель тому непреложный — Сам Господь, говорящий: «Очень желал Я есть с вами сию пасху». Это Он сказал, так как хотел принять как человек смерть во славу Бога и Отца своего и ради человеческого спасения. И сам страстный последователь и пособник Христов Павел говорит: «Имею желание разрешиться и быть со Христом»; и еще: «Ибо для меня жизнь — Христос и смерть — приобретение». Поскольку же приверженцы папы не переставали грозить ему и всяким образом отрывать его от проповеднической кафедры, а он, со своей стороны, продолжал не подчиняться им и неправды их обличать, то они решили смерти предать его, что и исполнили следующим образом: избрав некоего генерала, по имени Иоаким, рьяного в исполнении их лукавого решения, послали его, уполномочив властью папы лишить проповедника власти игуменской и, допросив его, предать его смерти через сожжение как непокорного, и противника, и клеветника апостольской римской церкви. Этот Иоаким, прибыв в город Флоренцию и показав высшему начальству города грамоты папы, вызвал проповедника в суд и подверг его мучительным пыткам. Когда тот дерзновенно отвечал на все ухищрения своего несправедливого следователя, так что судья не мог признать его виновным, свидетели лживые из числа беззаконников и не покорившихся его учению выступили против этого преподобного и невинного наставника города их, высказывая против него самые тяжкие и неправедные обвинения. На основании этих обвинений неправедные те судьи к двойной казни присудили его и еще двух священных мужей, учеников его: на виселице повесив, разожгли огонь под ней и сожгли их.

Таков был конец жизни этих трех преподобных иноков и такое получили они воздаяние за подвиги во имя благочестия от недостойнейшего их папы — Александр тогда был им, Александр, родом из Испании, который всякими неправдами и злобой превзошел всех законопреступников. Я же настолько далек

от согласия с несправедливыми теми судьями, что с радостью сравнил бы погибших иноков с древними защитниками благочестия, если бы они не были верой латинянами, ибо подобную древним мученикам горячую ревность за славу Спасителя Христа и за спасение и исправление верных усмотрел я в преподобных тех иноках, — не от другого кого-нибудь слышал, но сам их видел и на поучениях их многократно присутствовал. Не только подобную древним ревность за благочестие я усмотрел в них, но еще такую же премудрость, и разум, и искусство в боговдохновенных и внешних писаниях я усмотрел в них, и более других — в Иерониме, который по два часа, а иногда и более, стоя на кафедре учительской, обильно изливал слушателям струи учения, — не книгу держа в руках и черпая оттуда свидетельство, подтверждающие его слова, но заимствуя их из сокровищницы своей великой памяти, в которой было сокрыто всякое богомудрое понимание искусства святых Писаний.

Я это пишу не для того, чтобы показать латинскую веру чистой, совершенной и правильной во всем, — да не будет во мне такого безумия! — но чтобы показать православным, что и у неправильно мудрствующих латинян есть попечение и прилежание о евангельских спасительных заповедях и ревность за веру Спасителя Христа, хотя и не до конца осмысленные, как говорит божественный Павел-апостол о непокорных иудеях: «Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению». Так и латиняне, хотя и во многом соблазнились, к ошибочным некоторым и странным учениям обращаясь, прельщенные присущим им многознанием эллинских наук, но не окончательно отпали от веры, и надежды, и любви в Спасителя Христа, ради Которого их монахи по святым Его заповедям прилежно устраивают свою иноческую жизнь, так что их единомыслию, и братолюбиею, и нестяжательности, и безмолвию, и умиротворению, и заботе о спасении многих следует и нам подражать, чтобы не оказаться хуже их. Это я говорю относительно прилежного исполнения евангельских заповедей, ибо как их не делает совершенными прилежное исполнение заповедей Спасителя, пока они не откажутся от своих ересей, так и нас не делает совершенными одна православная вера, если не дополняем ее прилежным исполнением евангельских заповедей. Ибо сам Господь призывает к преступающим их: «Что вы зовете Меня: «Господи! Господи!» и не делаете того, что Я повелеваю вам?», то есть молитвы частые и продолжительные приносите Мне, а Мои заповеди презираете и не исполняете их на деле, как Я установил их. И в другом месте Господь говорит: «Всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному», и прочее. По этой же причине и те пять дев названы неразумными и не были впущены в небесный чертог. Также и пришедший на мысленный брачный пир не в брачной одежде, связанный по рукам и по ногам, будет изгнан и ввержен во тьму кромешную.

Также и хвалящиеся тем, что они совершили во имя Господа чудеса многие, и пророчествовали, и бесов изгнали, не будут призваны тогда праведным Судей и услышат от него: «Отойдите от Меня, делатели неправды; аминь говорю вам: не знаю вас, откуда вы». Если же они пророчествовали во имя Господа, и бесов изгоняли из людей, и многие чудеса творили, то почему Он не признает их, и отгоняет, и «делателями неправды» называет? От-

В *В этих строках Максим Грек выступает как истинный сын эпохи Возрождения, стремясь к универсальному взгляду на цели и задачи христианства. Какая разница, католик ты или православный, коли любви ко всем нуждающимся в милости и помощи не имеешь и о такой любви Бога не просишь? Ведь сказано в Евангелии: «Вера без дел мертва есть...»*

вет на вопрос этот: потому что хотя они и творили чудеса по какому-то неведомому действию Божьей силы, но, как кажется, они не имели дарованный Богом дар совершенной любви к Всевышнему и к ближним своим, с которой соединена Богом украшенная и Богом созданная милость ко всем нуждающимся в милости и помощи. Неложный свидетель этому — блаженный апостол Павел, взывающий: «И если я отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, то нет мне в том никакой пользы». Поскольку же они такую Богом украшенную и Богом созданную любовь и соединенную с

ней милость не имели, поэтому не признаются они милостивым Богом и как «делатели неправды» отгоняются им. «Ибо суд без милости не оказавшим милости», — говорит божественное слово. Не принимает в себя божественный рай скрывающих себе на земле со всяким лихоимством и бесчеловечием сокровища золота и серебра, но отгоняет их, говоря: «Вон, псы, и чародеи, и блудники, и убийцы, и идолослужители, и всякий, кто любит неправду и совершает ложь». «Блажен, кто, — как сказано, — помышляет о нищем и бедном», то есть милующий и щедро подающий ему; а оскорбляющий его, и обижающий, и угнетающий его непрестанно ежегодным требованием долгового роста — проклят от Бога, и отвержен, и в неугасимый огонь отсылается, и с ненавидящим нищих богачом сжигается на веки вечные. Богу нашему слава, и владычество, и благолепие на бесконечные века, аминь.

ОТЕЦ ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ (1882—1937)

Религиозный мыслитель и ученый-энциклопедист, священник и представитель молодой советской науки, математик, физик, инженер, разработчик плана ГОЭЛРО, искусствовед, филолог, историк и богослов. С 1912 г. настоятель домово́й церкви общины Красного Креста в Сергеевом Посаде. Последний профессор Духовной Академии при Троице-Сергиевой лавре перед ее ликвидацией в 1919 г., последний певец Троицы в своих трудах, последний, кто прикасался к мощам преподобного Сергия Радонежского при их публичном раскрытии по приказу советской власти в 1919 г. Один из немногих, кто спас их от разорения и сохранил для потомков. В 1933 г., после отказа от предложения властей бросить пасторскую службу в пользу работы в Академии наук, был арестован и сослан в Сибирь. В 1937 г. переведен в Соловецкий монастырь (территория ГУЛАГа), где осужден вторично и расстрелян.

Предлагаемый вниманию читателей текст представляет собой выступление П.Флоренского в Комиссии по охране памятников искусств и старины Троице-Сергиевой лавры в 1919 г., где он делает отчаянную попытку спасти весь комплекс лавры, показав непреходящее ее значение и роль в русской истории.

Троице-Сергиева лавра и Россия¹⁰ (отрывки)

...Если Дом Преподобного Сергия есть Лицо России, явленное мастерством высокого искусства, то основатель ее есть первообраз ее, этого образа России, первоявление России или, обращаясь к родной нашей терминологии, ЛИК ее — лик лица ее, ибо под «ликом» мы разуме́ем чистейшее явление духовной формы, освобожденное от всех наслоений и временных оболочек, ото всякой шелухи, ото всего полуживого и застоящего чистые, проработанные линии ее. В церковном сознании, не том скудном сознании, которое запечатлено в учебниках, а в соборном, через непрерывное соборование и непрерывное собирание живущем духовном самосознании народа, Дом Живоначальных Троицы всегда сознавался и сознается сердцем России, а строитель этого Дома, Преподобный Сергей Радонежский — «особым нашего Российского царствия хранителем и помощником», как сказали о нем цари Иоанн и Петр Алексеевичи в 1689 г., — особым покровителем, хранителем и вождем русского народа, — может быть, точнее было бы сказать — АНГЕЛОМ ХРАНИТЕЛЕМ России. Не в сравнительных с другими святыми размерах исто-

рического величия тут дело, а в особой творческой связанности Преподобного Сергия с душою русского народа.

...В стремлении познать и понять душу России мы не можем не собрать своей мысли на этом Ангеле земли Русской — Сергий, а ведь народная, церковная мысль об Ангелах Хранителях весьма близко подходит к философским понятиям: Платоновской идее, ...к позднему понятию идеала как сверх-эмпирической, выше-земной духовной сущности, которую подвигом художественного творчества всей жизни надлежит воплотить, делая тем из жизни — культуру.

В *Формально о.Павел Флоренский не прав. Историю России мы начинаем изучать с VII—VIII вв. — с Киевской Руси. Христианизировал Русь Киевский князь Владимир, и первый каменный храм Софии Ярослав Мудрый возводит в Киеве, и летописание начинается здесь же, и первым общежительным монастырем на Руси была Киево-Печерская лавра. И все же, все же мы чувствуем, что Флоренский не ошибается. Какую же историю он здесь имеет в виду? Историю русского — уже не славянского —*

народа, заговорившего на своем языке, вобравшего в себя не только славянские корни, но и корни (а значит, и мифологические основы) тех финноугорских и волжских народов, которые влились в новый СУПЕРЭТНОС. Сергей Радонежский через свою ШКОЛУ гармонизирует сознание русского народа, формируя его АРХЕТИПЫ, ценностные ориентации. В наших глубинах бессознательно они присутствуют и сегодня, несмотря на то, что были заложены 600 лет назад.

Вот эти архетипы:

— Осознание себя ХРИСТИАНСКИМ НАРОДОМ, отстоявшим ценой огромных жертв и лишений («Мы за ценой не постоим!») право на свою самобытность в борьбе с давним и сильным врагом, имеющим чуждую нам идеологию. С этого времени для наших предков слова «русский» и «христианин» (т.е. крестянин — несущий крест веры) стали синонимами. На Куликовом поле произошла окончательная христианизация русского этноса. И даже последние 100 лет атеизма не изменили нашей сути. Не потому ли сегодня мы, «духовной жаждою томимы», вновь припадаем к живому источнику христианских ценностей?

— СВЯТАЯ РУСЬ как НОРМАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ГОСУДАРСТВА. В этом архетипе скрыты наши притязания на духовность, на нравственность, на миссионерское делание, касается ли это религиозных

...Вглядываясь в русскую историю, в самую ткань русской культуры, мы не найдем ни одной нити, которая не приводила бы к этому первоузлу: нравственная идея, государственность, живопись, зодчество, литература, русская школа, русская наука — все эти линии русской культуры сходятся к Преподобному. В лице его русский народ сознал себя, свое культурно-историческое место, свою культурную задачу и только тогда, сознав себя, — получил историческое право на самостоятельность. Куликово поле, вдохновленное и подготовленное у Троицы, еще за год до самой развязки, было пробуждением Руси как народа исторического; Преподобным Сергием incipit historia («начата история». — *Ред.*).

пророчеств, культурных и научных достижений, спортивных успехов или преобразования космоса (помните из детства наше пионерское «Всегда готов!»?). Но в этом же архетипе скрыта и пружина трагичности нашей социальной истории, причина предъявляемых к общественной жизни со стороны народа самых строгих мерок **СПРАВЕДЛИВОСТИ**, выношенных в **ШКОЛЕ** преподобного **СЕРГИЯ**. После «закрытия школы» в XVI в. архетип этот ушел в глубину народного сознания и претворился через столетие в легенду о невидимом **ГРАДЕ КИТЕЖЕ** — русском аналоге Небесного Иерусалима. В этой легенде и радость чудесного спасения города, и надежда на собственное нравственное очищение, чтобы можно было когда-нибудь вживую увидеть этот город (у него ведь есть точный географический адрес: на берегу озера Светлояр, в лесах нижегородского края, за Волгой, — сколько паломников туда сегодня отправляется!), и обещание стать святым, чтобы оказаться его жителем. Даже наша мечта о коммунизме, то есть о справедливом обществе, — отсюда же, из этого архетипа. Вот только средства для достижения этой мечты мы позаимствовали из чуждого нам сознания — очень уж торопились попасть в рай. И русская история нам этого не простила. Мы и сегодня еще блуждаем по «подземным переходам» чуждого менталитета.

— **УЧЕНИЕ О ТРОИЦЕ**. Это не только символ христианской веры. **Сергий Радонежский** придал этому символу Вселенский масштаб, соединив в один духовный узел судьбу творения с судьбой народа и отдельного человека, соединив в настоящем миге духовного проживания его прошлое и будущее. Как в горнем мире царят **ЛЮБОВЬ И СОГЛАСИЕ**, так и на земле должно существовать согласие между государством, церковью и народным сознанием на основе **СОБОРНОСТИ**. Но это не делается по «приказу сверху», а достигается только нравственным подвигом каждого. Духовный союз **Дмитрия Донского** — представителя власти, митрополита **Алексия** — представителя церкви и **Сергия Радонежского** — выразителя народного духа обеспечил благодатное начало для рождения русского сознания. Нужно добавить еще об особой неизбывной тяге русского народа к красоте, в основе которой также лежит архетип Троицы, то есть **ГАРМОНИИ**, способствующей собиранию всех наших внутренних сил — целостного разума, доброты и творческой воли — для воплощения красоты в этом мире.

✦ Однако взгляды, какова форма того объединения всех нитей и проблем культуры, которая была воспринята Преподобным от умирающей Византии... Он прикоснулся к наиболее огнистой вершине греческого Средневековья, в которой, как в точке, были собраны все ее огненные лепестки, и от нее возжег свой дух, — этою вершиной была религиозно-метафизическая идея Византии, особенно ярко разгоревшаяся вновь во времена Преподобного".

...Чтитель Пресвятой Троицы, Преподобный **Сергий** строит Троицкий храм, видя в нем призыв к единству земли Русской, во имя высшей реальности. Строит храм Пресвятой Троицы, «чтобы постоянным взиранием на него, — по выражению жизнеописания Преподобного **Сергия**, — побеждать страх пред ненавистною раздельностью мира». Троица называется Живоначальной,

то есть началом, истоком и родником жизни, как единосущная и нераздельная, ибо единство в любви есть жизнь и начало жизни, вражда же, раздоры и разделения разрушают, губят и приводят к смерти. Смертоносной раздельности противостоит живоначалное единство, неустанно осуществляемое духовным подвигом любви и взаимного понимания. По творческому замыслу основателя Троицкий храм, гениально им, можно сказать, открытый, есть прототип собирания Руси в духовной единстве, в братской любви.

Он должен быть центром культурного объединения Руси, в котором находят себе точку опоры и высшее оправдание ВСЕ стороны русской жизни. Широкое гостеприимство, заповеданное Преподобным Сергием и возведенное в силу закона царем Алексеем Михайловичем, дары всех родов, начиная от хлеба и кончая исцелением тел и душ, причем не забыты даже утешения детям — игрушки, самим Преподобным изготовленные, — все это вместе, по замыслу прозорливого открывателя Троицкого культурного идеала России, должно было стать благоприятным условием для «взирания» на храм Пресвятой Троицы и созерцания в нем первообраза Божественного единства. Отныне Троицкое храмоздательство связывается с именем Преподобного Сергия, и не без причины. Троицкие храмы имели обычно Сергиевские приделы.

...Идея Пресвятой Троицы для Преподобного Сергия была в порядке общественного строительства заповедью общежития. «Там не говорят: это — мое, это — твое; отсюда изгнаны слова сии, служащие причиною бесчисленного множества распрей», — писал в свое время св. Иоанн Златоуст о современных ему общежительных монастырях. Общежитие знаменует всегда духовный

ВВ *Какой неожиданный филологический параллелизм! Взгляд на коммунизм со стороны духовного понимания этого слова дает нам картину святой и счастливой жизни во взаимной и братской любви людей друг к другу, в центре которой сияет образ Сергия. Взгляд же на коммунизм только как на форму социально-экономических отношений породил теорию Маркса о классовой борьбе и неизбежности социальных революций. Как же Флоренский хотел исправить это чудовищное несоответствие цели и средства!*

подъем: таковым было начало христианства... Идея общежития как совместного жития в полной любви, единомыслии и экономическом единстве, — назовется ли она по-гречески КИНОВИЕЙ или по-латыни КОММУНИЗМОМ, — всегда столь близкая русской душе и сияющая в ней, как вожденнейшая заповедь жизни, — была водружена и воплощена в Троице-Сергиевой Лавре Преподобным Сергием и распространилась отсюда, от Дома Троицы как центра колонизации и территориальной, и хозяйственной, и художественной, и просветительной, и, наконец, моральной...

...Лавра — это мы, более чем мы сами, это мы — в наиболее родных и наиболее сокровенных недрах нашего собственного бытия... Русская книга,

В Под русской идеей в русской религиозной философии (а Павел Флоренский являлся именно ее представителем) понималась проблема осознания русским народом своей исторической задачи **СОБИРАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА** вокруг какого-то **«ОБЩЕГО ДЕЛА»** в силу «вселенской отзывчивости русского человека», по словам Ф. Достоевского. «Общее дело» понималось разными философами по-разному. Флоренский суммирует здесь их взгляды, дав емкую формулу русской идеи: это духовное и нравственное просвещение народа, достижения культуры и науки, имеющие общечеловеческий, планетарный масштаб, это особый тип христианского хозяйства и русской государственности, основанных на любви к земле, общинной кооперации и гармонии централизованной власти и земского самоуправления. 600 лет назад Сергию Радонежскому удалось решить русскую идею именно в этом контексте, только собирал он еще не человечество, а новый суперэтнос. Сегодня дело за каждым из нас!

русская литература, вообще русское просвещение основное свое питание получали всегда от просветительной деятельности, сгущавшейся в Лавре и около Лавры... Самые странствования Преподобного Сергия, а дальше бесчисленные поколения русских святых, бывших его именно духовными детьми, внуками, правнуками и так далее, до наших дней включительно, разносили с собою русское просвещение, русскую культуру, русскую хозяйственность, русскую государственность, а точнее сказать, русскую идею в ее целом, все стороны жизни нашей собою определяющую.

...Подвожу итоги. Лавра собою объединяет в жизненном единстве ВСЕ стороны русской жизни... Сейчас не исчислить всех культурных возможностей, столь естественных около Лавры, нельзя и предвидеть те новые дисциплины науки, сферы творчества и плоскости культуры, которые могут возникнуть и, навер-

В Замечательный мост, еще не ведая того, выстраивает здесь Флоренский к разрабатываемой в это же время В. Вернадским теории о ноосфере — сфере разума как новой стадии в развитии планеты. И это вполне в духе самого Сергия — прогнозировать небывалое и выполнять его!

ное, возникнут с совершившимся переломом мировой истории — ОТ УЕДИНЕННОГО РАССУДКА КО ВСЕНАРОДНОМУ РАЗУМУ. Скажу короче: мне представляется Лавра живым музеем России, в котором кипит изучение и творчество и где в мирном сотрудничестве и благожелательном соперничестве учреждений и лиц совместно осуществляются те высокие предназначения — дать целостную культуру, ...которые ждут творческого подвига от русского народа... Средоточием же этой всена-

родной Академии культуры мне представляется поставленное до конца тщательно, с использованием всех достижений русского высокостильного искусства, храмовое действо у священной гробницы Основоположника, Строителя и Ангела России.

КОММЕНТАРИИ

1. Противоположность между заволжскими старцами-«нестяжателями» и приверженцами Иосифа Волоцкого — осифлянами, выявленная в начале XVI в., резкая и практически непримиримая. Вот как ее характеризует Георгий Федотов: «Одни исходят из любви, другие из страха, ...одни являют кротость и всепрощение, другие — строгость к грешнику. В организации иноческой жизни на одной стороне — почти безвластие, на другой — суровая дисциплина. Духовная жизнь «заволжцев» протекает в отрешенном созерцании и «умной» молитве, осифляне любят обрядовое благочестие и уставную молитву. «Заволжцы» защищают духовную свободу и заступаются за гонимых еретиков, осифляне предадут их на казнь. «Нестяжатели» предпочитают трудовую бедность имениям и даже милостыне, осифляне ищут богатства ради социально организованной благотворительности. «Заволжцы», при всей бесспорной русской генеалогии их — от преподобных Сергия и Кирилла — питаются духовными токами православного Востока, осифляне проявляют яркий религиозный национализм. Наконец, первые дорожат независимостью от светской власти, последние работают над укреплением самодержавия и добровольно отдают под его попечение и свои монастыри, и всю Русскую Церковь» («Святые Древней Руси». — М., 1990, с. 186).

Такое мировоззренческое противостояние заложило мину замедленного действия в едином сознании русского народа, которая сработала через 150 лет при проведении патриархом Никоном церковной реформы, расколов русское общество на старообрядцев — приверженцев древнего благочестия — и сторонников религиозно-имперской политики московских царей.

2. Текст печатается по: *Смолич И.К.* Русское монашество. — М., 1997, с. 396—404.

3. Нил Сорский раскрывает здесь своеобразие и особенность того этапа расцвета молитвенной жизни в восточном христианстве, который был характерен именно для Византии XIV в., ярко выразившийся в учении Григория Синаита и Григория Паламы об исихазме. Требования безмолвия вовсе не означали необходимости для монаха жить в отшельничестве. Как правило, это был монах-созерцатель-практик, но одновременно и теоретик-философ. При этом он мог быть писателем, переводчиком, иконописцем, мог занимать пост в церковной администрации или возглавлять монашескую общину, принимать активное участие в общественной жизни. Причем некоторые делали это, не выходя из келлий, а лишь принимая у себя разного рода гостей, в том числе ученых и политических деятелей. Все это было характерно и для Школы Сергия Радонежского, поддержать и укрепить традиции которой и старался Нил Сорский.

4. Текст печатается по: Памятники литературы Древней Руси. Конец XIV — первая половина XVI века. — М., 1984, с. 467—493.

5. Максим Грек иносказательно здесь рассказывает о возникновении общежительного устава в монастырском устройении жизни, характерном как для раннего христианства (см. примеч. 18 в главе «Сергий Радонежский»).

нежский»), так и для византийских монастырей, а также для некоторых католических. И здесь прежде всего надо назвать первый монашеский орден VI в., основанный Бенедиктом Нурсийским, а также бродячих проповедников францисканцев-миноритов («меньших братцев»), последователей итальянского «нестяжателя» Франциска Ассизского (1182—1226). В 1322 г. римский папа Иоанн XXII объявляет еретиками всех, кто проповедует «нестяжание», и начинает на них гонение. (Под это определение подпадает и вся восточная церковь.) С этого времени характер католических монастырей резко меняется.

6. В этом-то и была огромная разница между духовной жизнью в средневековой Европе и на Руси. Там — монашеские ордена, у каждого из которых были свои устав и специфические задачи, роль по отношению к церковной иерархии в Священной Римской империи. Это были своего рода разведывательные учреждения с жесткой внутренней дисциплиной подчинения, следящие за выполнением религиозных догматов среди населения. Именно им в XIII в. передается функция инквизиции. Понятна и та неприязнь, с какой относились к монахам простые люди. На Руси же в это время действует Школа Сергия Радонежского — ЕДИНАЯ на всей территории Московского государства, приравнявшего за счет христианизации своих окраин, имевшая исключительный духовный авторитет среди ВСЕГО НАСЕЛЕНИЯ. Благодаря ученикам преподобного Сергия русские называли страну, в которой жили, СВЯТОЙ РУСЬЮ, а себя — христианами (или «крестьянами», т.е. несущими крест веры).

Попытка Грозного организовать опричнину по типу монашеского ордена осталась в памяти народа как жуткий опыт фальсификации христианства.

7. Это грустное замечание Максима Грека как раз и указывает на кризис, который переживает русское монашество в середине XVI в. В религиозной жизни Руси устанавливается (и надолго) тип уставного благочестия, обрядового исповедания, соседствовавший с утонченной жестокостью, развратом и жадностью, начиная с дворцовых покоев и распространяясь до монашеских келий. Середина XVI в. — период деятельности митрополита Макария (1542—1563) и венчания на царство Ивана Грозного — разделяет духовную жизнь России на две эпохи: Святую Русь и православное царство. Окончательный разгром в 1553—1554 гг. заволжских и северных скитов и осуждение на заточение многих пустынножителей, осуществленный Макарием в целях борьбы с ересями, привел к постепенному исчезновению целого духовного направления святости в русском православии. Недаром Макарий провел огромную работу по сбору сведений о русских старцах и их канонизации (было канонизировано 40 новых «русских чудотворцев»), подытоживая таким образом духовную и воспитательную деятельность Школы преподобного Сергия Радонежского. Плоды ее были собраны, убраны на хранение и дадут новые всходы в русской истории теперь не скоро — лишь в XIX в., в феномене оптинских старцев. К сожалению, и этот опыт был искусственно прерван после Октябрьской революции.

8. Сергей Радонежский категорически запрещал своим инокам просить подаяние, а добывать себе пропитание собственным трудом.

9. В этом рассказе Максим Грек повествует о деятельности поразившего его в свое время настоятеля доминиканского монастыря Сан-Марко во Флоренции Савонаролы, которого он выводит под именем Иеронима.

10. Текст печатается по: Сергей Радонежский: Сборник. — М., 1991, с. 366—384. Все выделения в тексте даны автором статьи.

11. Подытоживая книгу, надо еще раз вернуться к ее началу, к тем страницам Предисловия, где рассказывается об исихастских спорах, звучащих в Константинополе на протяжении нескольких десятилетий, потому что это были не просто философские дискуссии, происходящие под сводами Софийского собора. В 1341—1347 гг. в Византии шла гражданская война между приверженцами православия и исихазма (во главе с будущим императором Иоанном Кантакузином, поддержанным афонскими монахами и Григорием Паламой) и латинства (во главе с группировкой вдовы-царицы Анны Савойской, поддержанной константинопольским патриархом, последователем философа Варлаама). В нее включились практически все страны Европы, и «невидимый политический фронт» расколол ее с севера на юг. Варлаамитов поддержал папа Климент VI, в 1343 г. он объявил крестовый поход против Византии, который не состоялся из-за затяжной войны между Францией и Англией. Даже Сербия и Болгария поддержали в этой войне царицу Анну за обещанные ею территории. В 1347 г. Кантакузин приходит к власти и тут же ставит нового патриарха Филофея, ученика Паламы.

Но Кантакузин пробыл у власти всего семь лет. В 1354 г. он отрекается от престола в пользу своего зятя Иоанна V Палеолога и начинает монашеское служение на Афоне. Его цель — укрепить православное мировоззрение в его мистико-созерцательной сути исихазма и православную церковь в форме монашеских киновий и феномене старчества. Греки знали, что ум черпает силу в сердце, становясь мудростью, и потому мысль и чувство, с их точки зрения, вовсе не являлись антагонистами, как это считали богословы Западной Европы, уповавшие на разум. Если те разрывали Небо и Землю, противопоставляя Богу его творение, и писали о невозможности, иллюзорности преображения человека, то византийская философия в учении о Фаворском свете утверждала, что Бог присутствует в своем творении всегда. Он пронизывает его духовными энергиями, и без них человек ничего не может сотворить. При всей своей созерцательности и кажущейся умозрительности она имела гораздо более практический, реально значимый для человека характер, чем западная философия. Это свидетельствовало о стремлении греков к целостной, нерасчлененной жизни, когда мировоззрение неразрывно связано с поведением человека, с волевыми и практическими сферами его деятельности и реально воплощается в преображении человеческого естества, стяжании Духа Святого. Античная культурная традиция прекрасно уживалась с этим мировоззрением.

Для византийских церковников страшней были агрессивные и нетерпимые латиняне, чем агрессивные, но веротерпимые турки, тем бо-

лее, что те поддержали их в гражданской войне. Римско-католическая церковь к середине XIV в. была централизованным социально-политическим институтом, интеллектуальной и практической деятельностью своей направленным на освоение и подчинение себе окружающего мира, а вовсе не на задачи его духовного просвещения. Поэтому философско-богословские споры в Константинополе имели громадный политический резонанс. Исихазм от начала к концу XIV в. претерпел в Византии заметную эволюцию от келейного, индивидуального делания к широкому общественному движению. Это происходило настолько явно, что император Палеолог поручает именно своему тестю как представителю афонской партии в православной церкви вести в 1367 г. переговоры с папским легатом о церковной унии ввиду реальной угрозы османского завоевания. Кантакузин предложил для окончательного преодоления религиозных разногласий собрать Вселенский собор, на котором бы присутствовали представители всех православных митрополий и католических орденов. Папа в ответ потребовал беспрекословного подчинения, и проект не был осуществлен. С этого момента Византийская церковь, прекрасно понимая неизбежность будущего крушения империи, стала готовить почву для распространения и укрепления православия в Московской Руси, мечтая о воссоздании там православного царства. Недаром Иван III увозит в XV в. из Греции на Русь не только последнюю царевну из рода Палеологов — Софию (греч. «мудрость»), но и герб Византии — двуглавого орла.

Школа Сергия Радонежского*

I. Монастыри, основанные преп. Сергием (2-я половина XIV в.)

1. Троицкий монастырь (ок. 1337—1340) под Москвой.

Игумены: преп. Сергий, Савва (Сторожевский), Никон Радонежский.

2. Благовещенский Киржачский монастырь (ок. 1358) под Владимиром. Игумен Роман.

3. Спасский монастырь (1360) в Москве. Игумен Андроник.

4. Борисоглебский монастырь (1363) под Ростовом.

5. Симонов Успенский монастырь (1370) в Москве. Игумен Феодор, племянник Сергия.

6. Высоцкий Зачатьевский монастырь (1374) под Серпуховом. Игумен Афанасий.

7. Дубенский Успенский монастырь (1380/81) на р.Дубенке, притоке р. Дубны. Игумен Савва (Сторожевский).

8. Дубенский Стромынский Успенский монастырь (1381) на р.Дубня. Игумен Леонтий.

9. Голутвин Богоявленский монастырь (1381) под Коломной. Игумен Григорий.

II. Собеседники преп.Сергия (2-я половина XIV в. — до 1392 г.)

1. Митрополит Алексий (основал 3 монастыря в Москве по афонскому образцу).

2. Стефан, игумен Богоявленского монастыря в Москве, брат Сергия, духовник великого князя Симеона Гордого.

3. Великий князь Дмитрий Донской (основал монастырь в честь победы на Куликовом поле на р.Угре).

4. Великая княгиня Евдокия (основала в Кремле женский монастырь в честь Вознесения Господня).

5. Димитрий Прилуцкий, друг Сергия (основал 2 монастыря: в Переяславле Залесском и близ Вологды).

6. Дионисий, архиепископ Суздальский и его ученик Евфимий (основали 2 монастыря в Суздале).

7. Стефан Пермский (4 монастыря в стране коми-зырян на Урале).

8. Стефан Махрицкий (во Владимирском крае).

9. Его ученики Григорий и Кассиан (основали 2 обители на р.Авнже в Вологодском крае).

10. Кирилл и Ферапонт, монахи Симонова монастыря в Москве (основали 2 обители на Белом озере в Вологодском крае).

11. Епифаний Премудрый, поставленный Сергием духовником в своем монастыре.

12. Андрей Рублев, юный собеседник Сергия, ученик его ученика Андроника — Саввы Московского.

Всего было основано 18 монастырей.

*Материалы взяты из «Жития Сергия Радонежского» Епифания Премудрого, а также из книг: И.К.Смолич «Русское монашество», И.М.Концевич «Стажание Духа Святого».

III. Монастыри, основанные учениками преп. Сергия (конец XIV—нач. XV вв.)

1. Мефодий Песношский — Николо-Песношский монастырь (1361) под Дмитровом.

2. Авраамий Галицкий:

а) Успенский

б) Ризоположенский

в) Богородицкий

г) Покровский

Чухломской край
все до 1375 г.

3. Павел Обнорский (Комельский) — Троицкий монастырь (ок. 1381) на р. Обнора (между Ярославлем и Вологдой).

4. Сильвестр Обнорский — Вознесенский монастырь (XIV в.).

5. Иаков Железноборский — Предтечев монастырь (конец XIV в.) близ Галича (Чухлома).

6. Феодор Ростовский — Рождественский монастырь (1393/94) в Ростове.

7. Савва Сторожевский — Рождественский монастырь (1398/99) близ Звенигорода.

8. Никита Боровский — Высоцкий Покровский монастырь (ок. 1410) близ Калуги.

9. Сергей Обнорский — Спасский монастырь (до 1412) на р.Нурма (между Ярославлем и Вологдой).

Всего 12 монастырей.

IV. Группа Спасо-Каменного монастыря («Северная Фиваида»). XV век

Спасо-Каменный монастырь на оз. Кубенское (Вологодский край) основан между 1241 и 1260 гг. Настоятель Дионисий Святогорец (грек) ввел Афонский устав (киновию) (после 1380 и до 1418 г.

Подгруппа преп. Дионисия Глушицкого († 1437), игумена Спасо-Каменного монастыря, ученика Кирилла Белозерского

Никол. Свято-
луцкий (1393)
оз.Кубенское

Покровский
(1402)
на р.Глушица

Сосновский
Предтечев (1420)
на р.Глушица

Леонтьев мона-
стырь (1-я пол. XV в.)
на р.Глушица

Филипп основал монастырь на
р.Рабанская Сухона (до 1447)

Стефан Озерский — Николо-
Комельский монастырь (1520)

Семигородная пустынь

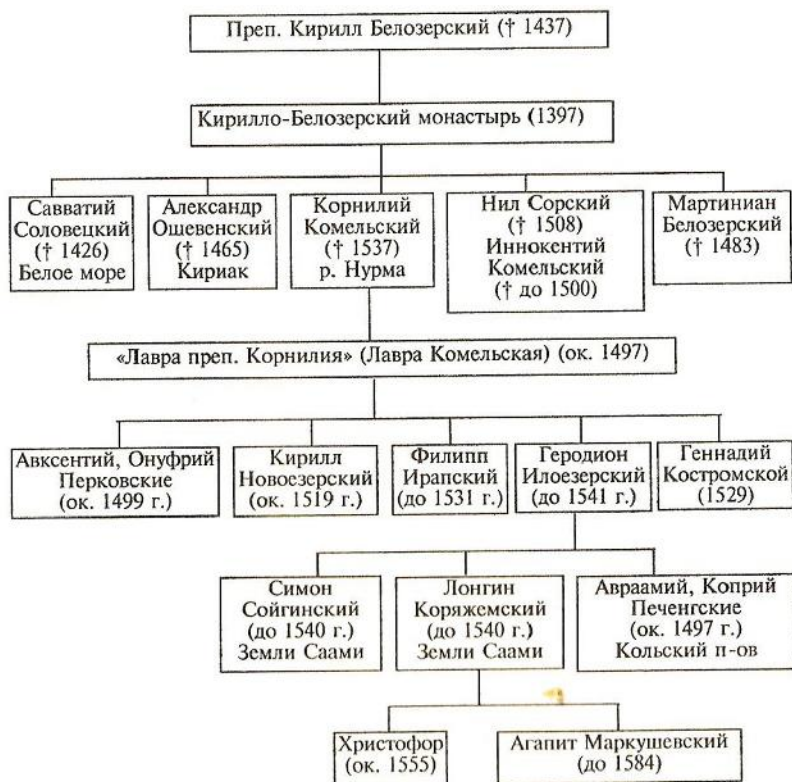
Александр Куштский — Спасо-
Сянжемский монастырь (1426)

Григорий Пельшемский — Лопотов
Богородицкий монастырь (до 1437)

Всего 9 монастырей.

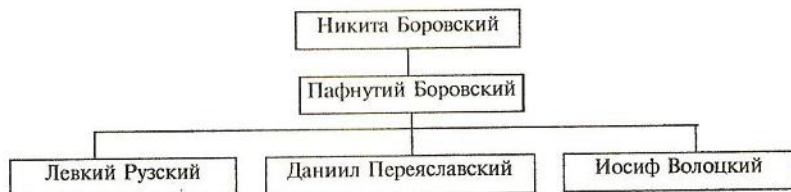
V. Группа преп. Кирилла Белозерского

(«Заволжские старцы») 2-я пол. XV— 1 пол. XVI вв.

Всего 15 монастырей (скитов)

VI. Группа преп. Пафнутия Боровского

Всего 4 монастыря.

СИНХРОНИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА МИРОВЫХ СОБЫТИЙ В XIV—XVI ВВ.

Века	Зап. Европа	Византия	Московская Русь	Мусульманский мир
XIV в. I-я треть	Раннее Возрождение в Италии. Создание университетов в Риме, Кембридже. Открытие пороха и огнестрельного оружия, изобретение ткацкого станка. 1308—1378: «Авиньонское пленение» пап (Франция)	Исламизация части греческого населения. Деятельность на Афоне Григория Синаита.	1325 — митрополит Всея Руси Петр переносит кафедру в Москву. 1328 — ханский ярлык на великое княжение, данный Ивану Калите. Строительство Даниловского и Высокопетровского монастырей в Москве, Успенского собора в Кремле.	1326—1337: захват турками-османами византийских городов. Исламизация Золотой Орды при хане Узбеке
40-е годы	1343 — папа Климент VI объявляет крестовый поход против Византии, но проект не реализован. 1337—1453: Столетняя война между Англией и Францией. 1347 — от чумы в Европе умирают 25 млн. человек. Основание университета в Праге. Расцвет Ботемии.	1341—1347: гражданская война между приверженцами православия (последователями Григория Паламы) во главе с будущим имп. Кантакузином и латинства (последователями Варлаама) во главе с вдовой-царицей Анной Савойской. 1347 — победа Кантакузины. Новый патриарх Филофей — ученик Паламы.	Экономическая поддержка Кантакузины московским князем Симеоном Гордым. ОСНОВАНИЕ ТРОИЦКОЙ ОБИТЕЛИ СЕРГИЕМ РАДОНЕЖСКИМ. Разрыв русской митрополии на три кафедры — Киевскую, Галицкую и Московскую. Восстановление единой русской митрополии под рук. Феогноста.	Ордынский хан Джанибек поддержал Кантакузина и объявил на Черном море войну итальянцам за крымские города. Турки помогают Константинополью продолжительным.
50-е годы	Возрождение в Италии набирает силу.	1354 — отречение Кантакузины от престола в пользу династии Палеологов и начало его монашеского служения на Афоне по укреплению церкви. Буд. Русские митр. Алексий и Киприан проходят школу исихазма под рук. Филофея. 1367 — Кантакузин от лица Визант. Церкви предлагает папе собрать Вселенский собор. Проект не осуществлен. Деятельность философа-исихаста Кавасила.	1354—1378: митрополит Всея Руси Алексий, он же регент кн. Дмитрий Ива. Московско-тверское соперничество за великое княжение при маме. Коалиция Твери, Литвы и Орды против Москвы. 1367 — постройка каменного Кремля в Москве. 1375 — рукоположение Киприана на Киевскую митрополию как буд. преемника Алексия. ШКОЛА СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО (I, II). Начало деятельности на Руси Феодана Грека. 1375 — поражение Твери от московского князя.	1357 — убийство Джанибека сыновьями. «Замытия» в Золотой Орде. 1369 — Тамерлан восстанавливает империю Чингизхана со столицей в Самарканде.

Посл. чет-верть века

1378—1417: «Великая схизма», — раскол в католицизме. Папы в Риме и Авиньоне.
1380 — перевод Библии на англ. яз. Вилфридом, который пытается реформировать англ. Церковь.
Ректор пражского ун-та Ян Гус критикует деятельность пап.

XV век

1414—1418: папский собор в Констанце для прекращения раскола. Оуждение им Яна Гуса и сожжение его на костре (1415).
1419—1436: Гуситские войны.
Освобождение Франции от англичан под рук. Жанны Д'Арк.
Обвинение ее в ереси и сожжение на костре (1431).
1455—1485: Война Алой и Белой розы в Англии.

1455 — открытие книгопечатания Гуттенбергом. Высокое Возрождение в Италии, развитие гуманистических идей. Сев. Возрождение: деятельность Эразма Роттердамского и Томаса Мора.

1478 — учреждение инквизиции в Испании. Великий инквизитор Торквемада: за 18 лет сожжено более 10 тыс. еретиков. Борьба с маврами. 1492 — образование единой Испанской монархии. Изобретение компаса. Эпоха геогр. Открытий: Америки Колумбом (1492), Индии Васкоде Гамой (1498), Южной Америки Америго Веспуччи (1499).

Деятельность афонских старцев в Сербии, Болгарии, на Руси.
Расцвет религиозного искусства («Палеологовский ренессанс»).

1439 — Флорентийская уния между папой и имп.
Палеологом, не поддержанным православным миром.

1453 — ЗАВОЕВАНИЕ ТУРКАМИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ и превращение его в свою столицу Истамбул.
Бегство греков в Италию и на Русь.

1380 — КУЛИКОВСКАЯ БИТВА. Нашествие на Москву Тохтамыша, Тамерлана и Эдигея.
1378—1389: московская кафедра без митрополита.
ШКОЛА СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО (III).
1389 — перевод свят. Кириана на московскую каф.

Борьба за великокняжеский престол среди моек. Князей.
ШКОЛА СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО (IV—VI).

1422 — обретение его мошей и строит. каменной Троицкой церкви.
Деятельность Андрея Рублева.
1448 — начало самостоятельности русской церкви при митр. Ионе.
1450 — Василий II разбивает Дм. Шемяку и утверждает свое право на великое княжение. Собрание вокруг Москвы уездных княжеств.

1462—1505: царствование ИВАНА III — ГОСУДАРЯ ВСЕЯ РУСИ.
1472 — его брак с Софией Палеолог.
1480 — «стояние на Угре»; освобождение от татаро-монг. Ига.
Строительство нового Кремля и кам. Соборов итальянскими масте-рами.
Творчество иконописца Дионисия.
1490 — Борьба Иосифа Волоцкого с ересью, осуждение и сожжение еретиков.

Тамерлан завоеывает Персию, Индию и движется в Перелюбую Азию.

1389 — БИТВА ПРИ КОСОВЕ. Завоевание турками Болкан и южных славян.

1402 — Монголы Тамерлана побеждают на полях Ангоры (перелюбая Азия) турков-османов.

1405 — смерть Тамерлана.
Распад Золотой Орды на три ханства — Казанское, Астраханское, Крымское.
1447 — распад империи Тамерлана на отдельные Царства.
Расцвет Узбекской поэзии
1451 — восстановление Османской империи при Мехмеде I.

1472 — завоевание турками Персии.
1475 — Крыма.

1	2	3	4	5
XVI век	Вершина итальянского и немецкого возрождения. Завоевание Португалией Бразилии, Испании Мексики и Перу; англич. Переселенцы в Калифорнии, французские — в Канаде. Путешествие Магеллана вокруг света.	1517 — «Тезисы» Лютера знаменуют начало Реформации.	1504 — собор, осудивший вместе с еретиками и «нестяжателей»-старцев в борьбе за право монастырям иметь собственность.	Турки завоевывают Палестину (1517) и Венгрию (1541).
	1535 — утверждение протестантизма в Германии.	1545 — Тридентский церковный собор подтвердил власть папы.	1531 — обвинение «нестяжателей» в заговоре против Василия III.	
	Начало контрреформации и усиление костров инквизиции.	1555—1598: деятели Лейбница и Филиппа II, исп. Короля, против ереси Реформации (казнено более 50 тыс. чел.).	1537—1547: Междоусобица, «семилетняя» при малолетнем Иване IV.	
	Истребление Фландрии и восстание в Нидерландах.	Утверждение англиканской церкви при Елизавете I (1558—1603).	1542—1563 — на моск. каф. Митрополит Макарий.	
	1572 Варфоломеевская ночь в Париже: истреблено до 30 тыс. гугенотов-протестантов. Всего во Франции в религ. войне погибло до 1 млн. чел.	1598 — Нантский эдикт Генриха IV примирил стороны.	1547 — из его рук Иван IV принимает титул русского царя.	Основание династии Великих Моголов в Индии.
	Борьба церкви с учеными и натурфилософами.	1600 — сожжение на костре Дж. Бруно — последний костер инквизиции.	Первый земский собор. «Стоглавый собор» о делах церкви. Оконч. разгром заволжских скитов.	
			1552—1556: взятие Казани и Астрахани.	
			1559 — Возведение и освящение Покровского собора на Красной площади. 60-е гг. Деятельность перепечатника Ивана Федорова.	
			1561—1581: Ливонская война.	
			1564 — переезд царя в г. Александров со своим войском. Опричнина.	
			1569 — образование Речи Посполитой: Зап. Русь и Литва в составе Польши.	
			1570 — Новгородский погром. 50% рус. населения перебито.	
			1580 — убийство сына-наследника.	
			1589 — смерть Ивана Грозного.	
			1589 — учреждение патриаршества на Руси при царе Федоре Ивановиче.	
			80-е гг. покорение Сибири русскими.	
			1596 — церк. Уния Зап. Руси с папой.	
			1598 — конец царской династии Юрьевых.	
			НАСТУПЛЕНИЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ.	

ЛИТЕРАТУРА

1. Ангел-хранитель земли Русской: (Памяти преподобного Сергия Радонежского). /Сост. Н.А.Трофимчук. — М.: Луч, 1994 — (Сер. «Мыслители России»).
2. Жизнь и житие Сергия Радонежского /Сост. посл. и комм. В.В.Колесов. — М.: Сов. Россия, 1991.
3. Знамя Преподобного Сергия Радонежского: Сб. /Сост.: Б.А.Данилов, Ю.М.Ключников. — Новосибирск: Сибирь. XXI век. 1991. — (Сер. «Библиотека духовной литературы»).
4. Избранные жития русских святых (X—XV вв.). — М.: Молодая Гвардия, 1992.
5. Карпов А.Ю., Юрьев А.А. Самые знаменитые святые и чудотворцы России. — М.: Вече, 2000. — (Сер. «Самые знаменитые»).
6. Концевич И.М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. — М.: Изд. отдел Московского Патриархата, 1993.
7. Лихачев Д.С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. — М.;—Л.: Наука, 1962.
8. Муравьев А.Н. Русская Фиваида на Севере. М., Православный паломник, 1999. (1-е издание — СПб., 1855.)
9. Памятники литературы Древней Руси: XIV — сер. XV века /Пер.: М.Ф.Антонова и Д.М.Буланин. — М.: Наука, 1981.
10. Памятники литературы Древней Руси: Конец XV — первая половина XVI в. — М.: Наука, 1984.
11. Преподобный Сергей Радонежский: Житие, подвиг. — М.: Лучи Софии, 1998.
12. Прохоров Г.М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы: Статьи. — СПб.: Алетей, 2000. — (Сер. «Византийская библиотека. Исследования»).
13. Рожнова П.К. Сказ о Кирилле Белозерском. — М.: Даниловский благовестник, 1997. — (Сер. «Святая Русь»).
14. Святитель Стефан Пермский /Статья, текст, перевод с древнерус., коммент.: Г.М.Прохоров — СПб.: Глаголь, 1995. — (Сер. «Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях»).
15. Сергей Радонежский: Сборник /Сост. В.А.Десятников. — М.: Патриот, 1991.
16. Смолич И.К. Русское монашество. — М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 1997.
17. Троица Андрея Рублева: Антология /Сост. Т.И.Вздорнов. — М.: Искусство, 1981.
18. Федотов Г.П. Святые Древней Руси /Предисл.: Д.С.Лихачев и А.Мень. — М.: Московский рабочий, 1990.
19. Экономцев Иоанн, игумен. Православие. Византия. Россия. — М.: Христианская литература, 1992.

СОДЕРЖАНИЕ

ШКОЛА ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ <i>В.М.Петров</i>	5
ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ	21
Молитва ко Пресвятой Троице от Преподобного отца нашего	
Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца	22
Житие преподобного и богоносного отца нашего, игумена Сергия	
чудотворца. Написано премудрейшим Епифанием	
(Перевод на современный русский язык)	23
Древнерусский текст «Жизнь и житие преподобного	
отца нашего Сергия» (Избранные фрагменты)	109
Молитва Епифания к преподобному Сергию	136
<i>Комментарии</i>	137
СПОДВИЖНИКИ И УЧЕНИКИ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО	
СТЕФАН ПЕРМСКИЙ	142
Преподобного в священноиноках отца нашего Елифания слово о житии	
и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом	143
ДИМИТРИЙ ПРИЛУЦКИЙ	168
Житие преподобного Димитрия Прилуцкого (фрагмент)	168
ФЕОДОР, АРХИЕПИСКОП РОСТОВСКИЙ	169
Житие преподобного отца нашего Феодора,	
архиепископа Ростовского (фрагмент)	169
САВВА СТОРОЖЕВСКИЙ	172
Житие преподобного отца нашего Саввы Сторожевского,	
Звенигородского чудотворца (фрагмент)	172
НИКОН РАДОНЕЖСКИЙ	174
Житие преподобного отца нашего Никона, игумена Радонежского	
(фрагменты)	174
АНДРЕЙ РУБЛЕВ	179
Празднование преподобных Андроника, Саввы и Александра	
Московских, Даниила Черного и Андрея Рублева (фрагменты)	180
<i>Комментарии</i>	183
ПОСЛЕДОВАТЕЛИ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО	
НИЛ СОРСКИЙ	185
Преподобного и богоносного отца нашего игумена Нила Сорского,	
основателя скитского жития, поучения своим ученикам	186
МАКСИМ ГРЕК	191
Повесть о совершенной иноческой жизни	193
ОТЕЦ ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ	206
Троице-Сергиева лавра и Россия (отрывки)	206
<i>Комментарии</i>	211
<i>Приложение (таблицы)</i>	215
<i>Литература</i>	222

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Составитель и автор предисловия
Виктор Михайлович Петров

Первый читатель, автор комментариев и редактор
Бирич Инна Алексеевна

Художник
Василий Животягов

Набор и верстка
Ирина Сергеевна Калининцева

Редакционно-издательская подготовка,
оформление и макет
Издательского Дома Шалвы Амонашвили

Лицензия ИД № 02878 от 21.09.2000 г.
Подписано к печати 12.12.2000. Формат 60 × 90^{1/16}.
Усл. печ. л. 14. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1044.

Издательский Дом Шалвы Амонашвили
МГПУ лаборатория гуманной педагогики
113184, Россия, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16.
тел.: (095) 959-55-54, доб. 121, 120

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП ордена «Знак Почета»
Смоленской областной типографии им. В. И. Смирнова,
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

ISBN 5-89147-029-2

9 785891 470293

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

В "Антологии"
используется ранее
не применявшийся
в практике Российского
учебного книгоиздания
прием фокусирования
на страницах книги
не всегда совпадающих
позиций —

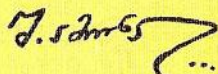
автора классического
наследия;

составителя тома, ученого,
излагающего свои взгляды

во вступительной статье
и комментариях,

и первого читателя,
учителя, сегодня смотрящего
в глаза своим ученикам,
призванного сегодня
реализовывать **идеи**
гуманной педагогики.

*«Иже успеет услышать
своего духа голос,
над бездной вознесется».*
Пророческие слова Сергия
Радонежского определяют
смысл учительства на путях
подлинного образования
души и сердца
многих поколений.
Его духовная мощь
вбирает в себя
духовность всей России
и оплодотворяет ее заботой
о Высшем и Чистом,
о Родине и Человеке.

Шалва Амонашвили